

ОГЛАВЛЕНИЕ

Понятийный аппарат	4
Глава 1. Анализ и прогноз развития отношений между локальными человеческими цивилизациями в XXI веке	6
1.1. Основы методического подхода к формированию международной и военно-политической обстановки, основанного на учете новой роли локальных человеческих цивилизаций	9
1.2. Конфликт локальных человеческих цивилизаций — как основа для будущих военных конфликтов	18
1.3. Западная и восточная локальные человеческие цивилизации в XXI веке: синдром «братских стран».....	24
Глава 2. Особенности долгосрочного прогноза развития современной международной обстановки в Евразии	32
2.1. К методологии прогноза развития международной обстановки	32
2.2. Прогноз развития сценария «военно-силового противоборства ЛЧЦ» в Евразии	40
Глава 3. Прогнозирование развития отношений между локальными человеческими цивилизациями в Евразии	63
3.1. Новые центры силы и консолидации локальных человеческих цивилизаций в Евразии как реакция на экспансию ЕС — НАТО ...	67
3.2. Роль человеческого капитала в противоборстве локальных человеческих цивилизаций в Евразии на примере военной политики.....	71
3.3. Российская локальная человеческая цивилизация и евразийская интеграция.....	84
3.4. Прогноз развития военной организации «российского ядра» локальной человеческой цивилизации	93
Заключение. Выводы и предложения	104
Список использованной литературы	120

ПОНЯТИЙНЫЙ АППАРАТ

Военная доктрина Российской Федерации — является одним из основных документов стратегического планирования в Российской Федерации и представляет собой систему официально принятых в государстве взглядов на подготовку к вооруженной защите и вооруженную защиту Российской Федерации.

Военная организация государства — совокупность органов государственного и военного управления, Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов, составляющих ее основу и осуществляющих свою деятельность военными методами, а также тех частей производственного и научного комплексов страны, совместная деятельность которых направлена на подготовку к вооруженной защите и саму военную защиту России.

Военная политика — деятельность государства по организации и осуществлению обороны и обеспечению безопасности, а также интересов ее союзников.

Военно-политическая обстановка (ВПО) — состояние мировой военно-политической системы в определенный период времени, характеризующееся составом субъектов военной политики, их состоянием и особенностями военно-политических отношений между ними, а также основными тенденциями развития. ВПО оценивается совокупностью результатов действий одних субъектов военно-политических отношений в отношении других.

Военно-политический потенциал — совокупность нематериальных и духовных возможностей, как задействованных в настоящее время, так и тех, которые потенциально могут быть использованы в военных целях.

Коалиционный потенциал — способность государств/цивилизаций создавать взаимные коалиции, включая военные, политические, экономические и др.

Локальная человеческая цивилизация (ЛЧЦ) — определенная часть общества, проживающая на конкретной территории, объединенная общей системой ценностей, историческим наследием и видением общего будущего.

Международная обстановка (МО) — состояние мировой системы международных отношений в определенный период времени, характеризующееся составом субъектов (государственных, международных и негосударственных) мировой политики, ведущими мировыми тенденциями и отношениями между ними. МО оценивается совокупностью результатов действий одних субъектов в отношении других.

Методология — тип сознания, направленного на разработку, совершенствование и изучение методов теоретической и практической деятельности в области международных отношений.

Национальный человеческий потенциал — демографические, творческие, интеллектуальные и духовные ресурсы нации, являющиеся основной частью национального богатства и мощи государства. В военной области НЧК определяет качество личного состава ВС, эффективность руководства страны и ВС, а также качество ВиВТ.

Новая парадигма — универсальный образец, совокупность явных и неявных предпосылок, формирующих модель МО, и признанных большинством представителей мирового сообщества на данном этапе развития МО.

Правящая элита — достаточно узкий социальный слой общества, реально влияющий на политику страны.

Стратегическая обстановка (СО) — вид военно-политической обстановки, представляющий собой состояние мировой (региональной, внутригосударственной) ВПО в определенный период времени в ходе военного конфликта между субъектами военной политики (фаза развития военно-политических отношений — военный конфликт). Стратегическая обстановка характеризуется особенностями, масштабами и ходом военных действий, возможностями и условиями их прекращения или расширения, факторами, влияющими на их ход и результаты. Конкретное состояние участников военно-политической обстановки, их положение в определенный период времени накануне и в ходе конкретного военного конфликта или войны.

Стратегия национальной безопасности Российской Федерации — документ государственного стратегического планирования, определяющий стратегические национальные приоритеты, цели и меры внутренней и внешней политики, характеризующий состояние национальной безопасности и уровень развития государства на долгосрочную перспективу.

Сценарий развития международной обстановки — детальный план (проект), существующий в виде документа или набора идей относительно долгосрочных политических и иных целей.

Сценарий развития военно-политической обстановки — это описание изменения состояния мировой военно-политической системы в течение заданного периода времени при определенных (возможных, наиболее вероятных) уровнях действия влияющих факторов (политических, военных, экономических, идеологических и др.).

Совокупный военный потенциал страны — военная мощь государства.

Современная локальная человеческая цивилизация — конкретная часть общества, проживающего на определенной территории в современный период, объединенная общей культурой, системой ценностей, историей и видением общего будущего.

Управленческий потенциал — институциональная сила государства (цивилизации), выраженная в эффективности управления — политического, экономического, военного.

Глава 1. Анализ и прогноз развития отношений между локальными человеческими цивилизациями в XXI веке

Анализ и стратегический прогноз развития международной обстановки (МО), результаты которого крайне необходимы для текущей политики и стратегического планирования, может быть адекватным только в том случае, если он является следствием анализа взаимоотношений многочисленных (как минимум, нескольких сотен) факторов и тенденций, влияющих на эволюцию и формирование международных отношений. Эти многочисленные факторы и тенденции можно систематизировать, объединив в четыре основные группы, под решающим влиянием которых, на наш взгляд, прежде всего и происходит формирование МО вообще и в Евразии, в частности.

В начале этого раздела предлагается рассмотреть рисунок, описывающий модель МО, которая формируется из этих основных групп. Это позволит точнее определить место локальных человеческих цивилизаций (ЛЧЦ) среди других факторов и тенденций МО в Евразии в настоящее время. Как видно из рисунка, ЛЧЦ являются одним из факторов, участвующих в формировании МО, но вопрос в настоящее время заключается в роли и значении именно этого фактора среди прочих факторов.

Представляется, что с начала 90-х годов, когда эту тенденцию подметили некоторые политологи, прежде всего С. Хантингтон, значение ЛЧЦ стало стремительно усиливаться и уже ко второму десятилетию нового века оно стало сопоставимо с влиянием таких субъектов МО как государства, а в ряде случаев и превосходить это влияние. Так, выход Великобритании из ЕС стал своего рода ответной реакцией нации и государства на цивилизационно-бюрократическое доминирование Евросоюза. Переворот на Украине также стал проявлением, прежде всего, цивилизационного противоборства, когда значительная часть правящей элиты страны и общества захотела сменить «цивилизационную матрицу»: «кружевные трусики» против «ватников» - это бытовое оформление цивилизационного разлома на Украине.

Модель МО, формирующаяся под влиянием четырёх основных групп факторов и тенденций

Локальные человеческие цивилизации, как видно на рисунке, относятся к группе факторов – субъектов МО в которую входят нации, государства, союзы и коалиции. Однако со второй половины XX века в этой группе факторов именно ЛЧЦ, возглавляемая страной-лидером, стала играть решающую роль. Прежде всего, потому, что именно цивилизационные, базовые ценности оказывают влияние на эволюцию всех других групп факторов и тенденций – человеческого капитала и его институтов, негосударственных акторов, глобальных тенденций¹.

Это привело к тому, что в конце XX века стали говорить о том, что именно характер отношений между ЛЧЦ определяет во многом характер МО, а влияние других групп факторов носит, во всевозрастающей степени, второстепенный и подчиненный характер. Такой вывод, безусловно, может показаться преувеличением. Однако, вместе с тем, нельзя отрицать, что

¹ Подберёзкин А.И., Боршиполец К.П., Подберёзкина О.А. Евразия и Россия. М., 2014.

именно развитие ЛЧЦ в начале XXI века стало решающим фактором формирования МО.

Изначально в таком анализе и прогнозе важнейшая роль принадлежит как методологии, так и конкретным методикам, благодаря которым можно учесть и не абсолютизировать влияние субъективных, иррациональных и когнитивных факторов, которые не только традиционно играли огромную роль в политике, но и усилили свое значение в последние годы благодаря новому этапу технологической революции.

В интересах практической политики можно говорить, что анализ и прогноз политики ЛЧЦ и их стран-лидеров, как и возглавляемых ими политических, экономических и военных союзов и коалиций, во многом обеспечивает возможность построения концептуальной модели развития того или иного сценария МО, а также конкретный анализ их отдельных аспектов (например, военно-политических, финансовых и экономических).

1.1. Основы методического подхода к формированию международной и военно-политической обстановки, основанного на учете новой роли локальных человеческих цивилизаций

Практические результаты анализа состояния и прогноза развития международной обстановки и прогноза развития военно-политической обстановки (ВПО) зависят во многом от методологии и методики подхода исследователя или политика¹. В настоящей работе авторами предлагается следующая методика, которая исходит:

– во-первых, из того, что формирование современной международной обстановки происходит под влиянием многих тысяч факторов и тенденций, которые условно делятся на четыре группы: основные субъекты МО, глобальные и региональные тенденции мирового развития, негосударственные акторы и человеческий капитал и его институты, где традиционно главную роль играет группа «основные субъекты» МО;

– во-вторых, в эту группу входят ведущие нации и государства, коалиции, союзы, но, прежде всего, в ней решающее влияние оказывают основные локальные человеческие цивилизации, к которым относятся²:

- западноевропейская ЛЧЦ;
- американская ЛЧЦ;
- китайская ЛЧЦ;
- индийская ЛЧЦ;
- исламская ЛЧЦ;
- российская ЛЧЦ;
- индонезийская, латиноамериканская и пр.

Необходимо сразу же оговориться, что предметом анализа не являются культурно-исторические, политические, философские и иные аспекты раз-

¹ Стратегическое прогнозирование международных отношений : кол. монография / под ред. А.И. Подберезкина, М.В. Александрова. — М. : МГИМО-Университет, 2016. — С. 17–73.

² Подберезкин А.И., Соколенко В.Г., Цырендоржиев С.Р. Современная международная обстановка: цивилизации, идеологии, элиты. — М. : МГИМО-Университет, 2014. — С. 129–142.

вития локальных человеческих цивилизаций, о которых написано достаточно много великими мыслителями от Чаадаева и Данилевского до Тойнби и Хантингтона. В настоящей работе существование ЛЧЦ и их решающее развитие на МО в настоящем и будущем принимается за аксиому, и рассматриваются исключительно геополитические и военно-политические последствия взаимодействия и борьбы, современных ЛЧЦ, которые, на взгляд авторов, стали решающими факторами, влияющими на развитие тех или иных сценариев и их вариантов МО.

Именно эти субъекты МО и взаимоотношения между ними в XXI веке начали играть особенно важную роль, которая стремительно усиливается год от года, переводя комплекс отношений между государствами и нациями в междоцивилизационные отношения. Особенно обоснованно и подробно об этом писали С. Хантингтон и А. Тойнби в конце XX века. В частности, С. Хантингтон так определил роль государств и ЛЧЦ в XXI веке: «Основными игроками на поле мировой политики остаются национальные государства... Наиболее важными группировками государств являются уже не три блока времен холодной войны, но, скорее, семь или восемь основных мировых цивилизаций»¹. Иными словами, основные субъекты МО – государства, трансформируются в ЛЧЦ и их коалиции, превращаясь, по сути, в новые субъекты МО, которые играют все более важную роль. Это означает, что новая, культурно-цивилизационная основа становится базой для появления новых субъектов.

Эта тенденция отнюдь не бесспорна, хотя у нее есть множество подтверждений и доказательств. Прежде всего, потому, что ей противодействуют как старые тенденции (доминирование интересов государств), так и новые (глобализации и универсализации). Тем не менее, становится все очевиднее, что без ее признания, анализа и долгосрочного прогноза крайне трудно понять, например, такие реалии современной политической жизни, как:

¹ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций [пер. с англ. Т. Велимеева]. — М.: АСТ, 2016. — С. 15.

- формирование военно-политических коалиций и торгово-экономических союзов;
- доминирование в публичной политике культурно-цивилизационных установок;
- формирование на основе цивилизационных ценностей и норм международно-правовых правил и т.д.

Уникальность современного преимущества США в мире заключается в созданной ими в своих интересах и полностью контролируемой международной системе, где две важнейшие составляющие – подсистема военно-политической безопасности и финансово-экономическая система – находятся полностью под их контролем, во многом благодаря технологическому и экономическому могуществу США, с одной стороны, и созданной ими системе союзов и двусторонних соглашений более чем с 50 государствами, – с другой¹. Эти две основы американского могущества, вместе с тем, составляют современную суть цивилизации Запада, или локальной западной цивилизации, объединяющей не только традиционные западные страны.

По сути дела, именно эти основы западной цивилизации во главе с США составляют «империю западной ЛЧЦ», во многом аналогичную и унаследовавшую черты Римской империи начала новой эры. Цивилизационно, идеологически, политически и с военной точки зрения, это означает политическую и военную коалицию стран, входящих в западную ЛЧЦ и ряда зависимых государств, которая выступает механизмом продвижения системы ценностей и интересов всей ЛЧЦ, возглавляемой США.

– В-третьих, военно-политическая обстановка является одним из важнейших следствий развития МО (как финансовая, торгово-экономическая и социокультурная обстановки в мире). Поэтому логика исследования ВПО вытекает из того, что первичными являются отношения между ЛЧЦ, которые лежат в основе современной и будущей МО, конкретно-исторической специфики МО и уже только тогда – конкретной ВПО. Так, конфликт в Сирии следуя этой логике является:

¹ National Security Strategy. — Wash.: GPO, 2015. February. — P. 3.

- прежде всего, конфликтом между частью исламской ЛЧЦ и западной ЛЧЦ, которая стремится взять под контроль все страны, относящиеся к исламской ЛЧЦ посредством, в том числе их длительной политической дестабилизации (Афганистан, Ирак, Судан, Тунис, Египет, Ливия, Сирия и т.д.);
- конкретной МО, где это столкновение ЛЧЦ дополняется остальными известными факторами и тенденциями глобального и регионального порядка, включая, например, феномен ИГИЛ как пример влияния на МО негосударственных акторов;
- спецификой ВПО в мире, регионе и Сирии, которая заключается в составе участников противоборства, активности союзников, наличия ВиВСТ.

Современная международная обстановка, формируемая, как уже говорилось, под влиянием четырех групп факторов и тенденций, становится все более зависимой от цивилизационных и межкультурных отношений, без которых невозможно понять не только отношения между государствами (например, России и США, и стран ЕС), но и негосударственными акторами (инциденты в спортивном сообществе, отношения с экстремистскими, националистическими организациями). Выступая на съезде Демократической партии США в июле 2016 года Б. Обама по этому поводу заметил: «Россия и США никогда не перестанут быть геополитическими противниками».

Конфликт на Украине и вокруг Украины, очевидно, имеет в своей основе цивилизационную составляющую, которая доминирует и в политике западной ЛЧЦ. Поэтому можно сказать, что в XXI веке влияние ЛЧЦ не только в группе основных факторов, формирующих МО, но и во всей системе МО, стабильно усиливается¹. Прежде всего, за счет усиления влияния ЛЧЦ и их коалиций на другие группы факторов, которое можно показать на известном рисунке следующим образом:

¹ Стратегическое прогнозирование международных отношений : кол. монография / под ред. А.И. Подберезкина, М.В. Александрова. — М.: МГИМО-Университет, 2016. — С. 19–73.

Структура МО и место в ней ЛЧЦ

Иными словами, в XXI веке появилось качественно новое влияние ЛЧЦ уже не только на формирование МО, но и на развитие глобальных тенденций (через продвижение и силовое навязывание системы ценностей ЛЧЦ), негосударственные акторы (которые стали инструментом продвижения интересов и ценностей ЛЧЦ в мире) и национального человеческого капитала (НЧК) и его институтов (которые стали выражаться ценностями ЛЧЦ). В полной мере это справедливо и для других аспектов МО. В качестве примера такого влияния можно привести самоидентификацию граждан России.

Таблица, ниже, демонстрирует результаты факторного анализа для всех восьми критериев. Авторы изначально исходили из двух основных параметров идентичности (этнического и гражданского), поэтому анализ был ограничен выделением только двух факторов. Однако накопленный процент дисперсии является приемлемым, что говорит о состоятельности данного факторного решения. А величина КМО (0,879) демонстрирует высокую адекватность выборки для факторного анализа.

Распределение ответов на вопрос: «Как Вы думаете, насколько важно для того, чтобы считаться истинным россиянином...?»

	1. Этнокультурная компонента	2. Гражданская компонента
Быть православным	0,733	*
Иметь российское гражданство	0,698	
Родиться в России	0,678	
Говорить по-русски	0,617	
Прожить в России большую часть своей жизни	0,595	
Чувствовать себя россиянином	*	0,892
Иметь российское происхождение		0,715
Уважать российский политический строй и законы		0,636
Процент дисперсии	50,037	9,484

Примечание. Результаты факторного анализа методом «Главных компонент» с вращением методом «Варимакс».

*Значения ниже 0,5 не выводились.

Критерий «быть православным» получил наибольшую положительную нагрузку в первой компоненте. Обладание российским гражданством, факт рождения в России и владение русским языком, а также длительное проживание в стране являются составляющими этнокультурного измерения идентичности. Самоощущение себя в качестве россиянина («чувствовать себя россиянином») возглавляет список гражданских параметров идентичности. За ним следует такой критерий, как «иметь российское происхождение». «Уважению к российскому политическому строю и законам» присвоена наименьшая нагрузка¹.

Таким образом методология анализа того или иного конкретного проявления или аспекта МО (в нашем случае ВПО или стратегической обстановки (СО)) предполагает, прежде всего, последовательный анализ отношений между ЛЧЦ и их коалициями, которые формируют конкретную современную и будущей МО, а также ее проявление в мировой, региональной или

¹ *Пипия К.Д.* Идентификационные портреты россиян (на данных The ISSP и Левада-Центра) / мониторинг общественного мнения: май–июнь 2016. — № 3 (133). / URL: http://wciom.ru/fileadmin/file/monitoring/2016/133/2016_133_03_Pipia.pdf

страновой ВПО, что может быть схематично отображено на следующем логическом рисунке.

Конечно влияние других групп факторов на формирование МО в XXI веке никто «не отменял», но – важно подчеркнуть – что и на них сказывается влияние ЛЧЦ. Так, самая эффективная и многообещающая группа факторов в будущем – НЧК и их институты также будут находиться во все возрастающей степени под влиянием развития ЛЧЦ. Прежде всего, их культурно-ценностных систем, которые будут в возрастающей степени влиять на две области:

- культурно-историческую и духовную сферы формирования НЧК, которые до недавнего времени вообще не учитывалось ПРООН из-за «универсалистского» подхода;

- социальных технологий, способных (как показал опыт Украины, Сирии, а до этого – Туниса, Египта и Ливии) быстро менять внутривнутриполитическую ситуацию в стране.

«Люди чрезвычайно эффективны», – сказал основатель русской школы программирования В. Медведев, а «технологии управления обществом строятся на технологиях управления человеческом, его интересами и потребностями»¹. Другими словами – управление системной ценностей и интересов становится самой эффективной технологией управления в будущем

¹ Медведев В. В загнивающей Америке готовится грандиозный технологический прорыв, который определит будущее человечества / URL: NewResume. 2016. 5 июля / <http://newrezume.org/news>

**Логика последовательности
анализа и стратегического прогноза
возможных угроз и конфликтов**

Разумеется, подобная «многоступенчатая» логика развития анализа и стратегического прогноза предполагает, что на каждом из ее этапов будет проведено самостоятельное комплексное и системное исследование, по итогам которого можно перейти к анализу и прогнозу следующего этапа. Эта логика противоречит существующей практике. В настоящее время, как правило:

– избегают анализа первого, самого главного этапа, – развития отношений между ЛЧЦ, приоритетность которого еще в начале 90-х годов XX века отмечали многие исследователи, но по политическим причинам, оставшегося на периферии общественного внимания вплоть до настоящего времени.

Между тем, если посмотреть внимательнее на целый ряд важнейших документов не только США, но и Канады (например, последний «Обзор», подготовленный в июне 2016 года канадской разведкой), то будущее МО видится, прежде всего, как конфликт коалиций, за которым стоят локальные цивилизации;

– исследователи ВПО, как правило, «перескакивают через этапы» анализа, избегая, например, анализа сценариев МО по принципу «возможность – наибольшая вероятность», а также выделения частных вариантов наиболее вероятных сценариев МО и ВПО¹. Так, например, результаты голосования в Великобритании по поводу членства в ЕС в июне 2016 года, безусловно, повлияли на вероятность развития сценария интеграции «Большой Европы» в противовес атлантизму США;

– анализ конкретных военных опасностей и угроз, который присутствует в Стратегии национальной безопасности и Военной доктрине России, предполагает изначально анализ одного из очень конкретных сценариев развития СО. Такой анализ крайне маловероятен, с одной стороны, но абсолютно необходим, – с другой. Это означает, что исключительно много внимания и ресурсов требует анализ и прогноз многочисленных возможных вариантов развития, СО, которые можно спрогнозировать только исходя из логики анализа отношений между ЛЧЦ, развития МО и ВПО. Иными словами, в таких фундаментальных документах как Стратегия национальной безопасности или Военная доктрина России, в которых дается анализ угроз и опасностей, начинать надо с анализа отношений между ЛЧЦ, сценариев развития МО и ВПО и только потом переходить к угрозам и опасностям.

¹ См. подробнее: *Подберезкин А.И.* Вероятный сценарий развития международной обстановки после 2021 года. – М.: МГИМО-Университет, 2015. – С. 251–287.

1.2. Конфликт локальных человеческих цивилизаций – как основа для будущих военных конфликтов

Практический политический прогноз в настоящее время должен строиться, прежде всего, на анализе и прогнозе отношений между ЛЧЦ. Мысль, о будущих границах конфликтов, высказанная С. Хантингтоном в 1993 году, – ключевая для понимания характера и роли ЛЧЦ в современной МО и будущего всей человеческой цивилизации. Об этом в разной степени детализации и с разной степенью практической значимости говорят и пишут многие политики и ученые в последние 25 лет. Особенно активно после публикации известных работ С. Хантингтона и А. Тойнби¹. Во многом эта позиция близка и авторам этой работы². Но несмотря на это такой подход к анализу и прогнозу будущей МО не стал пока ведущей парадигмой. Примечательно, что этот подход часто используют политики, военные и дипломаты, но значительно реже его признают.

Именно вокруг практического усиления роли локальных человеческих цивилизаций происходит сегодня концентрация политики, экономики, военной и гуманитарной мощи отдельных государств и наций, хотя, как правило, говорят об «универсальных» ценностях и международном праве. Ни к первому, ни ко второму явлению этот процесс не имеет отношения: концентрация мощи вокруг стран-лидеров ЛЧЦ имеет в своей основе и военно-политический характер. В наиболее явном виде это происходит в форме укрепления старых и создания новых коалиций, объединяющих, например, более 50 стран западной ЛЧЦ не только в военно-политические и экономические союзы и блоки, но и на базе двусторонних отношений, получивших в США нейтральное название «партнерства».

В действительности, как показывает коалиционная военная политика западной ЛЧЦ в Югославии, Афганистане, Ираке, Сирии и т.д., эта политика является (наравне с политикой военно-технологического превосходства

¹ Тойнби А. Хантингтон С. Вызовы и ответы. Как гибнут цивилизации. – М.: ТД Алгоритм, 2016.

² Стратегическое прогнозирование международных отношений: кол. монография / под ред. А.И. Подберезкина, М.В. Александрова. – М.: МГИМО-Университет, 2016. – С. 343–395.

США) одним из двух важнейших приоритетов и принципов внешней и военной политики США, выступающих в качестве лидера западной ЛЧЦ. Искусство военной политики всегда играло большое значение в истории человечества, но в некоторые его периоды – особенное, даже исключительное, когда от него непосредственно зависело выживание нации и государства. Именно такой период относится к концу XX века, когда советско-российская элита оказалась абсолютно неспособной к управлению, растеряв шаг за шагом, все достижения предыдущих поколений, что особенно ярко проявилось во время политического противостояния уже не между странами, а локальными человеческими цивилизациями и их военно-политическими коалициями.

Это противостояние развивается стремительно и с неизбежностью ведет к силовому и даже вооруженному противоборству между ЛЧЦ из-за передела сфер влияния и контроля над сложившимися финансово-экономическими и военно-политическими системами. Эти системы отражали соотношение сил между западной ЛЧЦ и другими цивилизациями и государствами, которое было подавляющим в пользу Запада уже в XIX веке, но стало абсолютным после уничтожения альтернативного центра силы в виде СССР и ОВД.

С конца XX века геополитическая ситуация и соотношение сил между странами и ЛЧЦ стало быстро меняться, а во втором десятилетии произошло качественное событие: соотношение экономических сил между Западом и Востоком сравнялось и продолжает меняться уже не в пользу Запада. Совершенно очевидно, что китайская, индийская, исламская ЛЧЦ, насчитывающие в XXI веке уже более 1 млрд человек, по мере повышения качества демографического потенциала станут претендовать, как минимум, на равноправное участие в формировании новой миросистемы и изменение сложившихся в XX веке неравноправных норм и порядков.

Изменение пространственной структуры мирового ВВП, 1980–2020¹

СТРАНЫ	Доля стран в ВВП мира, в %		
	1980 г.	2005 г.	2020 г. (прогноз)
Весь мир	100	100	100
Развитые страны	57,7	49,6	39,4
США	20,8	20,4	17,9
Япония	7,8	6,5	4,6
Германия	5,6	4,0	2,9
Развивающиеся страны	28,3	44,0	53,1
Китай	3,4	14,4	22,6
Индия	3,5	6,3	8,4
Страны с переходной экономикой	14,0	6,4	7,5
Россия	6,8	2,6	3,2

Неизбежность перерастания конфликтности в отношениях между ЛЧЦ во враждебность и силовое противоборство – не вызывает сомнения. Вопрос только в том, когда именно и в какой форме силовое противоборство перерастет в вооружено-силовое? Представляется, что «сползание» к такому противоборству уже началось по инициативе США, которые фактически начали войну против исламской и российской ЛЧЦ во втором десятилетии XXI века. Расчет делается на то, что, обладая военно-техническим превосходством и экономическими преимуществами, западная ЛЧЦ сможет предотвратить перерастание неизбежных сдвигов в экономике в новые международно-правовые и политические правила. Войны в Ираке, Ливии, Афганистане, Сирии, Йемене и на Украине – начало большой войны между западной, исламской и российской ЛЧЦ, – в стороне, от которой пока находятся другие ЛЧЦ²: китайская, индийская, латиноамериканская и другие.

В характере таких военных конфликтов и войн в то же время произошли существенные изменения по сравнению с конфликтами и войнами XX века. И прежде всего в главных объектах для нападения. Из того, что уже имело место, видно, что главными объектами вооруженного насилия становятся правящие элиты и режимы, а также их лидеры противостоящих ЛЧЦ,

¹ Слуга Н. Большой стране – большие проекты / ВВП, 2015. № 5(94). – С. 30.

² Подберезкин А.И. Третья мировая война против России: введение к исследованию. – М.: МГИМО-Университет, 2015. – С. 11–24.

государств и наций. Примеры Румынии, Югославии, Афганистана, Ирака, Ливии, Сирии, Украины – очевидны.

Причем, если еще в военных конфликтах XVII–XX веков основными участниками–субъектами МО выступали нации – государства, то в XXI веке наиболее значимые военные конфликты, по-Хантингтону, будут разворачиваться между нациями и группами, принадлежащими (а, в действительности, представляющими) к разным цивилизациям¹. Другими словами, характер будущих военных конфликтов, войн и угроз во многом будет изначально предопределяться (и даже уже определяется) характером взаимоотношений между ЛЧЦ. Это наглядно видно уже на примере современных конфликтов, когда в действительности за любыми воюющими сторонами стоит та или иная ЛЧЦ. Так, на Украине, например, реализуется план США–ЕС–НАТО по продвижению на восток и фактическому взятию под контроль всего постсоветского пространства, включая, в конечном счете, Россию.

Но даже в тех случаях, когда формально конфликт происходит в границах одной ЛЧЦ (например, в Ираке или Сирии), за враждующими сторонами стоит ЛЧЦ. В Сирии и Ираке – это создание разведками США и их коалиции организации исламских фундаменталистов, – которым не нужны стабильные режимы ни в Алжире, ни в Тунисе, ни в Ливии, ни, тем более, в Иране, Ираке или Сирии.

Остается только удивляться прозорливости С. Хантингтона: конец XX века и начало XXI века – от войны в Югославии до войны в Ираке, Афганистане, Ливии, Сирии и на Украине – примеры, прежде всего, межкультурной борьбы, противостояния и конфликтов, которые имели форму политического противоборства.

Этот же цивилизационный подход, в конечном счете, убедительно объясняет обострение отношений Российской Федерации с рядом ведущих государств, – представителей западной ЛЧЦ, которое можно понять, если рассматривать это как конфликт между русско-православной цивилизацией и лидерами всей западной локальной человеческой цивилизации. Эта ЛЧЦ

¹ *Huntington S.P.* The Clash of Civilizations? // *Foreign Affairs*, 1993. Summer / URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/1993-06-01/clash-civilizations>

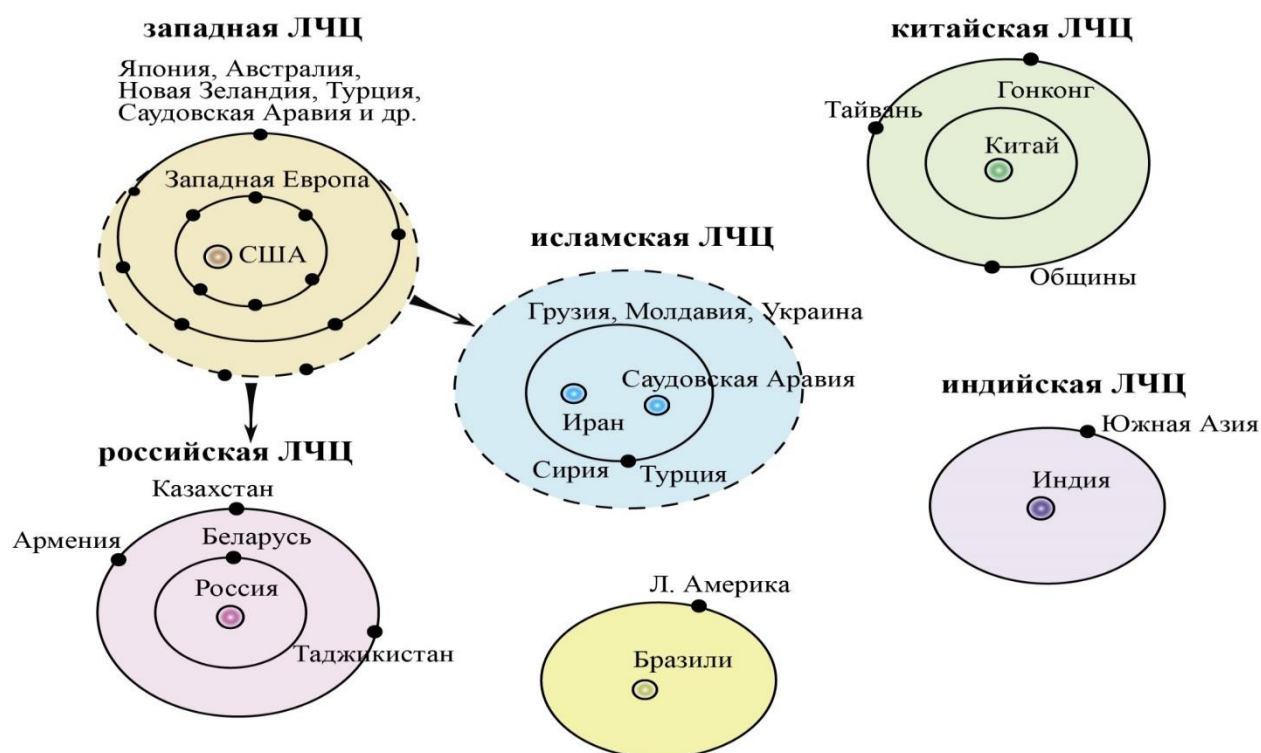
уже не ограничивается только собственно странами Запада, но и втянула в свою орбиту – политику и во многом систему ценностей – Японию, Австралию и даже ряд арабских государств. То, о чем предупреждал С. Хантингтон, – невозможность сосуществования русского традиционализма (православия, национализма, собственной системы ценностей) и западной системы ценностей стало очевидным во втором десятилетии XXI века, когда фактически оформились противостоящие центры силы, представляющие разные ЛЧЦ.

В настоящее время существует немало попыток изобразить МО в качестве различных центров силы и даже ЛЧЦ, которые могут быть названы успешными только при двух обстоятельствах:

Во-первых, при понимании того, что большинство ЛЧЦ еще не стали мировыми центрами силы. По настоящему мировой центр силы пока что один – США («ядро») и концентрирующиеся вокруг них порядка 50 стран;

Во-вторых, эти центры силы не могут пока что претендовать на то, чтобы называться центрами цивилизаций и политико-экономических систем. Существующая условно «многополярность» не означает «многосистемности» так как господствует одна система – западной ЛЧЦ.

Условные центры силы – ЛЧЦ как возможные будущие центры политико-экономических и военных систем

Процесс объединения вокруг центров силы происходит сегодня уже не столько по экономическим или даже политическим причинам, сколько по близости категории «систем ценностей», которые начинают вытеснять близкие им по сути понятия «интересы», т.е. по культурно-цивилизационному, более фундаментальному признаку. Естественно, что противоречия между системами «ценностей» и «интересов» не исчезают, а иногда даже обостряются. Как показывает сегодняшняя ситуация в ЕС (особенно в связи с референдумом о выходе Великобритании), вытеснение «интересов» «общими ценностями» происходит, в конфликтной манере. И будет еще более обостряться.

Вместе с тем уже можно признать, что если прежние союзы и коалиции выстраивались преимущественно из соображений совпадения политических целей и задач (как субъективного восприятия интересов), то современные коалиции тяготеют к категориям «ценности», что особенно хорошо видно на примере стран-членов ЕС, где в последние годы интересы вытесняются общими ценностями особенно активно. Причем даже в военно-политической и экономической областях. Более того, нередко общие ценности не совпадают с интересами, даже противоречат им и, как правило, такой конфликт, в конечном счете, решается в пользу «общих ценностей». Как это происходит, например, в Европе или Японии.

Таким образом, центр конфликтов, включая военные, во все большей степени переносится в область конфликтов между системами ценностей отдельных ЛЧЦ. При этом западная ЛЧЦ стремится военно-силовыми средствами «продвинуть» свою систему ценностей, что встречает закономерное сопротивление в других ЛЧЦ. Это – основа для будущих военных конфликтов в мире.

1.3. Западная и восточная локальные человеческие цивилизации в XXI веке: синдром «братских стран»

Суть конфликтов в XXI веке заключается в противоборстве западной ЛЧЦ с другими цивилизациями за сохранение своего доминирования в мире. Западная ЛЧЦ во втором десятилетии XXI века является не только самой мощной, но и самым влиятельным центром силы в мире, который создал еще в XX веке собственные системы – военно-политическую, финансовую, торгово-экономическую. Контроль над ними помог сформировать международно-правовую и ценностную систему норм и правил. Развитие других ЛЧЦ и превращение их во влиятельные новые центры силы ставит под угрозу созданные западной ЛЧЦ системы, нормы, правила и ценности. Именно этим объясняется, в частности, крайне болезненная реакция всей западной ЛЧЦ на политику России, которая:

- во-первых, публично критикует эти системы, нормы и принципы и ставит их под сомнение;
- во-вторых, практически действует вопреки этим нормам и принципам западной ЛЧЦ, когда представляется такая возможность.

Учитывая, что цивилизации и отношения между ними в решающей степени формируют сценарий развития МО в XXI веке, необходимо остановиться, прежде всего, на западной ЛЧЦ, политика, которой особо акцентирует к себе внимание в начале XXI века. При этом важно попытаться понять современную суть западной ЛЧЦ, которая неизбежно находит отражение в ее характере и особенностях, включая влияние на формирование того или иного сценария МО. Как справедливо отмечали два авторитетных исследователя этой проблемы – А. Тойнби и С. Хантингтон, – суть западной ЛЧЦ отражают одновременно две картины: абсолютного превосходства практически во всех областях, с одной стороны, и постепенному относительному падению ее могущества и «передачи полномочий» и «росту культурной уверенности в себе незападных обществ», с другой¹.

¹ Тойнби А. Хантингтон С. Вызовы и ответы. Как гибнут цивилизации. – М.: ТД Алгоритм, 2016. – С. 230.

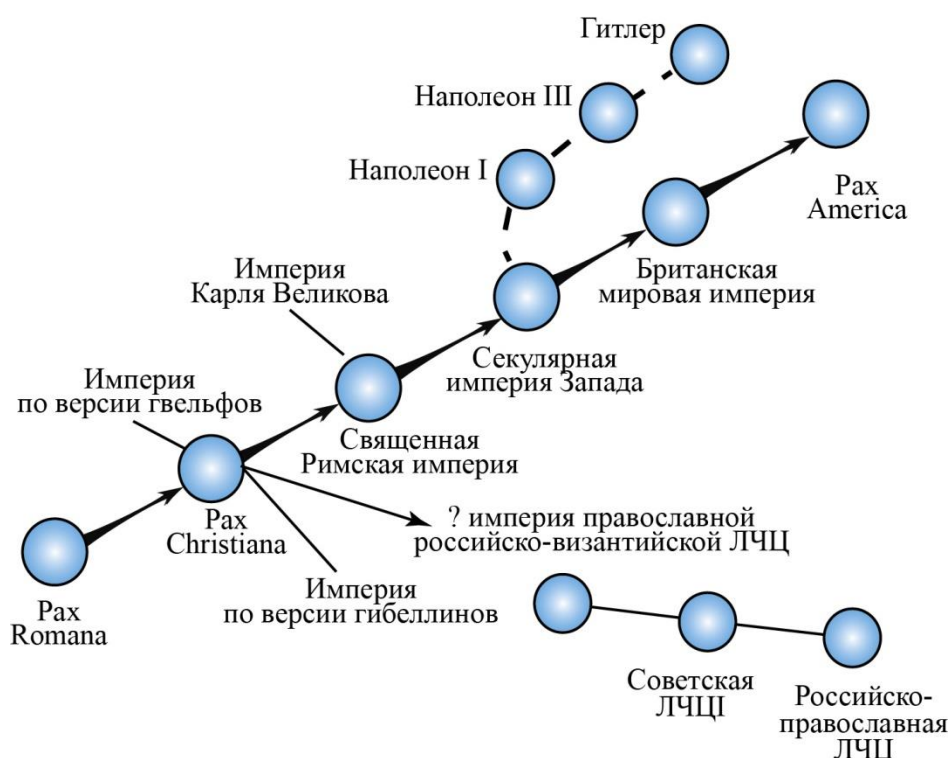
Так или иначе, но некоторые исследователи и политики в России обратили внимание на эту особенность. Сначала не очень уверенно, но с конца 90-х годов эта уверенность стала проявляться все явственнее, а в XXI веке уже превратилась в общее место оценок. В 1993 году внимание научных и политических кругов привлекла книга американского политолога С. Хантингтона «Столкновение цивилизаций?», опубликованная также в России, то эта работа стала со временем не только лучшей политической работой XX века (по признанию многих), но и наиболее точно отразила особенности мирового развития в конце XX – начале XXI века¹.

В России, к сожалению, в значительно меньшей степени уделили внимание этой работе. Для большинства политиков и политологов она и сегодня остается не практической концепцией, объясняющей основную парадигму развития современной МО – столкновение ЛЧЦ, – а одной из многочисленных политологических теорий.

Между тем именно в понимании сути взаимоотношений двух ЛЧЦ - западной и православной – кроется смысл происходящего сегодня. В этих целях можно воспользоваться примером, приведенным в работах С. Сулакшина. В частности, С. Сулакшин писал, например, что как мировая империя, идеологически позиционировалась именно римская государственность. Одним из раннехристианских проектов политической глобализации стало сочинение «О Граде Божьем» – Августина. В нем выдвигался концепт глобальной новоримской христианской империи.

¹ *Huntington S.P.* The Clash of Civilizations? // *Foreign Affairs*, 1993. Summer / <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/1993-06-01/clash-civilizations>

Эволюция концепта мировой империи Запада

Эволюция концепта мировой империи Запада, вместе с тем, очевидно, не учитывает отделение в конце первого тысячелетия особой восточноевропейской православной ветви ЛЧЦ, которая, по мнению ряда ведущих политологов, являлась таким же порождением Римской империи, как и в последствии всей Западной Европы. Не случайно, что вплоть до XII века родственные связи Киевской Руси с Францией, Польшей, Швецией, Данией, Англией, Венгрией и другими странами были нормой, а высшей «наградой» для жениха или невесты был партнер не из Рима, а из Византии и из Руси.

Ведущим мотивом средневековой историософии являлись, как известно, пророчества Даниила о последовательной смене пяти мировых империй. Сообразно с ней, теория о перемещенном Риме апробировалась не только на Руси. Римская империя, согласно христианской историософии, будет мировым царством — последним в истории, непосредственно предшествующим установлению Царствия Божия. Запад ревновал к «империи Ромеев», сам примеряя на себя облачение мировой державы¹.

¹ Сулакшин С.С.: цит.: там же.

В дальнейшем, по мнению С. Сулакшина, в постреформационные времена идея мировой империи Запада реализовывалась уже через секулярную парадигму. Произошло своеобразное цикличное возвращение к идеологии древнеримского нерелигиозного экспансионизма. Исторически было предложено две версии мирового имперостроительства. В одном случае субъектом экспансионного глобализма выступала континентальная Европа, в другом – атлантистский (англосаксонский) мир. Европейско-континенталистская версия оказалась исторически прерывной. В практике экспансии она была представлена вспышками военной агрессии периодов Наполеона и Гитлера. Провозглашая себя императором, Наполеон выдвигал новый модернизированный просветительской идеологией проект европоцентристской мировой империи»¹.

Вплоть до настоящего времени споры о национально-культурной и исторической идентичности народов Европы и их принадлежности к одной, либо двум ЛЧЦ остаются в центре внимания и являются все чаще предметом уже политических и геополитических разногласий и конфликтов. Так, решение о «выходе украинской православной церкви» из РПЦ, принятое Верховной Радой Украины в июне 2016 года (как и многие другие решения украинских политиков), несет в себе не только религиозно-духовный и политический, но и культурно-цивилизационный аспект.

В любом случае можно сделать вывод о том, что во втором десятилетии XXI века резко усилился процесс концентрации сил вокруг лидеров тех или иных ЛЧЦ уже не только как собственно государств и отдельных наций, а как именно лидеров-носителей той или иной системы цивилизационных и культурно-исторических ценностей. Эта концентрация привела пока что к тому, что основная мощь оказалась сосредоточенной у западной ЛЧЦ, в орбиту которой вошло более 50 государств, контролирующих от 75% до 95% мировой экономики, информационных ресурсов и технологической мощи. И в этом заключается главная проблема международной безопасности: одна из ЛЧЦ контролирует подавляющую мощь, полагая, что этого вполне достаточно, чтобы навязать другим ЛЧЦ свои нормы и правила.

¹ Августин. О Граде Божьем. Соч. Минск: Харвест, 2000.

Кроме того, подобное абсолютное превосходство западной ЛЧЦ над другими ЛЧЦ не может продолжаться бесконечно долго. По мере усиления других ЛЧЦ этот контроль неизбежно будет «размываться» другими центрами силы, против которых западная ЛЧЦ будет использовать коалиционную силовую политику, включая применение военной силы. В настоящее время наиболее вероятными объектами такой политики являются Россия и Китай. Причем объективных противоречий и угроз, исходящих, по мнению правящих кругов США, от Китая, значительно меньше, чем преимуществ экономического сотрудничества эти ЛЧЦ.

Проблема противоборства западной и восточной ветвей европейской ЛЧЦ будет главной в ближайшие годы и не сможет разрешаться мирно. Не случайно Б. Обама в июле 2016 года на съезде Демократической партии США сказал, что «Россия и США были и всегда будут геополитическими противниками».

Сегодня эта борьба двух ЛЧЦ перешла в очередную фазу, которая неизбежно закончится военно-силовым столкновением. Пока что война идет с помощью силовых, но невоенных средств, однако постепенно сценарий развития МО превращается в вооруженный сценарий развития ВПО.

Прочные отношения стратегического партнерства между китайской и российской ЛЧЦ, на наш взгляд, не следует преувеличивать и пытаться трактовать как военно-политический союз. Поэтому в противостоянии российской ЛЧЦ с западной ЛЧЦ России предстоит рассчитывать преимущественно на свои силы и возможности «русского мира» в ближнем зарубежье, а это означает абсолютную несопоставимость потенциалов, которая предполагает, что противодействие западной ЛЧЦ должно быть:

- **асимметричным**, ориентированным на собственную политику стратегического сдерживания, включающую весь набор теоретически возможных средств и способов ведения противоборства – от глобального применения ядерного удара, до создания сетевых веб 2.0 сообществ и пр.;

- **мобилизация** всех национальных ресурсов. Не только государственных и даже национальных, но и других, включая духовные, зарубежные, поиск союзников и новых партнеров;

– резкое **повышение эффективности** национального и государственного управления, включая управление НЧК и его институтами.

Так, очень полезны некоторые представления о динамике изменения одного из важнейших ресурсов – демографического, – который сегодня определяет во многом НЧК и его институты, т.е. важнейший ресурс нации.

В подавляющем большинстве жители Российской империи стали фиксироваться с 1719 г., когда на смену подворным переписям пришли ревизии. В таблице представлены результаты исследований С.И. Брука и В.М. Кабузана по численности населения Российской империи (в границах XIX в.).

Численность населения Российской империи¹

Вид и год учета	Всего населения, млн чел.	Численность русских, млн чел.	Доля русских, %	Средний коэффициент прироста населения, %	Средний коэффициент прироста русских, %
Подворный учет 1678 г.	20,0	8,12	40,6		
I ревизия 1719 г.	27,18	11,128	40,9	0,75	0,77
IV ревизия 1782 г.	40,261	18,082	44,9	0,63	0,77
V ревизия 1795 г.	46,587	20,118	43,2	1,13	0,82
VIII ревизия 1833 г.	66,731	28,644	42,9	0,95	0,93
X ревизия 1858 г.	80,499	34,821	43,3	0,75	0,78
Перепись 1897 г.	128,203	55,765	43,5	1,20	1,21
Перепись 1916–1917 гг.	171,75	76,676	44,6	1,47	1,60
1678–1917 гг.				0,90	0,94

Как видно из этой таблицы, известное расширение пространственного охвата России с XVII века по XX век сопровождалось ростом численности «русского ядра» российской ЛЧЦ в 8,5 раз, а в советский период за 70 лет – в 2 раза (с 77 до 145 млн чел).

В таблице ниже представлены основные результаты переписей населения после 1917 г.

¹ Шумов В.В. Модель безопасности государства / Управление большими системами. Выпуск 58. 2015. Ноябрь. – С. 232.

Численность населения СССР¹ (Российской Федерации)

Год переписи	Всего населения, млн чел.	Численность русских, млн чел.	Доля русских, %	Средний коэффициент прироста населения, %	Средний коэффициент прироста русских, %
1926 г.	146,638	77,791	53	–1,6	0,1
1939 г.	170,557	99,592	58,4	1,2	3,9
1959 г.	208,827	114,114	54,6	1,0	0,7
1970 г.	241,720	129,015	53,4	1,3	1,1
1979 г.	262,087	137,397	52,4	0,9	0,7
1989 г.	285,740	145,155	50,8	0,9	0,6
2002 г.	145,167	115,9	79,8	–5,1	–1,7
2010 г.	142,857	111,017	77,7	–0,2	–0,5

Это означает, что развитие главного инструмента противоборства ЛЧЦ – численности демографического «ядра» – является важнейшим приоритетом в политике, который может дать ощутимые результаты в относительно короткие сроки. Увеличение численности населения РФ за период в ближайшие 20–30 лет, позволило бы резко изменить соотношение сил. Особенно, если этот количественный рост будет обеспечен качественными параметрами - образованием, уровнем дохода, а, главное, – условиями для реализации человеческого капитала. «Сбережение нации», по-Солженицыну, это не политический лозунг, а конкретный политический инструмент и экономическая стратегия в силовой борьбе между ЛЧЦ. Причем бесспорный, абсолютно выигрышный при любом, даже неблагоприятном развитии событий. И достаточно динамичный. Если говорить даже о примере с СССР, когда социально-экономическая обстановка отнюдь не способствовала улучшению демографии, то за 10 лет в 30-е и 60-е годы население «прирастало, на 15 млн человек. Аналогичный, как минимум, прирост необходимо планировать и в современной России. Если бы был обеспечен такой количественный и качественный прирост НЧК, то Россия стала бы наравне с Китаем и Индией в XXI веке лидером в Евразии.

¹ Шумов В.В. Модель безопасности государства / Управление большими системами. Выпуск 58. 2015. Ноябрь. – С. 233.

Особенно эффективные способы увеличения мощности российской ЛЧЦ лежат в области качества национального человеческого капитала и эффективности его институтов. Известно, что основной прирост ВВП в развитых странах, а также производительности труда, промышленного производства и т.д. обеспечивается ростом качества НЧК (до 95%). Это означает, что увеличение абсолютной мощности российской ЛЧЦ должно и может быть достигнуто за счет опережающего развития НЧК и его институтов. Сказанное означает, что в политике стратегического сдерживания западной ЛЧЦ российской ЛЧЦ до 2040 года должны доминировать три важнейших приоритета:

- демографический рост «российского ядра» за счет увеличения рождаемости, уменьшения смертности и стимулирования иммиграции в страну, прежде всего интеллигенции;

- качественного роста НЧК посредством образования, науки, здравоохранения и т.д.;

- стимулирования институтов развития НЧК и всего общества и повышения эффективности государственного и цивилизационного управления.

Глава 2. Особенности долгосрочного прогноза развития современной международной обстановки в Евразии.

2.1. К методологии прогноза развития международной обстановки

Для анализа и долгосрочного прогноза развития международной обстановки в мире ключевое значение имеет периодически происходящая смена парадигм, т.е. те качественные изменения в состоянии и развитии наиболее важных областей, тенденций и субъектов, которые качественно, резко меняют общую обстановку в мире и в регионе¹. В полной мере это относится к современной ситуации в Евразии и прогнозу её развития на будущее, которая является важнейшей, но производной от мировой, частью стратегического прогноза. Тенденции, вытекающие из экстраполяции развития МО и ВПО, являются частью общего анализа и прогноза, но в переходные периоды развития человечества (а именно на этом этапе мы сегодня находимся) эта экстраполяция может вводить в заблуждение. Никто в СССР и в мире не предполагал в 80-е годы прошлого века, например, что ОВД и СССР через несколько лет перестанут существовать. Еще осенью 2013 года также в России не предполагали, что через несколько месяцев на Украине произойдет переворот, а МО и ВПО в целом резко изменятся к худшему.²

Не только будущая Стратегия национальной безопасности России, её Концепция внешней политики и Военная доктрина после 2025–2030 годов, но и Стратегии социально-экономического развития, Бюджетные стратегии и отраслевые, и региональные стратегии должны основываться на точном предположении и прогнозе качественно новых реалиях будущих сценариев и их вариантов развития, основанных на принципиально новых парадигмах³. Такой, же прогноз обязателен для стратегического планирования в стране, которое становится обязательным после принятия, соответствующего ФЗ в 2014 году. Очевидно, что мир через 10 лет не будет таким же как

¹ См. подробнее: *Подберезкин А.И.* Военные угрозы России. – М.: МГИМО-Университет, 2014.

² См., например: *Подберёзкин А.И., Боришполец К.П., Подберёзкина О.А.* Россия и Евразия. – М.: МГИМО-Университет, 2014 г.

³ Проект долгосрочной стратегии национальной безопасности России с методологическими и методическими комментариями: аналит. доклад / [А.И. Подберезкин (рук. авт. кол.) и др.]. – М.: МГИМО-Университет, 2016. Июль. – 86 с.

сегодня, но – что менее очевидно – насколько принципиально он будет отличаться от нынешнего?

Как ни странно, но эти изменения в обществе и экономике измеряются не годами, а событиями, в особенности, если такие события ведут к качественным изменениям и смене парадигм. Так, изменения, произошедшие в СССР с 1970 по 1980 год, получившие название «эпохи застоя» (хотя именно в эти годы произошло немало позитивных событий в истории и экономике страны), невозможно сравнить с изменениями 1985–1995 годов, когда произошла смена практически всех парадигм: политических, экономических, социальных и, конечно же, парадигм безопасности.

Еще более близкий, наглядный и конкретный пример существует в военной политике России, где за 15 лет (с 1990 по 2005 год), в войска перестала вообще поступать новая техника, а вооруженные силы стремительно деградировали, и альтернативный пример - период с 2008 года по наше время, - когда завершается программа ГПВ-2020, а Вооруженные Силы РФ качественно изменились, что продемонстрировали два конфликта – в Северной Осетии 2008 года и в Сирии 2015-2016 годов.¹

Таким образом, значительные изменения в жизни, экономике и политике страны, а тем более МО и ВПО, которые формируют тысячи факторов и тенденций (превращая их, поэтому де-факто в самые динамичные политические субъекты и явления), измеряются, прежде всего, событиями, сменой парадигм, а не временными периодами (годами). Поэтому исключительное внимание должно быть уделено именно таким качественным изменениям в развитии ключевых факторов, субъектов и тенденций, формирующих МО и ВПО, а именно:

– качественным переменам в развитии субъектов МО (государств, союзов и коалиций, наций и, главное, ЛЧЦ), которые могут происходить в относительно короткие временные промежутки. Так, например, выход Великобритании из ЕС, усиление позиций национальных элит в Австрии, Венгрии, Молдавии, Германии и других странах Европы, как и победа Д.

¹ См. подробнее: *Подберёзкин А.И.* Современная военная политика России: учебно-методический курс.- М.: МГИМО, 2017.

Трампа на выборах президента США, свидетельствуют о корректировке глобального и регионального векторов в развитии западной ЛЧЦ в направлении большей ориентации на национальные интересы и ценности;

– развитию акторов (религиозных организаций, партий, политических и общественных организаций, сетевых сообществ и пр.), формирующих МО. В этой области наблюдаются самые радикальные изменения в смене парадигм, которые видны на примере роста влияния экстремистских и террористических организаций (за которыми стоят спецслужбы государств) и стремительного усиления влияния социальных сетей и интернет-сообществ (которым даже предъявляют обвинения в организации революций и противодействию проведению выборов);

– скачкообразному развитию национального человеческого капитала и его институтов, которое в решающей степени определяет в настоящее время темпы и качество развития общества и экономики, государственной и военной мощи. Очевидно, например, что такой рост в КНР и Индии, вызванный тем, что высшее образование там уже получили более 300 млн чел., вскоре неизбежно приведет к качественным изменениям как в экономике, так и социальной структуре этих стран и ЛЧЦ;

– переменам в развитии глобальных, региональных и локальных тенденций, имеющих качественно новое значение для ЛЧЦ и государств.

Все эти изменения в качественном развитии МО неизбежно потребуют перемен в политике и стратегии России, которая сегодня сформулирована в таких базовых документах как Стратегия национальной безопасности, Концепция внешней политики, Военная доктрина и др. В них, в частности, определены основные приоритеты, которые подробно описаны, в том числе и в «майском» (2012 г.) Указе Президента России, где они изложены и перечислены достаточно подробно.¹

Важно при этом подчеркнуть, что стратегический прогноз развития МО — это не прогноз «суммы» стратегических прогнозов развития разных

¹ Путин В.В. Указ Президента Российской Федерации «О мерах по реализации внешне-политического курса Российской Федерации». 7 мая 2012 г. №605

групп факторов и тенденций, а прогноз развития всех этих факторов и тенденций во взаимосвязи, противодействии и взаимовлиянии. Иногда противоречивом и, как правило, непоследовательном, прерывистом. Даже порой взаимоисключающим. Тем не менее, авторы считают, что всегда должна присутствовать рабочая концепция, некая гипотеза, которая является «общей рамкой» для обоснованных логических построений и встраивания в неё отдельных фактов. В противном случае огромное количество динамических факторов и тенденций создают впечатление полного хаоса, фактически лишая способности реального политического анализа и прогноза. Это ведет неизбежно к ситуации, которая часто наблюдается в экспертных и журналистских кругах, – каждый эксперт «выхватывает» те факторы и тенденции, которые ему кажутся решающими, не обращая внимания на другие. Либо – что ещё хуже, но, к сожалению, является современной российской нормой, – когда эксперты подстраиваются под политическую конъюнктуру. Именно это мы часто наблюдаем с большинством наших экспертов (можно было бы даже сказать «абсолютным большинством»), которые умело «вписывались» в политику Л. Брежнева, Ю. Андропова, М. Горбачева, Б. Ельцина, А. Козырева, Е. Примакова, а теперь активно пропагандируют политику В. Путина. При этом их личная карьера и материальное благополучие является лучшим доказательством такой антинаучной, конъюнктурной политики.

В свою очередь это ведет к тому, что из 4 основных групп факторов и тенденций, насчитывающих тысячи и десятки тысяч факторов, учитываются почему-то несколько. Как правило, те, которые совпадают с политической конъюнктурой. И на них строятся все рассуждения и прогнозы. Примеров можно привести множество. Так, на протяжении почти 20 лет наши эксперты активно доказывали, что «распад СССР – естественный процесс распада империй», а «европейская интеграция – абсолютное благо», как благо и быть на любых условиях интегрированным в «мировую цивилизацию» (т.е. быть ассимилированными западной ЛЧЦ). Сегодня те же эксперты говорят о «смене элит» на Западе, «переоценке ценностей», «необходимости защиты национальных интересов и ценностей» и т.п., в очередной раз «подгоняя» свой анализ и прогноз под политическую моду. Очевидно,

что на подобной «науке» практических концепций, которые реально необходимы России, не построишь, а для стратегического планирования их ценность отсутствует.

Вот почему принципиально важна такая практически обоснованная гипотеза или концепция, которая не ориентирована на политическую моду, и вокруг которой строятся размышления и выстраиваются остальные факторы. Важно, конечно, не попасть в заложники той или иной ложной концепции или гипотезы, когда её логика откровенно противоречит логике происходящих событий и начинает диктовать заранее искомые результаты.

В самом общем виде такая концепция и её логика развития наиболее вероятных сценариев и их вариантов развития МО до и после 2025 года нам представляется следующей. В ней обозначен один из двух наиболее вероятных сценариев развития МО в период до 2025 года и после, который может быть реализован в одном из трех быстро меняющихся (как, например, в 2014 году) вариантах: «оптимистическом» («Вариант №3»), «реалистическом» («Вариант №2») и «пессимистическом» («Вариант №1»).

Особо следует подчеркнуть, что этот базовый сценарий рассматривается в качестве такового при сохранении в среднесрочной перспективе существующих политических, экономических и иных парадигм, хотя уже видно и заметно зарождение новых, чье влияние пока что еще не стало решающим в мире и в Евразии. Так, быстрый экономический рост КНР – общее место для всех прогнозов, однако не менее впечатляющие темпы роста ВВП и человеческого капитала, военной мощи и др. факторов у Индии, которая может стать либо мощным и сопоставимым с КНР самостоятельным центром силы в Евразии, либо усилить мощь западного центра силы.¹

¹ Подберезкин А.И. Стратегия национальной безопасности России в XXI веке. - М.: МГИМО-Университет, 2016, С. 120-123.

Логика развития вариантов сценариев МО после 2025 года

Таким образом, учитывая сегодняшние реалии, до 2025 года и несколько позже прогнозируется развитие МО по трем достаточно пессимистическим вариантам одного и того же военно-силового сценария, исключаяющего сколько-нибудь мирные договоренности и реальные компромиссы, а тем более сотрудничество между ЛЧЦ. Единственный наиболее вероятный «Вариант № 3», соответствующий в общих чертах современному сценарию развития МО (но более «жесткий» с точки зрения применения военных инструментов), может рассматриваться по аналогии с сегодняшним днем уже в качестве «оптимистического» варианта.

К сожалению, теоретически возможные сценарии «перезагрузки», «разрядки» и даже «сотрудничества» между ЛЧЦ не выглядят вероятными в этот период¹. Это отнюдь не исключает повторения в определенной форме

¹ См. подробнее: Стратегическое прогнозирование международных отношений: кол. монография / под ред. А.И. Подберезкина, М.В. Александрова. – М.: МГИМО-Университет, 2016.

варианта стабилизации отношений на какое-то время по аналогии с периодом начала 1970-х годов, когда Р. Никсон и Л. Брежнев отошли на шаг от сползания к прямой военной конфронтации в Индокитае и несколько ограничили, количественно, темпы развития СЯС сторон. Надо понимать, что возможное повторение этого «зигзага» в стратегии США Д. Трампом будет всего лишь сменой акцентов в силовых средствах и способах политики. Опять же по аналогии с 1970-ми годами, когда подписание Хельсинского Заключительного акта развязало руки невоенным средствам и способам влияния на социалистические страны, без чего не было бы «бархатных» революций и переворота в СССР.

Долгосрочное прогнозирование на период более 10 лет практически исключает использование возможности только метода простой экстраполяции в силу целого ряда причин, главной из которой является неизбежное объективное появление в эти сроки новых парадигм в политике, экономике, науке и технологиях и, конечно же, в военной и, особенно, социальной областях. И в этом главная трудность долгосрочного прогноза. Так, только в последние 10–15 лет в мировой политике и в Евразии уже стали фактом такие влиятельные парадигмы, которые наверняка изменят будущую МО и ВПО (но пока не известно точно насколько радикально и как именно), как:

- социальные революции с использованием новейших информационно-коммуникационных технологий, социальных сетей и веб 2.0, веб 3.0 и т.д. технологий и т.п. За последние 15–20 лет появились и распространились не только интернет и социальные сети, но и связь, базы данных, в тысячи раз увеличилась скорость обработки информации;¹

- тенденции, в результате которых в ближайшие 10 лет в гуманитарной и социальной областях произойдут еще более радикальные изменения, связанные с формированием новой «когнитивной среды» обитания человечества и развитием человеческого капитала и его институтов;²

¹ Путин В.В. Указ Президента Российской Федерации «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации». 2016, 1 декабря, №642, Ст.11.

² Подберёзкин А.И. Национальный человеческий капитал. М.: МГИМО-Университет, 2012-2013 гг., Т.1-3.

– процесс превращения воздушно-космического пространства в единый глобальный ТВД, от которого зависит, прежде всего, успех любых военных действий;¹

– трансформация СМИ в средства массовой дезинформации и инструмент манипулирования в публичной политике;²

– превращение правящих элит в главные цели политики внешнего и военного воздействия;³

– появление новых международных акторов и квази-государств;⁴

– превращение международного терроризма и экстремизма в решающие инструменты внешней политики ряда ведущих государств;⁵

– стремительное и часто насильственное изменение систем ценностей целого ряда ЛЧЦ и т.д.⁶

Эти и другие качественные изменения в развитии всей человеческой цивилизации и, как следствие, в МО и ВПО в Евразии, уже не позволяют прибегать к экстраполяции как основному методу прогноза на долгосрочную перспективу более 10 – 15 лет, вынуждая пытаться заниматься анализом и прогнозом развития и проявления новых парадигм, которые и будут являться главной основой для будущих сценариев и их вариантов развития МО. Экстраполяции и количественные методы анализа и прогноза становятся дополнительными, хотя и крайне важными, средствами.

¹ Подберёзкин А. И. Евразийская воздушно-космическая оборона. - М.: МГИМО-Университет, 2014 г.

² Путин В.В. Указ Президента Российской Федерации «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации». 2016, 5 декабря, №646, Ст.10—12.

³ Подберезкин А.И. Стратегия национальной безопасности России в XXI веке. - М.: МГИМО-Университет, 2016, СС.73-76.

⁴ Путин В.В. Указ Президента Российской Федерации «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации. 2016, 30 ноября, №640, Ст.14-15.

⁵ Там же.

⁶ Путин В.В. Послание Президента Федеральному Собранию. 2016, 1 декабря.

2.2. Прогноз развития сценария «военно-силового противоборства ЛЧЦ» в Евразии

Главное замечание для авторов, появившихся в России в последнее время многочисленных долгосрочных прогнозов заключается в том, что для практических целей политики (например, ГПВ-2030) нужен конкретный долгосрочный прогноз, а не взаимоисключающие рассуждения и очень «вероятные» оценки: выстраивать военное планирование без конкретного прогноза невозможно. Но этот, же вывод справедлив и для планирования внешней политики, и экономики, и др. областей, где де-факто уже происходит долгосрочное планирование (грузопотоков, внешней торговли, строительства крупных объектов и т.д.).¹

Именно такой достаточно конкретный долгосрочный прогноз в отношении взаимодействия ЛЧЦ в Евразии требуется для обоснования Стратегии национальной безопасности России, Военной доктрины, Концепции внешней политики и Концепции социально-экономического развития Российской Федерации, а также других нормативных документов долгосрочного планирования (Доктрины информационной безопасности, Концепции воздушно-космической обороны и т.д.).

В этой связи возникает неизбежный вопрос: нужно ли иметь конкретный и ясный прогноз, рискуя, неизбежно, что новые факторы повлияют на его точность, либо можно ограничиться расплывчатым, невыразительным, по сути – «недопрогнозом», который снимает с исполнителя ответственность? Как правило, соглашались со вторым вариантом, мотивируя, в том числе и тем, что мировая практика не знает точных долгосрочных прогнозов. И таких «прогнозов» в последнее время появилось достаточно, причем их авторы даже не обосновывают ту или иную точку зрения, ограничиваясь, простой констатацией своей позиции. Так, в одном из прогнозов авторы из МГИМО пишут, что «...есть ощущение, что точка невозврата Запада со всем остальным миром уже пройдена, ... Чем больше усилий США и НАТО

¹ Подберезкин А.И. Стратегия национальной безопасности России в XXI веке. - М.: МГИМО-Университет, 2016, С. 119-120.

прилагают для изоляции России, тем более очевидны пределы их влияния».¹ И с этими строками, наверное, можно было бы согласиться, если бы далее авторы ни писали: «Так или иначе, если Россия устоит до 2020 года..., то можно будет с уверенностью сказать, что доминированию Запада пришел конец».²

У этой авторской позиции есть как минимум два слабых, даже критически слабых, звена, которые являются следствием подобной противоречивости и неконкретности (если «точка невозврата» пройдена, то откуда сомнения в том, «устоит ли Россия?»), очень характерных для международных прогнозов.

Во-первых, без определенного, даже однозначного и достаточно конкретного и непротиворечивого долгосрочного прогноза вообще нет целеполагания и стратегии, а также ответственности за состояние и развитие того или иного объекта. Общие рассуждения полезны до тех пор, пока не наступает момент принятия решений, когда прогноз лежит в основе обоснования таких решений.

Во-вторых, без прогноза нет долгосрочного планирования, что делает невозможным сколько-нибудь эффективное управление крупными объектами. Особенно такими, каким является государство. Управление, предполагающее, прежде всего, распределение (и перераспределение) национальных ресурсов. На своей пресс-конференции 23 декабря 2016 г. В.В. Путин сообщил о важной тенденции снижения доли военных расходов в бюджете страны в 2016-2019 годы с почти 4% до менее 3%, что может означать, в том числе и его оценку внешней военной угрозы. И, наоборот, Д. Трамп планирует существенно увеличить расходы МО США в 2017-2019 годах, хотя они и без того в предыдущее десятилетие (за исключением самых последних лет) выросли на 100% с 350 до 650 млрд долл.

Оценка внешних угроз и прогноз развития МО означает и выбор средств и способов противоборства, которые постоянно развиваются и диф-

¹ Россия и мир в 2020 году: Контуры тревожного будущего. - М.: Эксмо, 2015, С. 26.

² Россия и мир в 2020 году: Контуры тревожного будущего. - М.: Эксмо, 2015, С. 27.

ференцируются. Так, известно, что нарастание цивилизационного противостояния в последние годы вылилось в открытую информационную, сетевую и кибервойну, когда необходимы совершенно конкретные ресурсы и способы её эффективного ведения. В США, например, еще в мае 2016 года был создан специальный межведомственный центр в системе Государственного департамента (но финансируемый из бюджета МО США в объеме 80 млн долл., а в целом – 3,4 млрд долл.) для мониторинга, продвижения нужного контента и отслеживания вредной информации.¹

Эти аргументы позволяют говорить о том, что риск разработки и предложения конкретного долгосрочного прогноза не просто оправдан, но и обязателен, неизбежен для тех, кто принимает политические и другие ответственные решения. В любом случае, даже при отсутствии такого официального или иного прогноза, те, кто занимается долгосрочным планированием, будут исходить из какого-то прогноза. Нередко, как показывает история, субъективного и ошибочного. Этот вывод является основным, в том числе и применительно к стратегическому прогнозу развития отношений между ЛЧЦ в Евразии.

В Евразии в настоящее время и в будущем концентрируются основные противоречия между ЛЧЦ и странами, как на уровне существующих систем ценностей, так и геополитических интересов. При этом основные ЛЧЦ мира – западная, китайская, индийская, исламская и российская – не только территориально расположены в Евразии, но и прямо соприкасаются и пересекаются. При этом в самом выгодном положении находятся США, которые формируют политику западной ЛЧЦ. С одной стороны, они относительно безопасны потому, что непосредственно не граничат в Евразии с другими ЛЧЦ, а с другой, они контролируют своей военно-морской мощью два окружающих Евразию океана – Тихий и Атлантический. Это – объективные и базовые условия, формирующие МО в Евразии.

К другим можно отнести:

¹ Лисовская Е. США выделили 3,4 млрд на «сдерживание» России //Эл. Ресурс: «Госновости». 2016, 24 декабря/<http://gosnovosti.com/2016/12>

- абсолютное экономическое, технологическое и военное превосходство над всеми ЛЧЦ в отдельности и даже взятыми вместе западной ЛЧЦ;
- существование широкой военно-политической и финансово-экономической коалиции западной ЛЧЦ, которой другие ЛЧЦ не могут противопоставить аналогичной мощи;
- культурно-идеологическое и политическое единство западной ЛЧЦ, обеспечивающее когнитивно-информационное превосходство.

Эти и многие другие относительно постоянные и переменные факторы¹ позволяют сделать вполне однозначный вывод относительно наиболее вероятного сценария развития МО в Евразии и его конкретных вариантов. **Таким сценарием станет развитие «Военно-силового противоборства западной ЛЧЦ» с другими ЛЧЦ в Евразии в одном из трех возможных вариантов – военном, военно-силовом или силовом. Этот вывод требует определенных комментариев.**

К сожалению, как уже говорилось, как правило, в современной России, в стратегических прогнозах избегают выделения какого-то одного, наиболее вероятного, сценария развития МО, а тем более его конкретного варианта – включая вариант развития обстановки в Евразии. По вполне понятным причинам, но, прежде всего, потому, что, если всех возможных сценариев развития МО может быть несколько десятков, даже сотен, вероятных – несколько, а конкретный вариант того или иного сценария МО будет всё-таки только один. И необходимо, прежде всего, воля и решение об обоснованном выборе этого сценария и его вариантов потому, что для практических нужд требуется именно этот конкретный сценарий. И именно его конкретные варианты.

В реальности, в итоге реализуется, в конечном счете, только один – единственный сценарий. Иногда в нескольких близких друг другу вариантах. И именно его-то и надо определить, угадать, спрогнозировать или... запланировать. Так, в 2016 году западная ЛЧЦ реализовывала в отношении России единственный сценарий военно-силового противоборства, который

¹ О значении и роли многих факторов и тенденций, формирующих современную МО в Евразии, можно посмотреть в работах многих авторов, в т.ч.: Подберёзкин А.И., Борисполец К.П., Подберёзкина О.А. Евразия и Россия. - М.: МГИМО-Университет, 2014 г.

теоретически существовал в двух вариантах – «реалистическом» (практическом) и «пессимистическом» (как эскалация угрозы). Маневрирование между ними происходило в очень узких рамках этого единственного сценария, не допуская выхода за его границы. Соответственно развитие МО в 2016 году происходило именно по этому сценарию и если вы адекватны, то и ваши действия соответствовали этому сценарию в максимальной степени, а не являлись ни излишне оптимистичны, ни пессимистичны.¹

Интересно, что во второй половине 80-х годов мы наблюдали другую картину, когда М. Горбачев и его окружение демонстрировали ничем вообще (кроме личных ощущений и амбиций) необоснованный «романтизм» по отношению к Западу, предполагая, что там с таким же «оптимизмом» смотрят на развитие отношений.

Любое из политических действий, выходявших за рамки существующего сценария, предполагало под собой колоссальное материальное эмпирическое и теоретическое обеспечение, которое, «вдруг» оказывалось бесполезным или сомнительным, в случае самых «неожиданных» и субъективных решений. Такие субъективные (неожиданные и неоправданные решения) принимались, например, М. Горбачевым и Э. Шеварднадзе во второй половине 80-х годов XX века по поводу вывода войск СССР из Европы или ограничения вооружений. Так, трактовка Индии как стратегического союзника России многие годы означала, как минимум, что она не будет таковым ни по отношению к Китаю, ни к США. Что, как оказалось, недавно, было неверно². Иначе говоря, «колея» реализуемого варианта того или иного сценария развития МО западной ЛЧЦ в Евразии была не только очень узкой, но и очень жесткой.

Попытки научно обосновать долгосрочный прогноз - описать теорию, методологию и логику, а, главное, – методы долгосрочного прогнозирования международной и военно-политической обстановки предпринимались

¹ См., например: Долгосрочное прогнозирование международных отношений: сборник статей /под ред. А.И. Подберезкина. - МГИМО-Университет, 2016.-307, (1) с.

² *Bhonsle R.* US Defence Secretary Carter Visit: A Test of India's Multi-Alignment Foreign Policy. 2016, April, 8 / www.security-risks.com

не раз, но без видимого успеха, который может заключаться только в конкретном и достаточно точно подтвержденном результате такого прогноза. Но как раз практически подтвержденных результатов долгосрочных прогнозов было крайне мало, что, на наш взгляд, отнюдь не означает бесполезность этих усилий. Как справедливо замечает академик РАН А. Кокошин, «... сбывшиеся прогнозы – это большая редкость в общественно-научных исследованиях»¹. К ним относятся, например, прогнозы характера Первой мировой войны Ф. Энгельса и крупного военного российского теоретика А.А. Свечина.

Конкретность результата в долгосрочном прогнозе может быть оценена как вероятность появления или продолжения того или иного сценария развития МО, ВПО или СО, а еще лучше – вариантов развития этих сценариев. Особенно в отдельных регионах планеты, на отдельных ТВД или в конкретных военно-стратегических условиях. Поэтому требуется сразу же оговориться, что если, например, для прогноза развития того или иного сценария МО вероятность будет одна, то для вытекающего из этого прогноза развития сценария ВПО – уже ниже. И практически невозможно, на наш взгляд, спрогнозировать развитие стратегической обстановки, войн и военных конфликтов в силу доминирующего значения в их формировании субъективных факторов. Чему в истории есть множество примеров. Поэтому если прогноз развития МО в Евразии можно оценить с точки зрения вероятности как «наиболее вероятный», то ВПО – как «вероятный», а сценарии СО, войн и конфликтов – только как «возможные».

Эти оговорки необходимы, прежде чем речь пойдет об особенностях конкретного прогноза развития МО в Евразии, которому значительное внимание уделялось, в том числе авторами данной работы и их коллегами по Центру военно-политических исследований². И не только в теоретическом,

¹ Кокошин А.А. Выдающийся отечественный военный теоретик и военачальник А.А. Свечин. – М.: МГУ, 2013. – С. 9.

² См., например: Подберезкин А.И. и др. Долгосрочное прогнозирование развития международной обстановки: аналитич. доклад. – М.: МГИМО-Университет, 2014. – С. 105; Стратегическое прогнозирование и планирование внешней и оборонной политики: монография: в 2 т. / под ред. А.И. Подберезкина. – М.: МГИМО-Университет, 2015 и др.

но и в прикладном, военно-политическом, аспекте развития современного сценария МО¹.

В конечном счете, на наш взгляд, следует исходить из следующего:

– **Во-первых**, практический, максимально конкретный прогноз не просто необходим, но и обязателен, даже при понимании того, что он может быть ошибочен. Стратегическое планирование вытекает из стратегического прогноза. Если его нет, то и нет стратегического планирования. Есть – это в лучшем случае – набор эмпирических мероприятий (который может быть назван как угодно – «картой», «планом» и т.п.). Именно так и было применительно к внешнеполитическому «прогнозу» и политике периода М. Горбачева-Б. Ельцина в 80-е и 90-е годы XX века относительно приоритетов России в отношении «партнеров» из Западной Европы, которого с упоением придерживались многие нынешние эксперты.

Издержки, которые принесла такая внешняя политика отношениям с другими странами, прежде всего на востоке, огромны. Сегодня об этом предпочитают не вспоминать, но процессы евразийской интеграции, отношения с КНР, Индией, Вьетнамом, Кубой и другими странами Евразии, безусловно, серьезно пострадали. Развивая сегодня политику «многовекторности» в Евразии, Россия должна не только сделать соответствующие выводы, но и компенсировать издержки той политики в отношении этих стран.

Иными словами, даже не идеальный стратегический прогноз лучше, чем его отсутствие. Хотя бы потому, что у такого прогноза появляется некое обоснование и автор. Должен быть и автор у евразийской политики, которую пока что персонифицировал Н. Назарбаев, что не может быть приемлемым для внешней политики России в Евразии.

– **Во-вторых**, есть все основания утверждать, что при определенном внимании, выделении ресурсов и использовании нескольких методов прогноза вероятность стратегического прогноза будет повышаться. Требуется постоянная методологическая и методическая системная работа большого

¹ Подберезкин А.И. Вероятный сценарий развития международной обстановки после 2021 года. – М.: МГИМО-Университет, 2015. 325 с.

коллектива специалистов, результатом которой будет неизбежно улучшение качества прогноза. Нельзя ограничиваться информацией временем или методами при подготовке стратегического прогноза.

В любом случае говорить об экстраполяции как о единственном методе долгосрочного прогнозирования сценариев развития МО, а тем более их вариантов, не приходится. Можно предположить, например, что перед советским Генеральным Штабом РККА в 1923 году была поставлена задача дать прогноз развития наиболее эффективных ВВСТ и ВС на 20 лет, к 1943 году. Ответ, скорее всего, был бы следующий: конница, тачанки, бронепоезда, а не танковые и авиационные соединения (именно так, кстати, и думали многие военачальники, вплоть до начала Второй мировой войны).

Самая большая трудность в анализе и долгосрочном прогнозе развития международной обстановки, на наш взгляд, – это поиск и выбор такой методологии, теории, и конкретных методов, которые могли бы практически обеспечить исследование огромного числа факторов, формирующих конкретную реальную МО и их конкретную реализацию в конкретном месте и в конкретное время, например, в военно-политической или даже в стратегической обстановке. С одной стороны, ясно, что даже в абсолютно конкретной СО реализуются те или иные объективные факторы и тенденции, заложенные изначально в развитии МО и ВПО, а, с другой, – их реализация в конкретных обстоятельствах, множество переменных и появление новых факторов ведут к созданию и развитию совершенно уникальной СО¹.

Эта уникальность означает, что ВПО и СО, военные конфликты и войны всегда будут развиваться по абсолютно оригинальным, совершенно неожиданным, но конкретным сценариям, которые невозможно полностью и с точностью спрогнозировать, где решающую роль будут играть новые парадигмы, не существующие пока что вообще или появившиеся только что «в зародыше». Задача стратегического прогноза – увидеть эти новые парадигмы или представить их появление в будущем. Это – объективный закон. Так, никто в России в декабре 2013 года не прогнозировал, например, такое

¹ Подберезкин А.И. Военные угрозы России. – М.: МГИМО-Университет, 2014. – С. 560.

стремительное изменение МО и ВПО в Европе, а тем более того, что в феврале 2014 года уже сложится абсолютно уникальная СО на Украине¹. Настолько уникальная, что «заморозится» неожиданно в форме военного конфликта более чем на 20 месяцев.

Между тем еще в 2013 году новый начальник Генерального Штаба ВС РФ В. Герасимов уже писал в своей статье в газете «ВПК», что любая война конкретна и не похожа на другую. Эти мысли послужили основанием для того, что на Западе назвали «доктриной В. Герасимова» или «мультивекторной гибридной войной»².

Именно поэтому нам нужна не только объективная теоретическая, логическая и фактическая основа для стратегического прогноза МО и ВПО, которую мы в общих чертах описали в указанных работах, но и максимально конкретизированная методика, основанная на оригинальной теории. В данной работе мы коротко повторим основные теоретические, методологические и логические основы предлагаемого анализа и прогноза, с тем, чтобы далее, в соответствии с этой методологией анализа и прогноза МО, продолжить дальнейшую конкретную эмпирическую работу.

Как показывает опыт, такое конкретное исследование может делаться по разным методикам и привести к различным и даже противоречивым результатам, но эти конкретные эмпирические результаты прогноза, в конечном счете, позволяют лучше ориентироваться лицам, принимающим решения, в возможных будущих сценариях развития МО. Очевидно одно: в любой стратегии любой нации в XXI веке требуется максимально выверенный стратегический прогноз, отвечающий на самые общие вызовы, которые академики А. Акаев и В. Садовничий сформулировали следующим образом: Линия на исследование самых острых проблем, с которыми человечеству придется столкнуться уже в обозримом будущем, поиск наиболее эффективных путей их преодоления – вот основные ориентиры сегодняшних усилий

¹ Подберезкин А.И. Третья мировая война против России: введение к исследованию. – М.: МГИМО-Университет, 2015. – С. 13–15.

² Кофман М. War On The Rocks / Гибридная война России и другие темные искусства. 2016. 26 марта / <http://sputnikpogrom.com/translated/52682/dark-russian-arts/#.V5EHcdSLRiw>

в области долгосрочного прогнозирования. В этой области предстоит дать ответы на следующие ключевые вопросы:

1. Как найти оптимальное равновесие между экономическими и социальными потребностями людей и необходимостью предотвратить экологические и иные издержки научно-технического прогресса?

2. Как разрешить нарастающие проблемы в экономической и социальной сфере и устранить факторы, породившие такие самовоспроизводящиеся проблемы, как ужасающее неравенство в доходах, бедность и нищету на глобальном и национальном уровнях?

3. Как в международных отношениях научиться предвидеть переход напряженности к геополитическим рискам и конфликтам, а на национальном уровне – предотвращать угрозы внутренней стабильности?

Они справедливо полагают, что на рубеже веков четко обозначилась важнейшая задача обеспечения устойчивого развития в масштабах всего человечества (Медоуз и др. 2008). Достижение этой цели делает в высшей степени актуальной разработку прогнозов, позволяющих формировать долгосрочные цели и стратегию их достижения. На сегодня социально-экономическое прогнозирование ведется в различных временных диапазонах – от краткосрочных (до одного года), среднесрочных (от одного до пяти лет) до долгосрочных (от пяти до 30–50 лет). Если цель краткосрочных моделей – прогнозирование, направленное на конъюнктурную деятельность, а задача среднесрочных моделей заключается в выборе политики развития в ближайшем будущем, то долгосрочные модели предназначены для исследования условий длительного экономического роста¹.

Не умаляя значения краткосрочных и среднесрочных прогнозов, отметим, что предметом настоящей работы является долгосрочное прогнозирование. Соответствующие модели являются, прежде всего, моделями теории

¹ Акаев А.А. и Садовничий В.А. О новой методологии долгосрочного циклического прогнозирования развития мировой системы и России. – С. 7.

роста в том смысле, что они представляют собой инструмент для исследования будущего состояния общества в зависимости от стратегии его развития¹.

В настоящее время в России наработан некий капитал в методологии и методах стратегического прогнозирования, который может стать фундаментом для работ по долгосрочному прогнозированию. Их обзор можно взять у ведущего эксперта Д. Дегтерёва. Он считает, например, что «В последние годы был издан ряд монографий и учебных пособий по моделированию и количественному анализу международных отношений: «Введение в прикладной анализ международных ситуаций» под редакцией Т.А. Шаклеиной [Введение в прикладной анализ международных ситуаций 2014], «Методы политических исследований» К.П. Боришполец [Боришполец 2010], «Политический анализ и прогнозирование» А.С. Ахременко [Ахременко 2006], «Моделирование и анализ политических процессов» Э.Н. Ожиганова [Ожиганов 2009], «Комплексная междисциплинарная методика РУДН ситуационного анализа международных конфликтов» под редакцией Д.А. Дегтерёва, В.Г. Джангиряна и В.А. Цвыка [Комплексная междисциплинарная методика РУДН ситуационного анализа международных конфликтов 2014], «Введение в теорию игр для политологов и международников» [Дегтерев 2010].

Количественные методы анализа в отечественной международно-политической науке и истории международных отношений связаны и с развитием отечественной клиометрии и квантитативной истории. Становление этих направлений началось еще в советский период. По мнению Д. Дегтерёва, большой вклад в их развитие внесли работы академика АН СССР И.Д. Ковальченко [Ковальченко 2003; Количественные методы в гуманитарных науках 1981], Т.И. Славко [Славко 1981], В.З. Дробижева, В.Е. Полетаева².

Количественные методы анализа становятся все более популярными в силу развития статистики и информатики, что выражается в стремительном

¹ Акаев А.А. и Садовничий В.А. О новой методологии долгосрочного циклического прогнозирования развития мировой системы и России. – С. 7–8.

² Дегтерев Д. Количественные методы в международных исследованиях // Международные процессы, 2015. – Т. 13. – № 2. – С. 37.

росте возможностей собирать, обрабатывать и систематизировать информацию о субъектах МО по множеству критериев и параметров.

Так, можно, например, легко сравнить страны по наименьшим и наибольшим расходам на оборону на душу населения. Наименьшие душевые расходы на оборону, безусловно, свидетельствуют о том, что государство:

- не видит военной опасности своим интересам, либо рассчитывает на внешнюю защиту;

- слишком бедное, чтобы тратиться на оборону и т.д.

Перечень этих стран – от Малави до Танзании – подтверждает ход этих рассуждений. Причем только Молдова находится в Евразии, а её ничтожные военные расходы объясняются не, только кризисом последних лет, но и полным отсутствием внешней угрозы.

Совершенно иная история со странами, чьи душевые расходы приближаются или превышают 1000 долл. на человека и которые являются мировыми лидерами по этому показателю. Все они – от Израиля и Норвегии, Австралии и Великобритании до Омана:

- находятся в Евразии;
- достаточно богаты;
- ощущают угрозу своим интересам.

Таким образом, можно констатировать, что простой количественный анализ военных расходов на душу населения ведет к выводу о нестабильности ситуации в Евразии и готовности большинства этих стран тратить огромные средства на обеспечение своей безопасности. Причем это относится к странам, которые расположены в самых разных регионах этого континента – от Ближнего Востока до Юго-Восточной Азии, - и принадлежащих к ведущим ЛЧЦ: западной, исламской, российской. Китайская и индийская ЛЧЦ, увеличивая постоянно свои военные расходы, между тем, не вошли пока в число лидеров по душевым затратам на оборону, сохраняя самые быстрые темпы прироста ВВП.

Это означает, что Китай и Индия с высокой степенью вероятности вскоре «выйдут из тени», а их большие военные бюджеты в абсолютных ве-

личинах сегодня, станут через несколько лет вполне сопоставимы и по душевому показателю, который пока что нивелируется из-за их огромного (1500 млн чел.) демографического потенциала.

Или уточнить эти показатели с точки зрения расходов на оборону относительно ВВП.

И в первом и во втором случае эти сопоставления могут служить некой отправной точкой для стратегического прогноза военных расходов в мире и, как следствие, военной активности тех или иных субъектов МО в будущем.

Большое значение количественные оценки имеют для стратегического прогноза социально-экономического развития государств, а также их относительной мощи в той или иной области.

Важно подчеркнуть, что противостояние стратегий российской и западной ЛЧЦ происходит не только при качественно разном (в несколько раз) соотношении сил, но и в условиях создания принципиально новых средств ведения противоборства и разработки способов их применения. Прежде всего, у западной ЛЧЦ, которая оказывается в этих условиях более гибкой и мобильной. К сожалению, если говорить о стратегии (т.е. способах применения инструментов политики), то российская сторона оказывается более традиционной и консервативной. Так, существующая стратегия «стратегического сдерживания» не просто исключительно оборонительная, но и ограничена традиционными политическими средствами, которые перечислены в последней редакции Стратегии.¹

Между тем Запад активно спешит с разработкой принципиально новых силовых средств и способов их использования, которые объединяются в политику «новой публичной дипломатии» - синтез всех силовых средств и способов принуждения. Так, например, российский эксперт Е. Зиновьева подчеркивает по этому поводу: «Термин цифровая дипломатия, распространенный наряду с понятиями интернет-дипломатия, дипломатия социальных сетей и вэб 2.0 дипломатия, впервые начал использоваться применительно

¹ Путин В.В. Указ Президента РФ №683 от 31 декабря 2015 г. «О стратегии национальной безопасности Российской Федерации».

к внешней политике США. В частности, под ним подразумевалось широкое использование информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), в том числе новых медиа, социальных сетей, блогов и тому подобных медиа-площадок в глобальной сети для содействия государственным органам для осуществления функций и коммуникаций по вопросам, связанным с внешнеполитической повесткой дня. В настоящее время программы цифровой дипломатии реализуются не только США, но и рядом других государств. В частности, возможность перехода к цифровой дипломатии рассматривается также государствами НАТО¹.

Правительство США определяет также цифровую дипломатию как применение социальных сетей в дипломатической практике правительства США для обеспечения взаимодействия американских дипломатов с зарубежными пользователями интернета². Цифровая дипломатия США – одно из направлений публичной дипломатии, ориентированной на вовлечение в дипломатическую практику широких слоев населения, а не на взаимодействие с политической и дипломатической элитой зарубежных государств. Как отмечает другой российский исследователь Н. Цветкова, методами публичной дипломатии вэб 2.0 являются «размещение радио- и телепередач в сети интернет, распространение в открытом доступе литературы о США в цифровом формате, мониторинг дискуссий в блог-пространстве, создание персонифицированных страничек членов правительства США в социальных сетях, а также рассылка информации через мобильные телефоны»³.

Ключевым для понимания сути цифровой дипломатии является тот факт, что она представляет собой технологический инструмент. В основе внешней политики и цифровой дипломатии Соединенных Штатов заложены идейные основания, которые эффективно воплощают бизнес-модель и ин-

¹ *Зиновьева Е.* Цифровая дипломатия, международная безопасность и возможности для России / Индекс безопасности № 1 (104), – Т. 19. – С. 213 / <http://www.pircenter.org/media/content/files/10/13559069820.pdf>

² IT Strategic Plan: Fiscal Years 2011–2013 – Digital Diplomacy / <http://www.state.gov/m/irm/rls/148572.htm>

³ *Цветкова Н.А.* Программы Web 2.0 в публичной дипломатии США / США и Канада: экономика, политика, культура, № 3, 2011.

формационная политика Google, Facebook, Twitter и других компаний американской интернет-индустрии – и прежде всего ценность демократии и либеральных свобод. Философские основы цифровой дипломатии были изложены в трудах Энн-Мэри Слотер, которая с 2009 по 2011 г. занимала пост директора по политическому планированию в Государственном департаменте США. В частности, по мнению госпожи Слотер, государства, обладающие наиболее налаженными и разветвленными информационными каналами и коммуникациями, способны определять глобальную повестку дня.

В 2010–2011 гг. Белым домом были опубликованы несколько официальных документов, задающих направления цифровой дипломатии. В их числе был документ «Публичная дипломатия: укрепление взаимодействия Соединенных Штатов с миром», где обозначались задачи, определяемые руководством США для цифровой дипломатии. В частности, в список таких задач вошли:

- дискредитация идеологических противников Соединенных Штатов;
- противодействие информационной деятельности Китая в интернете;
- ограничение медиа-присутствия России на пространстве бывшего Советского Союза;
- противодействие внешней культурной политике Ирана, осуществляемой через социальные сети.

Возвращаясь к проблеме соотношения сил между ЛЧЦ в Евразии, необходимо подчеркнуть, что если экономическая мощь США составляет порядка трети от коалиционной (куда включаются экономика стран-членов НАТО, Японии, Австралии, а также целого ряда других стран), то собственно военная мощь США (включая военные расходы) составляет более половины всей военной мощи, а в некоторых областях и видах вооружений значительно больше. Это означает, что простое механическое сравнение мощи восточной и западной ЛЧЦ, например, невозможно. Так же как и китайской, индийской и любой другой: необходим широкий выбор критериев и показателей для сравнения.

Так, в качестве примера для сравнения можно взять военно-экономический потенциал локальных человеческих цивилизаций, который играет все

более важное значение по отношению к военно-экономическому потенциалу государств и наций, иногда в несколько раз превосходя его по объему и качеству.

Сравнение военно-экономических потенциалов ЛЧЦ

Цивилизации	западноевропейская	восточноевропейская	североамериканская	океаническая	русская	китайская	индийская	японская	арабо-мусульманская	буддийская	африканская
западноевропейская	1	7	1	9	5	1	1	1	1	5	9
восточноевропейская		1	0,25	7	1	0,2	0,2	0,2	0,25	0,2	7
североамериканская			1	9	3	1	1	5	5	7	9
океаническая				1	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1
русская					1	1	1	3	2	7	8
китайская						1	1	3	1	7	8
индийская							1	3	1	7	8
японская								1	5	7	9
арабо-мусульманская									1	5	7
буддийская										1	3
африканская											1

Анализируя эти данные, неизбежно приходишь к выводу о ведущем значении возможных коалиций ЛЧЦ, которые будут создаваться, и развиваться в Евразии. И не только вполне ясных и логически понятных, как, например, западноевропейская и североамериканская ЛЧЦ, которые вместе составляют западную ЛЧЦ и единую военно-политическую и финансово-экономическую коалицию, но и японская и индийская ЛЧЦ, от вхождения, которых в тот или иной блок существенно, даже радикально, зависит будущее противоборство. Так, например, от того, чью сторону в международных конфликтах (в ООН, СМН и пр. дипломатической и экономической борьбе) занимает и будет занимать Индия, принципиально зависит расстановка сил после 2040 года. Индия - страна-цивилизация – по своему демографическому, экономическому, военному потенциалу еще только заявляет об активной позиции на международной арене. И не случайно то, что в 2016 году в планах МО США она занимала ведущее место.

Особенно важное значение для определения роли военной силы в МО в XXI веке приобретает военно-политический потенциал ЛЧЦ, который фактически представляет собой всю интегрированную мощь ЛЧЦ и их коалиций. Очень условное представление о соотношении сил в военно-политической области в 2016 году могут дать следующие оценки экспертов.

Военно-политический потенциал

Цивилизации	западноевропейская	восточноевропейская	североамериканская	океаническая	русская	китайская	индийская	японская	арабо-мусульманская	буддийская	африканская
западноевропейская	1	5	0,5	7	2	0,9	1	1	5	7	9
восточноевропейская		1	0,1	6	1	0,7	0,6	0,2	0,3	3	5
североамериканская			1	9	5	1	3	5	7	7	9
океаническая				1	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1
русская					1	1	1	3	5	9	9
китайская						1	0,2	5	2	5	9
индийская							1	3	1	5	8
японская								1	0,2	3	5
арабо-мусульманская									1	5	8
буддийская										1	3
африканская											1

Управленческий потенциал

Цивилизации	западноевропейская	восточноевропейская	североамериканская	океаническая	русская	китайская		индийская	японская	арабо-мусульманская	буддийская	африканская
западноевропейская	1	5	1	9	3	1		2	0,9	3	3	9
восточноевропейская		1	0,2	5	1	0,2		3	0,5	3	6	8
североамериканская			1	9	5	2		2	1	6	6	9
океаническая				1	0,1	0,1		0,1	0,1	0,1	0,1	0,1
русская					1	0,8		0,8	0,8	2	2	8
китайская						1		2	0,9	3	7	9
индийская								1	0,6	0,9	3	8
японская									1	7	8	9
арабо-мусульманская										1	2	8
буддийская											1	8
африканская												1

Потенциал человеческого развития

Цивилизации	западноевропейская	восточноевропейская	североамериканская	океаническая	русская	китайская	индийская	японская	арабо-мусульманская	буддийская	африканская
западноевропейская	1	3	1	8	3	7	7	1	6	7	9
восточноевропейская		1	0,1	8	1	3	3	0,2	5	3	9
североамериканская			1	9	5	7	7	2	9	9	9
океаническая				1	0,1	0,5	0,5	0,1	0,3	0,9	2
русская					1	3	5	0,1	5	5	9
китайская						1	3	0,5	5	5	8
индийская							1	0,2	2	2	5
японская								1	8	8	9
арабо-мусульманская									1	2	4
буддийская										1	2
африканская											1

Коалиционный потенциал

Цивилизации	западноевропейская	восточноевропейская	североамериканская	океаническая	русская	китайская	индийская	японская	арабо-мусульманская	буддийская	африканская
западноевропейская	1	5	0,8	9	5	5	7	4	7	7	9
восточноевропейская		1	0,2	8	3	3	5	2	5	6	8
североамериканская			1	9	7	7	7	7	8	8	9
океаническая				1	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1
русская					1	1	2	0,9	0,8	5	5
китайская						1	1	4	4	7	8
индийская							1	3	2	5	7
японская								1	0,6	2	5
арабо-мусульманская									1	7	8
буддийская										1	1
африканская											1

Оценка вклада различных потенциалов цивилизаций и наций в совокупный военный потенциал цивилизации (страны)

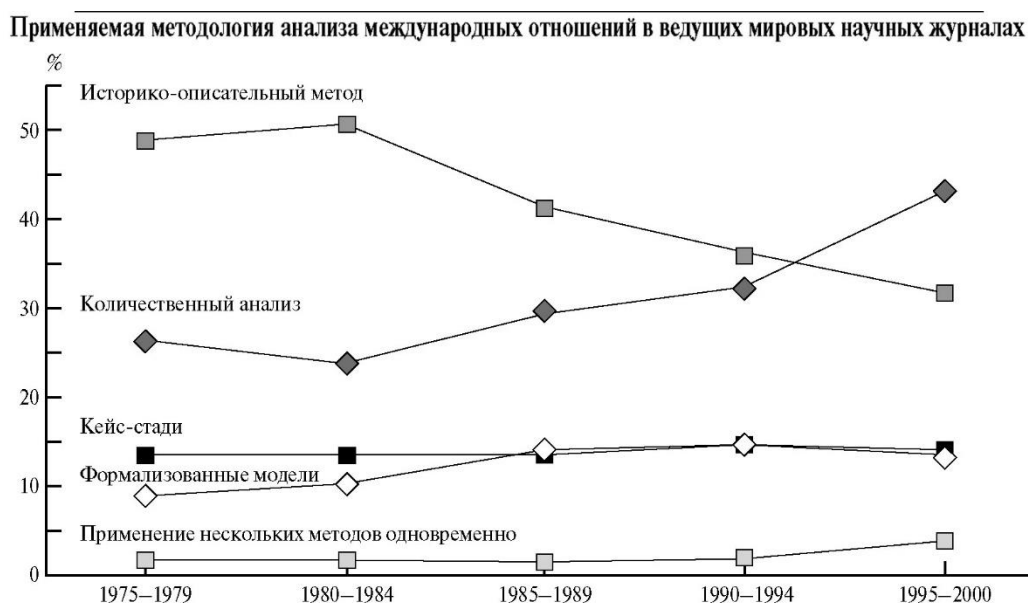
	Военно-экономический потенциал	Военно-политический потенциал (нематериальный)	Военный	Управленческий потенциал	Потенциал человеческого развития	Коалиционный потенциал
Военно-экономический потенциал	1	0,3	0,7	0,25	0,75	5
Военно-политический потенциал		1	0,5	0,5	0,5	3
Военный потенциал			1	0,5	1	3
Управленческий потенциал				1	0,5	0,25
Потенциал человеческого развития					1	2
Коалиционный потенциал						1

Предполагалось, что будут даны различные экспертные оценки развития глобальных тенденций, чьё влияние на соотношение потенциалов ЛЧЦ в Евразии оценено по шкале от 1 до 10 баллов и учитываться при окончательной корректировке в следующей последовательности.

№	Глобальные тенденции	Баллы
1.	Глобализация во всех основных областях в Евразии	10
2.	Регионализация в основных областях в Евразии	9
3.	Усиление взаимозависимости государств	8
4.	Усиление роли негосударственных акторов в Евразии	7
5.	Диффузия власти в государствах Евразии	6
6.	Смещение центра власти с Евро-Атлантики в АТР	5
7.	Увеличение количества внутригосударственных конфликтов	4
8.	Расширение повестки дня глобальной безопасности	3
9.	Стирание границы между войной и миром	2
10.	Информатизация	1

Таким образом, успешность стратегического прогноза, основанного на применении известных парадигм и предположениях об их изменении, зависит от системности, использования различных методов – количественных, историко-описательных, моделирования и пр., – которые в сочетании друг с другом могут обеспечить решение этой задачи. Так, анализ публикаций в

журналах *International Organization*, *International Security*, *International Studies Quarterly*, *Journal of Conflict Resolution*, *World Politics* и *American Political Science Review* за 1975–2000 годы показал, как считает Д. Дегтерев, – что доля статей с применением статистических методов в последние три десятилетия существенно возросла и превысила 40%, а доля статей, содержащих формализованные модели, составляет около 15% (см. рис.).

При этом если в конце 1970-х годов в журнале *World Politics* на историко-описательные методы приходилось 70% статей, то к концу 1990-х годов показатель упал до 30%. В наибольшей степени доля статей с историко-описательными методами сократилась в журналах *International Studies Quarterly*, *International Security* и *World Politics*. В среднем, примерно в половине статей в указанных шести ведущих мировых изданиях по международным отношениям применяются количественные методы анализа.

Отдельно следует сказать о существующих независимых оценках научной (монографической) литературы по международным отношениям, содержащихся, в частности, в работах О. Уэвера, А. Беннетта и др., и других методов анализа и долгосрочного прогнозирования, среди которых, на наш взгляд, наиболее перспективны следующие:

– метод сценарного прогнозирования, который продолжает (развивает) существующую логику и сложившиеся системы взаимосвязей МО;

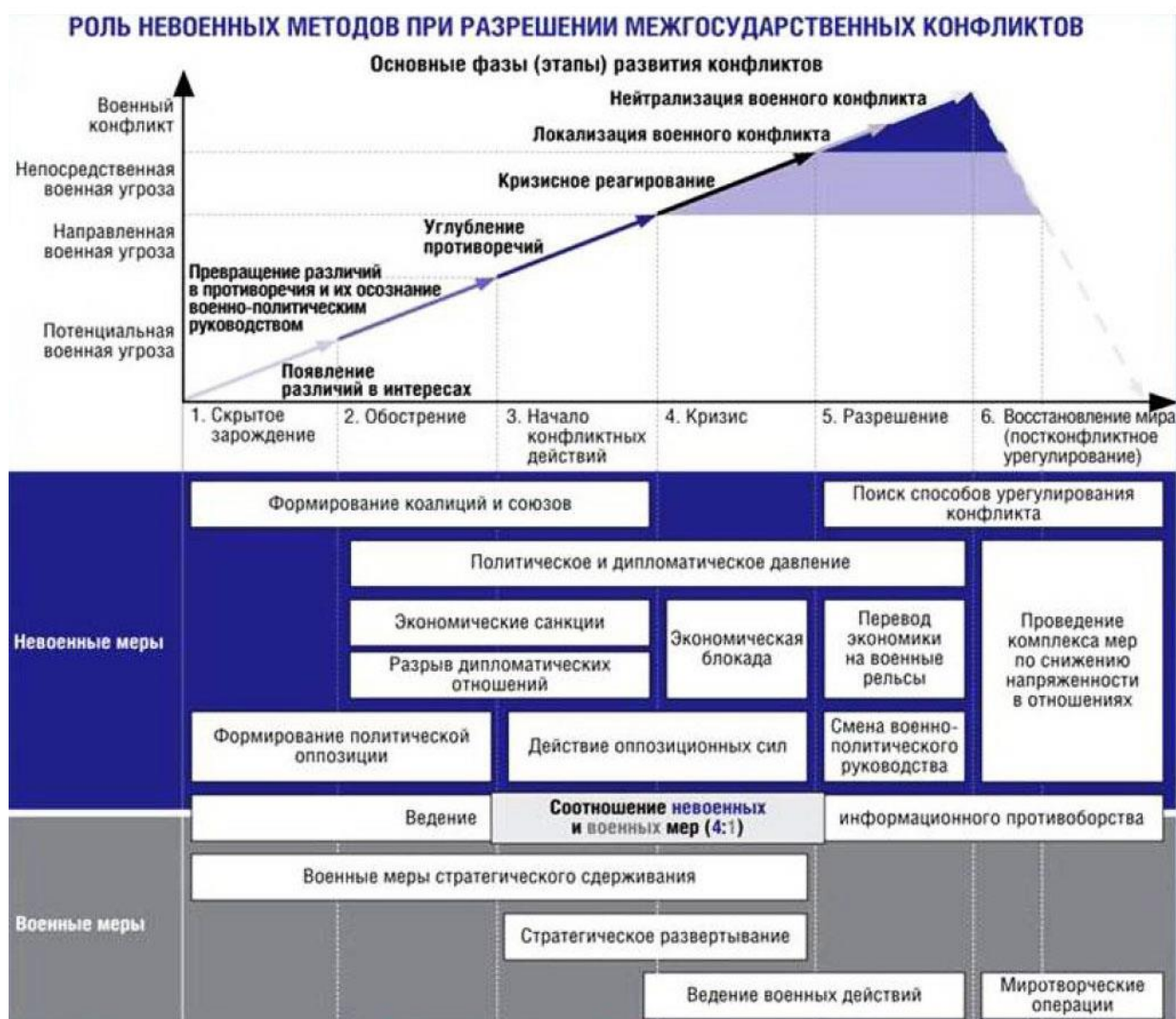
– метод дедукции, позволяющий игнорировать все возможные и большое число вероятных сценариев и их вариантов развития МО и ВПО, концентрируя внимание на наиболее вероятных;

– метод построения концепций и моделей, включающий в себя совокупность всех основных частей систем МО и ВПО. Так, в частности метод построения концепций и моделей, используемый НГШ ВС РФ В. Герасимовым, очень наглядно демонстрирует эволюцию в подходе лидеров западной ЛЧЦ и использованию силовых инструментов политики. Этот метод, получивший известность после публикации в 2013 году статьи В. Герасимова, не является на самом деле ни новым, ни оригинальным: еще в конце 1940-х годов один из архитекторов холодной войны Дж. Кеннан в знаменитом Меморандуме писал: «Нам мешает укоренившееся убеждение в том, что между войной и миром есть разница, что война — это что-то вроде спортивного матча, не имеющего отношения к политическому контексту».

Герасимов, по мнению некоторых экспертов, описывая невоенные методы, используемые Западом в нелинейных конфликтах, практически слово в слово повторяет определения явной и тайной политической войны, выдвинутые Кеннаном. Кеннан писал: «Политическая война есть использование всех средств, имеющихся в распоряжении нации для достижения своих целей... Средства могут быть как явными, вроде политических союзов, экономических мер и „белой“ пропаганды, так и тайными — к их числу относится поддержка „дружественных“ заграничных элементов, „черная“ психологическая война и даже поддержка отрядов сопротивления на территории враждебных государств»¹.

Тем не менее, статья В. Герасимова дала мощный толчок в осмыслении характера современной войны и ее роли в политике, а предложенная им концепция и основные этапы развития конфликтов, безусловно, заслуживает внимания при подготовке стратегического прогноза.

¹ Кофман М. War On The Rocks / Гибридная война России и другие темные искусства. 2016. 26 марта / <http://sputnikpogrom.com/translated/52682/dark-russian-arts/#.V5EHcdSLRiw>

1

Так, в соответствии с предложенными В. Герасимовым этапами, Россия в 2016 году находилась где-то между 3 и 4 этапами, уверенно продвигаясь к началу 5 этапа (который мы прогнозировали на 2023–2025 годы) и возможному перерастанию сценария «Военно-силового противоборства ЛЧЦ» в конце 2020-х годов в открытый масштабный военный конфликт или даже войну.

У В. Герасимова этот переход, как и сам военный конфликт, прописан нечетко – как «пик» в развитии «пятого» этапа.

¹ Кофман М. War On The Rocks / Гибридная война России и другие темные искусства. 2016. 26 марта / <http://sputnikipogrom.com/translated/52682/dark-russian-arts/#.V5EHcdSLRiw>

На наш взгляд, этот переход может занять целый период (В. Герасимов не вполне удачно использует термин «этап», являющийся более общим понятием по отношению к «периодам»), но в любом случае подобная концепция является очень полезной для прогноза. Особенно если с ней выступает НГШ.

В целом же стратегический прогноз на долгосрочную перспективу должен учитывать развитие прогнозов всех четырех основных групп факторов, акторов и тенденций, формирующих МО. Он представляет собой своего рода «сложную мозаику» большинства этих факторов, акторов и тенденций, состоящую из сотен тысяч критериев и показателей. Чем больше этих критериев и факторов будет учтено в предлагаемой концепции, тем яснее и ярче будет прогноз. Если из 1 000 000 основных составляющих будет учтено 10 000, то и ясность, и точность будет соответствующая, а если 100 000, то прогноз, безусловно, будет более точным.

Глава 3. Прогнозирование развития отношений между локальными человеческими цивилизациями в Евразии¹

Любой прогноз развития МО в мире, в конечном счете, исходит из прогноза соотношения сил и возможностей в Евразии. Прежде всего, США–КНР–России, которые окажут решающее влияние на ситуацию в мире. Вот и прогноз «Общая оперативная обстановка в мире. 2035», подготовленный Центром технической информации Министерства обороны США, в июле 2016 года, свидетельствует о том, что главными политическими игроками к этому времени станут США–Россия–Китай. Причем именно последние (а также некоторые акторы) будут угрожать мировому порядку, прежде всего, через изменение баланса сил в регионах². Таким образом, от уровня, характера и качества отношений между ЛЧЦ в отдельных регионах, но, прежде всего, в Евразии, в решающей степени зависит развитие всей международной обстановки и реализация того или иного сценария и даже варианта ее развития.

Еще в первом десятилетии XXI века именно негативное развитие отношений между западной, исламской и российской ЛЧЦ в Евразии привело к обострению не только межгосударственных отношений, но и всей ситуации в мире. В основе этого поворота во внешней политике западной ЛЧЦ находилось стремление, силовым способом, сохранить сложившуюся систему военно-политических и финансово-экономических отношений, а также норм, процедур и правил, в условиях усиления других ЛЧЦ и центров силы.

Именно в это время западная ЛЧЦ попыталась «зафиксировать» состояние мировой обстановки на уровне 2001 года, заявив, что будет любыми способами препятствовать попыткам ее изменения. Именно тогда ею был выбран сценарий военно-силового противоборства между ЛЧЦ, который реализуется через развитие соответствующих сценариев МО и ВПО, предполагающих обострение международной обстановки, внутривнутриполитическую дестабилизацию во всех других ЛЧЦ и странах. Как откровенно признает Дж. Фридман, «... по-настоящему XXI век начался... 11 сентября 2001 года,

¹ Подберезкин А.И. Третья мировая война против России: введение к исследованию. – М.: МГИМО-Университет, 2015. – С. 32–35.

² Joint Operating Environment (JOE) 2035. The Joint Force in a Contested and Disordered World. 14 July. 2016.

когда самолеты протаранили башни Всемирного торгового центра и Пентагон... США..., безусловно, выполнили свои стратегические задачи. Представляется очевидным, что эта война, как и любая другая, приближается к своему финалу, каким бы он ни был»¹. Иными словами, США, как лидер западной ЛЧЦ, выбрали войну с другими ЛЧЦ, которая вскоре, по их мнению, должна была закончиться победой западной ЛЧЦ.

Этот вывод обязывает к очень многому, даже если оговориться, что понятие «победа» западной ЛЧЦ требует пояснений: во всяком случае, это не традиционная победа, понимание которой сегодня лишь мешает трезвой оценке реальности. Победа одной ЛЧЦ над другой, это не оккупация территории и даже не разгром ВС врага и его коалиции, это навязывание его правящей элите норм поведения, системы ценностей и правил, которые необходимы победителю. Это не ликвидация военного потенциала, но фактически лишение страны суверенитета и национальной идентичности. Вот почему необходимо подробнее остановиться именно на сути и содержании противоборства современных ЛЧЦ и отношений между ними, которые определяют развитие МО в будущем.

Напомним, что среди известных четырех основных групп факторов, влияющих на формирование МО, традиционно ведущую роль играла группа, в которой представлены главные субъекты международных отношений – суверенные государства (как признанные, так и не признанные), нации и локальные человеческие цивилизации. Собственно говоря, вся история человечества войн и международных отношений — это история отношений наций, государств и ЛЧЦ.

ЛЧЦ представляют собой более чем один субъект МО и, как правило, в той или иной степени являются политически и юридически оформленной коалицией или союзом, объединяющими более чем одно государство. У этого правила есть некоторые исключения – конфуцианский Китай, который называется нацией, являясь на самом деле локальной цивилизацией, а также Индия. Однако надо признать, что обе эти ЛЧЦ выходят далеко за пределы государственных границ КНР и Республики Индия, распространяясь по всему региону АТР и Евразии.

¹ *Friedman G. The Next 100 Years: A Forecast for the 21st Century / Doubleday, 2009. – P. 21 / eKnigi.org*

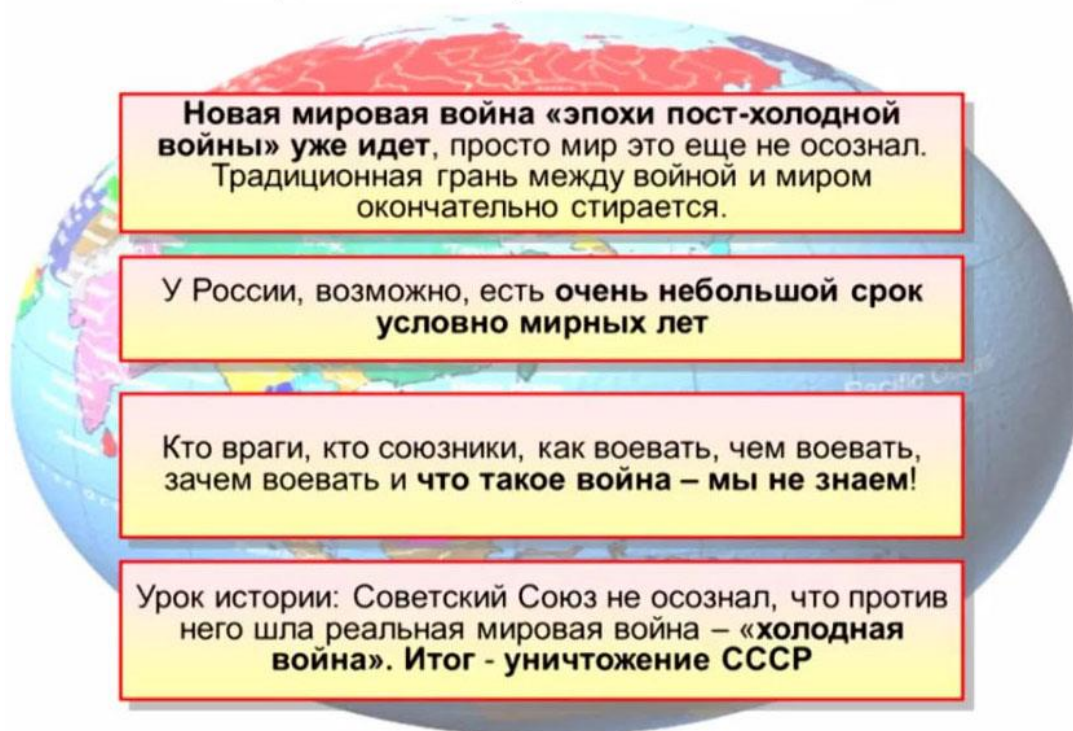
Локальная человеческая цивилизация – как социокультурная общность – не имеет абсолютно четких границ потому, что культурная самоидентификация не только отдельных стран, но и социальных групп (и даже людей) может быстро меняться. Яркими примерами являются Австралия, Новая Зеландия и даже Япония, а также ряд других государств, ставших частью западной ЛЧЦ. В каждый исторический отрезок времени отдельные нации, социальные группы и даже конкретные личности могут меняться под воздействием внешних и внутренних причин. Так, самоидентификация значительной части граждан Украины по принадлежности к современной западной ЛЧЦ произошла в последние 25–30 лет под влиянием внешних сил и внутренних процессов, имевших в значительной степени инспирированный и организованный западной ЛЧЦ характер.

Стратегический прогноз развития отношений между ЛЧЦ – первое и обязательное условие стратегического прогноза развития того или иного сценария МО и даже его варианта. Так, выбор на рубеже XXI века западной ЛЧЦ политики силы предопределяет вектор развития отношений с ними. С практической военно-политической точки зрения это означает, что в 2000–2001 годах США, как лидер западной ЛЧЦ, сделали ставку на развитие силовых сценариев МО и их вариантов, которые в той или иной степени должны будут реализоваться в конкретных военно-силовых сценариях развития военно-политической обстановки.

Для России это означает, что уже почти 20 лет США и их союзники по ЛЧЦ фактически реализуют такой силовой сценарий развития МО, когда Россия и другие ЛЧЦ должны – постоянно и во всех областях жизнедеятельности – стоять перед жестким выбором: либо безусловное подчинение правилам и нормам западной ЛЧЦ, либо силовое (в т.ч. военное, если необходимо) противостояние, включающее санкции, внутривнутриполитическую дестабилизацию, давление на правящую элиту, беспрецедентную информационную войну и т.п. Очень образно эту ситуацию изобразил еще в 2014 году бывший советник НГШ ВС РФ И. Попов¹.

¹ Попов И.М. Доклад «Война – это мир: невоенные аспекты обеспечения безопасности государства. 2014. Апрель. – М.: МГИМО-Университет / <http://eurasian-defence.ru/>

**Геополитическая ситуация в мире:
ключевые положения оценки МО в начале XXI века**

Подобное видение отношений между ЛЧЦ с начала XXI века не стало нормой. Постепенно, в особенности, после военного конфликта в Грузии в 2008 году, и затем на Украине, это понимание стало охватывать все большую часть российской правящей элиты. Ключом, сутью такого понимания является описанный еще в начале 90-х годов XX века С. Хантингтоном неизбежный конфликт цивилизаций, оценки которого старались долгое время не замечать даже тогда, когда они подтверждались на самом высоком политическом уровне. Так, в июле 2016 года на съезде Демократической партии США Б. Обама сказал о неизбежном конфликте геополитических интересов двух центров силы – России и США. Аналогичные многочисленные признания звучат и от союзников США в Европе и в АТР.

3.1. Новые центры силы и консолидации локальных человеческих цивилизаций в Евразии как реакция на экспансию ЕС–НАТО

Стремительное формирование новых военно-политических центров силы в мире и в Евразии объясняется многими и самыми разными причинами, среди которых доминирует одна, военно-политическая причина. Запланированная и осуществляемая в 90-е годы экспансия западной ЛЧЦ в форме ЕС и НАТО в Евразии неизбежно ведет как к включению в свою орбиту (в т.ч. военно-силовыми средствами) субъектов МО, с одной стороны, так и препятствию созданию аналогичных центров силы и других ЛЧЦ, – с другой стороны.

Слова, написанные И. Ильиным в 1950 году, т.е. почти 70 лет назад, оказались пророческими: «псевдофедерация» (РФ «образца 1991 г.») действительно «списала со счета» всю историю международных отношений до 1991 года и превратила Германию в европейского гегемона, вокруг которого концентрируется западная ЛЧЦ под контролем США. И экспансия этой ЛЧЦ в Евразии будет проводиться ЕС и НАТО. Как показали последние 20 лет, этот механизм может работать очень эффективно. После распада СЭВ и ОВД практически все страны, противостоявшие ЕС и НАТО, превратились из противников либо в союзников, либо попали под контроль и полное влияние.

Так или иначе, но перед всеми государствами, нациями и акторами в Евразии ставится вопрос: ты разделяешь ценности западной ЛЧЦ (ее интересы, нормы, правила, законы и т.п.).

Если ответ был положителен (как в большинстве стран Центральной и Восточной Европы, а также у части правящих элит России и др. стран), то для таких государств предлагалась та или иная модель «интеграции» в ЕС и НАТО, либо ассоциации, либо согласия на контроль со стороны ЕС–НАТО.

Если ответ был отрицательный, то против таких стран использовался весь спектр силовых инструментов, включая военные, как правило, с публичным «наказанием виновных» (Чаушеску, Милошевич, Хусейн, Каддафи и др.). Выбор этих средств оставался за западной ЛЧЦ.

В XXI веке достаточно быстро менялись критерии оценки эффективности политического влияния государств и наций в мире, все, более сдвигаясь в направлении использования невоенных силовых инструментов политики.

Военно-силовые средства всегда подразумеваются, но используются в последнюю очередь. Спектр этих инструментов очень большой и насчитывает, прежде всего, инструменты и способы, объединяемые в понятие «мягкой силы». Она включает и себя объективные показатели – государственное управление, культуру, информационные технологии, образование – и субъективные, определяемые результатами социологических опросов, на которые приходится соответственно 70 и 30% итогового индекса¹.

Но не только политическое влияние определяется средствами «мягкой силы». В реальной политике приходится опираться на весь спектр силовых инструментов, который в настоящее время относится к понятию «новая публичная дипломатия» – от образования и культуры до создания и поддержки радикальных и даже террористических организаций. Это тот «набор» инструментов, с помощью которого уже не только государства и нации, но и ЛЧЦ в XXI веке отстаивают свои интересы и занимаются продвижением своих систем ценностей. От них, в конечном счете, сегодня зависит не только успех, но и выживание ЛЧЦ. Этот «набор» представляет собой синтез силовых средств, а его структура существенно отличается от структуры средств политики в XIX и XX веках.

Таким образом, консолидация сил вокруг ЛЧЦ в Евразии в конце XX и начале XXI века происходила в целях максимально полного использования всего набора «силовых инструментов политики теми или иными» центрами силы. Те из них, кто не обладал (и не рассчитывал на увеличение) своим потенциалом, – просто были интегрированы с помощью таких же силовых средств (Германия, Чехия, Сербия, прибалтийские республики СССР).

Те же из субъектов МО, кто рассчитывал на свои возможности противодействия, начинали концентрироваться вокруг других центров силы – исламского, российского, китайского или индийского.

При этом оценка соотношения сил между ЛЧЦ происходила по всему спектру потенциалов, среди которых возрастающую роль играли потенциалы, являющиеся следствием развития национального человеческого капитала и его институтов. Так, демографический потенциал исламской ЛЧЦ оценивается в 1,4 млрд, китайской и индийской – 1,5 млрд человек.

¹ Стратегическое прогнозирование международных отношений: кол. монография / под ред. А.И. Подберезкина, М.В. Александрова. – М.: МГИМО-Университет, 2016.

Сравнение структур средств политического влияния государств и ЛЧЦ в XIX и XX веках

Структура средств политики государств в XIX веке	Структура средств политики наций в XX веке	Структура средств политики ЛЧЦ в XXI веке
– официальна публичная дипломатия;	– официальная публичная дипломатия; – международные организации; – коалиции и союзы и т.д.	– официальная публичная дипломатия; – международные организации; – НПРО; – коалиции, союзы, блоки; – глобальные союзы (ТПП, ТПА и т.д.);
– средства вооруженной борьбы: Армия, Флот;	– средства вооруженной борьбы: Армия, Флот, стратегическая авиация, ЯО, космические средства и т.п.	– средства вооруженной борьбы: – Армия, Флот ВВС, ВКС, ЯО; – частные военные компании; – экстремизм; – терроризм
– СМИ (в зачаточном варианте в XIX в.)	– СМИ: – электронные; – печатные; – интернет	– СМИ: – электронные; – печатные; – интернет; – сетевые; – веб 2.0 технологии и пр.

Из этого сравнения видно, что противоборство ЛЧЦ в XXI веке будет опираться, прежде всего, на те силовые инструменты политики, которые связаны с количеством и качеством национального человеческого капитала и его институтов. И не случайно, объективные критерии английского рейтинга «мягкой силы» в основном состоят из показателей, характеризующих именно количество и качество НЧК и его институты.

Стремление западной ЛЧЦ не просто сохранить, но и навязать свои нормы, правила и ценности силой в качестве универсальных норм и правил неизбежно приведет к столкновению с традиционными ЛЧЦ и новыми ЛЧЦ, которые стремительно превращаются в самостоятельные центры силы. И не только политической, и военной, но и культурной, и духовной¹. Эта тенденция развития отношений между ЛЧЦ во втором десятилетии XXI века приобрела конкретное военно-политическое значение. В частности, даже разведка Канады (которая в серьез никогда не принималась во внимание) в

¹ Стратегическое прогнозирование международных отношений: кол. монография / под ред. А.И. Подберезкина, М.В. Александрова. – М.: МГИМО-Университет, 2016. – С. 61–73.

июне 2016 года, например, подготовила доклад о безопасности и прогнозе развития ВПО в мире до 2018 года, в котором:

- безопасность Канады рассматривалась как безопасность Запада и всей западной цивилизации не только в военном, но и в других аспектах;
- конкретными противниками были обозначены китайская, российская и исламская цивилизации, которые в «Обзоре» канадской разведки стали «объектом борьбы Запада»¹.

Формирование других центров силы, противодействующих западной ЛЧЦ, будет происходить на базе основных лидирующих ЛЧЦ в Евразии, что заметно уже сегодня. Это, прежде всего, российская ЛЧЦ, вокруг которой происходят нарастающие интеграционные процессы в рамках Евразийского союза, ОДКБ, ШОС и других интеграционных объединений.

Это исламская ЛЧЦ, которая пока что представлена двумя центрами силы – суннитским и шиитским, – которые, тем не менее, объективно противодействуют экспансии западной ЛЧЦ.

Это – китайская ЛЧЦ, которая неизбежно превращается в противостоящий западной ЛЧЦ центр силы в Евразии. Пока что это относится к Юго-Восточной и Северо-Восточной Азии, но уже заметны и противоречия на Большом Ближнем Востоке и в Северной Африке.

Наконец, несмотря на явную осторожность, формируется и политический центр силы в индийской ЛЧЦ, которая пока что не афиширует своих амбиций, но объективно столкнется с такими амбициями со стороны западной ЛЧЦ.

¹ Кто генерирует «пессимизм» в России в период мобилизации на войну: доклад разведки Канады / Эл. ресурс: EurAsia Daily. 2016. 17 июня / <http://eadaily.com/ru/>

3.2. Роль человеческого капитала в противоборстве локальных человеческих цивилизаций в Евразии на примере военной политики

Победа или поражение в противоборстве ЛЧЦ в Евразии в решающей степени будут зависеть от количества и качества человеческого капитала, той или иной ЛЧЦ, и его институтов. Не случайно, например, что основные противоборствующие ЛЧЦ в Евразии имеют примерно одинаковые количественные и качественные параметры человеческого капитала. Это можно проиллюстрировать данными в следующей таблице.

**Сравнение количественных и качественных параметров
основных ЛЧЦ в Евразии**

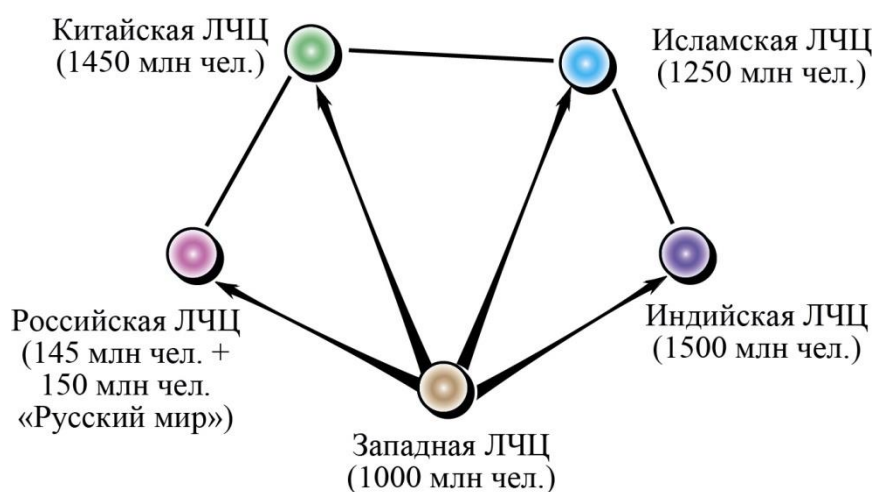
Название ЛЧЦ	Количество чел.	Качество чел.
Российская (православная) ЛЧЦ	300 млн	высокое
исламская ЛЧЦ	1 300 млн	относительно
западная ЛЧЦ	1 000 млн (включая Японию, Австралию, США и др.)	высокое
китайская ЛЧЦ	1 400 млн	Относительно (быстро увеличивающиеся)
индийская ЛЧЦ	1 300 млн	Относительно (быстро увеличивающиеся)

Окончательное оформление соотношения сил в области человеческого капитала ЛЧЦ произойдет уже через 10–15 лет, когда новое поколение китайцев, мусульман и индийцев закончат университеты.

Именно человеческий и, в частности, демографический потенциал, прежде всего проявляющийся в росте НЧК локальных цивилизаций Китая, ислама и России, а также отдельных стран, станет основной причиной изменения соотношения сил в мире и последующих перемен. В нем же видят и наиболее опасную угрозу на Западе, который сам концентрирует НЧК с помощью новых союзов – ТАП и ТТП. И дело даже не в том, что рост населения Земли прогнозируется западными экспертами к 2045 году до 10,4 млрд человек, а в том, что этот рост на 97% будет обеспечен развивающимися

странами даже при снижении уровня рождаемости в этих странах¹. Примечательно, что любой анализ развития ЛЧЦ на Западе базируется, прежде всего, на оценках и прогнозе развития человеческого капитала отдельных ЛЧЦ – китайской, исламской и российской. Причем все чаще обращают внимание уже не, только на количественные показатели НЧК, но и их качественные критерии. В мире фактически уже несколько десятилетий идет борьба не столько за природные, сколько за качественные человеческие ресурсы, обеспечивающие качество экономического развития и населения. И не случайно то, что три потенциально опасные для Запада, по мнению тех же канадских спецслужб ЛЧЦ (китайская, российская и исламская) отличаются не только значительным демографическим потенциалом, но и качеством НЧК².

Новые центры силы, развивающиеся на базе национального человеческого капитала ЛЧЦ

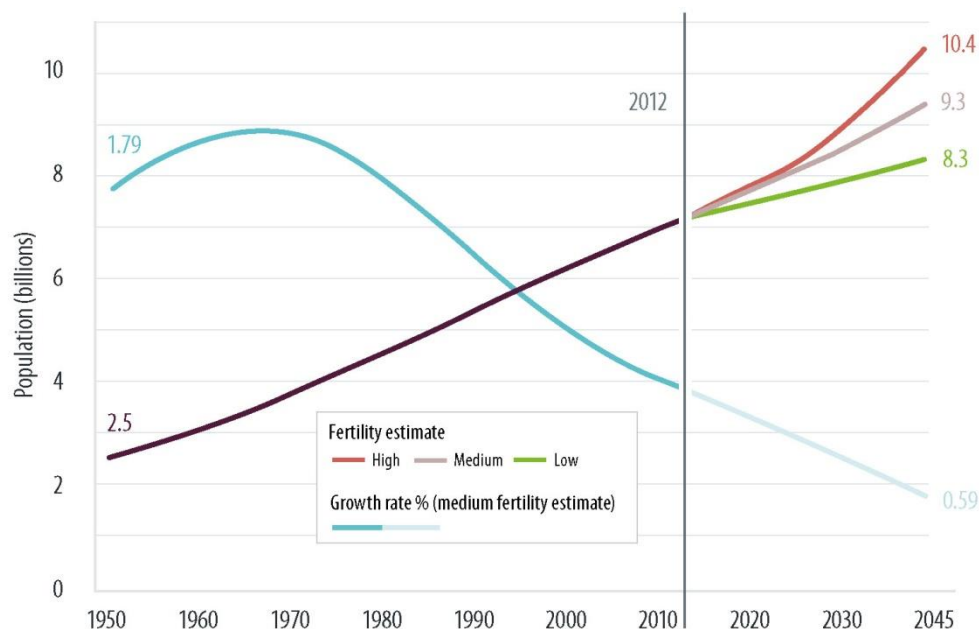
Как видно на рисунке, за исключением российской ЛЧЦ (в ее нынешнем, урезанном виде) остальные ЛЧЦ вполне сопоставимы по количественным показателям уже в настоящее время и будут еще в более сопоставимом положении к 2040 году. Сокращение численности некоторых ЛЧЦ относи-

¹ Strategic Trends Programme Global Strategic Trends – Out to 2045. Fifth Edition. London, Ministry of Defence. 2015. P. 3.

² Подберезкин А.И. Национальный человеческий капитал. В 5 т. Т. 1–3. – М.: МГИМО-Университет, 2011–2013.

тельно других ЛЧЦ не имеет принципиального значения потому, что гораздо важнее становится качество НЧК ЛЧЦ, прежде всего, способность к творчеству и самоорганизации.

A growing population and a declining growth rate

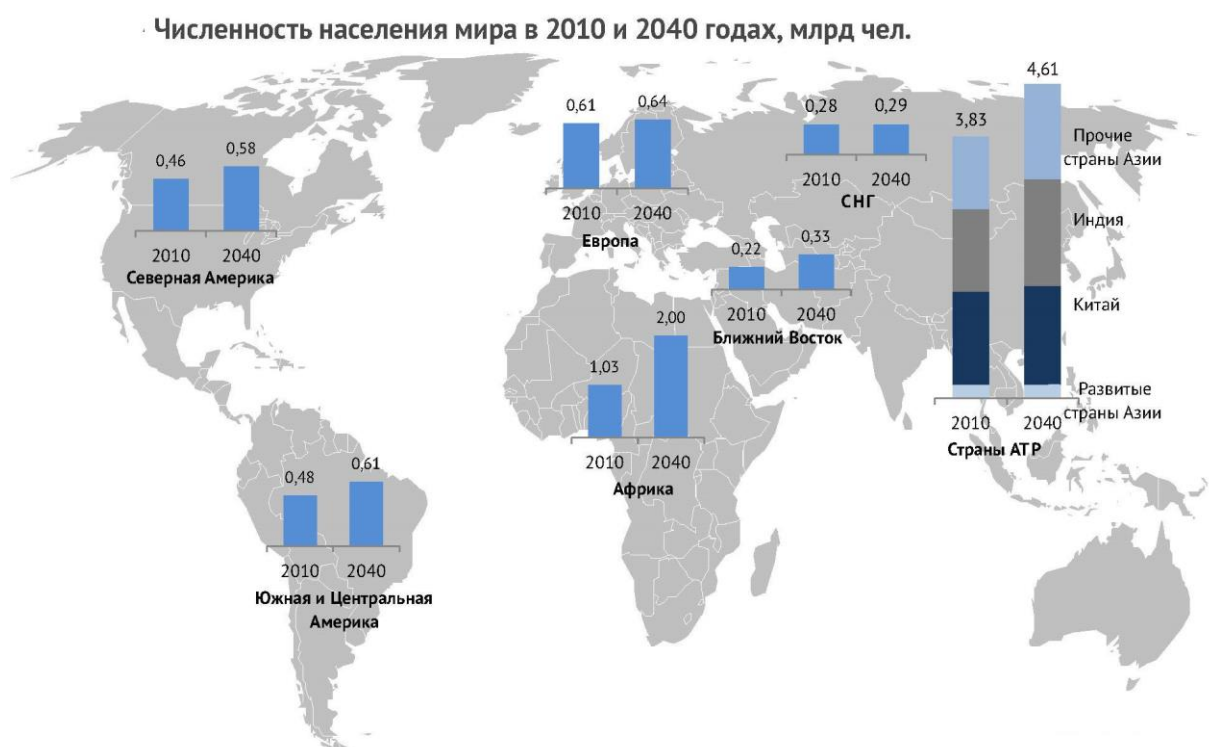
Source: UN (2012), 'World Population Prospects: The 2012 Revision'

Другими словами, в новых центрах силы у ЛЧЦ будет обеспечен практически весь демографический прирост населения, что (одновременно со скачком в качестве НЧК: уровне душевого дохода, образования, здоровья) обеспечит этим центрам силы опережающие темпы роста по сравнению со старым центром силы, прежде всего, западной ЛЧЦ. Так, только за последние 25 лет в КНР было подготовлено более 300 млн человек с высшим образованием, что уже радикально повлияло не только на экономику, социальную структуру, но и военную мощь Китая. Новое качество НЧК, например, немедленно отражается на качестве личного состава вооруженных сил, военном искусстве и управлении, а также на качестве ВиВСТ. Это же обстоятельство – качество НЧК – стало главной причиной быстрых и устойчивых темпов роста ВВП не только КНР. По этому пути идут ЛЧЦ Индии, Бразилии, Индонезии.

И, наоборот, НЧК старых ЛЧЦ, прежде всего, западной ЛЧЦ, фактически не развивается или, как минимум, отстает в своем развитии относительно новых центров силы. Более того, даже деградирует. Это пытаются

компенсировать за счет «скупки мозгов», что, надо признать, хорошо удастся США, которые сумели в последние годы скупить более 5 млн специалистов, создав фантастический запас «мозгов» для будущего технологического рывка.

Вместе с тем, такая политика США не уничтожает для них негативных демографических последствий. Представление о будущих перспективах ЛЧЦ, вытекающих из неравномерности развития НЧК отдельных ЛЧЦ, дают следующие данные:

1

Как видно из этой карты, к 2040–2043 годам, по мнению российских и английских экспертов, произойдет радикальное изменение сил в области НЧК отдельных ЛЧЦ. Причем не только количественно, демографически, но и, прежде всего, качественно. Индия и Китай будут не только крупнейшими по численности странами мира, но и странами, обладающими самым большим НЧК, его эффективными институтами, средним и креативным

¹ Институт энергетических исследований российской академии наук. Аналитический центр при правительстве Российской Федерации. Прогноз развития энергетики мира и России до 2040 года. – М.: 2014 / <http://ac.gov.ru/files/publication/a/2194.pdf>. – С. 8.

классом и другими качественными характеристиками, которые неизбежно приведут к изменению их роли в мире. Не случайно, говоря о трех фундаментальных факторах изменения МО министр обороны США летом 2015 года называл¹:

- глобализацию;
- распространение технологий;
- демографические изменения.

Эти факторы совершенно по-разному влияют на развитие МО и роль ЛЧЦ. Если глобализацию и распространение технологий можно отнести к мировым процессам, которые не могут быть взяты под контроль какой-то одной ЛЧЦ (даже борьба США и всей западной ЛЧЦ с КНДР и Ираном не привели к существенным результатам), то лидерство в развитии НЧК, безусловно, станет решающим фактором будущей МО. В процессе формирования качественно новой МО ключевая роль переходит от национальных государств к локальным человеческим цивилизациям и их правящим элитам. Эта роль может быть проиллюстрирована наглядно на примере политики безопасности и военной политики России за 1991-2016 годы с тем, чтобы сделать необходимые выводы о повышении её эффективности в будущем, учитывая тот факт, что объемы выделяемых на эти цели ресурсов не будут увеличиваться.

Военная политика, как часть политики обеспечения безопасности государства, является следствием, конечным результатом воздействия и влияния множества объективных и субъективных факторов. В этом смысле военная политика является политической практикой, наукой и искусством, а иногда даже находится под сильным влиянием религиозных представлений и иррациональных факторов². Так, состояние и развитие вооруженных сил, вооружений и военной техники того или иного государства, например, зависит не только от целого ряда хорошо известных материальных и финансовых факторов – экономических, финансовых, научно-технических, организационных и пр., – но и от менее известных, среди которых исключительно важное значение имеют международные и военно-политические

¹ The National Military Strategy of the United States of America. – Wash.: GPO, 2015. June. P. 3.

² См. подробнее о роли иррациональных факторов в политике: *Султанов Ш.З.* Стратегическое сознание и мировая революция. – М.: Книжный мир, 2016. – С. 249.

факторы. Прежде всего, те политические цели, которые ставит перед собой правящая элита страны, и то реальное место, и значение, которое она определяет в своей политике, военной силе и военной организации своего государства.

История развития СССР и России в 1985–2016 годы является яркой иллюстрацией этого положения. В зависимости от отношения правящей элиты СССР и России к месту, значению и роли военной силы в обеспечении безопасности страны и союзников можно выделить следующие отдельные этапы всего периода 1991–2016 годов, который можно назвать «периодом постоянного реформирования» институтов обеспечения военной безопасности СССР и России. Учитывая, что военную политику можно условно разделить на три основные части – военную науку, военное строительство и военное искусство – следует (только в целях большей наглядности) попытаться рассмотреть ее на всех этапах этого периода, используя вполне субъективный критерий эффективности каждой из этих частей по шкале от 1 до 10.

Оценка эффективности реформирования военной политики

период 1985 – 1987 гг.	военная наука	«стагнация» (3–4 балла)
	военное строительство	«инерция» (4–5 баллов)
	военное искусство	развитие на основе опыта войны в Афганистане (5–7 баллов)

Итог: В 1985–1987 гг. СССР сохранял наиболее эффективные ВС, имеющие опыт войны и подконтрольную коалицию. В этот период военная мощь СССР и его коалиции была самой высокой

период 1987 – 1991 гг.	военная наука	«стагнация» (2–3 балла)
	военное строительство	«серьезные трудности, кризис» (1–2 балла)
	военное искусство	развитие на основе опыта войны в Афганистане (5–7 баллов)

Итог: Нарастает кризис военной организации СССР, ОВД и ОПК.

период 1991 – 2000 гг.	военная наука	«деградация» (0–1 балл, переход на уровень личностей)
	военное строительство	«кризис, самоуничтожение» (0–1 балл)
	военное искусство	«Кровавый опыт» участия в КТО и локальных конфликтах (2–3 балла)

Итог: Кризис, который привел, к 2000 году, к фактическому уничтожению военной организации России и ОПК.

период 2000 – 2012 гг.	военная наука	«деградация переходит в стадию реанимация» (2–3 балла)
	военное строительство	из стадии самоуничтожения переход в стадию оживления (3–4 балла)
	военное искусство	«стагнация» (4–5 баллов)

Итог: ВС и ОПК перешли из состояния деградации в состояние медленной ремиссии.

период 2012 – 2016 гг.	военная наука	медленно оживает (4–5 баллов)
	военное строительство	экстенсивно развивается (8–9 баллов)
	военное искусство	Развивается, использует опыт Сирии и Украины (6–7 баллов)

Итог: Происходит процесс ремиссии, когда быстро восстанавливается советский опыт, материальные активы и появляются очаги собственно российского опыта.

Прогноз развития военной политики

период 2017 – 2020 гг.	военная наука	оживает, приспосабливаясь к новым потребностям (4–5) баллов
	военное строительство	продолжает развиваться, сдерживаясь финансово-бюджетными ограничениями (6–7 баллов)
	военное искусство	достаточно быстро развивается на основе опыта Украины и Сирии (6–8 баллов)

Итог: вариант № 1: при отсутствии обострения ВПО темпы развития военной политики России в 2017–2020 гг. будут относительно высокими, но по-прежнему сохранится отставание в ряде областей;

вариант № 2: при развитии неблагоприятного сценария МО и ВПО развитие военной политики будет вынужденно революционно ускорено.

Рассмотрим этапы военной политики России более пристально. 1985–1987 гг. – этап продолжения традиционной политики обеспечения безопасности, основанной на сохранении военно-стратегического равновесия и активном использовании силовых институтов, включая военные, одновременно пытаясь переосмыслить характер и суть международной и военно-политической обстановки в мире и в СССР. На этом этапе М. Горбачевым и его ближайшим окружением уже готовилась идеологическая основа для будущей бездарной военной политики СССР, но сил для её проведения пока недостаточно, а инерция функционирования ВС и ОПК огромна.

1987–1991 гг. – этап постепенного отказа от обеспечения национальной безопасности силовыми средствами, дезорганизация и развал ОВД и ВС СССР.

Эти два этапа можно охарактеризовать как время субъективной неадекватности правящей советской элиты в оценке и прогнозе развития международной и военно-политической обстановки. Что и доказало последующее развитие событий. В первом случае, на первом этапе, как консервативно-инерционная неадекватность, а на втором – как авантюристично-романтическая. Случилось то, что не так уж, редко случается в политике, включая военную политику: малоопытная и непрофессиональная правящая часть элиты навязала свою волю и представления всему правящему классу, на короткое время, которого хватило для трагического конца. «В результате, смены идеологической парадигмы советской внешней политики – как отмечают авторы фундаментальной работы по истории международных отношений, – оказались демонтированы все те несущие конструкции, которые составляли основу биполярной системы мироустройства»¹.

Третий этап, 1991–2000 гг. – период неизбежной быстрой «деградации» ВС и ОПК как следствие предыдущей политики с помощью мнимых реформ, которые привели страну к фактической потере своей военной мощи в условиях явного обострения МО и ВПО, которое, впрочем, правящая элита отказывается замечать, хотя война в Чечне, очевидно, показывает, в каком направлении движется развитие сценария ВПО в мире.

В результате, с военно-политической точки зрения, к началу века Россия фактически перестала быть суверенным государством, а контроль над ее внешней и внутренней политикой со стороны федерального центра стал практически номинальным. Очень важно подчеркнуть, что в этот период начался процесс национальной и государственной самоидентификации, продолжающийся и сегодня. Учитывая, что военная политика является следствием политики (внутренней и внешней) и результатом социально-экономического развития, необходимо признать, что все радикальные изменения в этих областях, ошибки и преступления не могли не отразиться на

¹ История международных отношений : учебник. В 3 т. / под ред. А. В. Торкунова, М.М. Наринского. – М.: Аспект Пресс, 2012. – С. 512.

военной политике, которая (может быть в еще более тяжелой форме) испытывала на себе все ошибки правящей элиты¹. Так, отказ от восприятия внешних угроз и опасностей вообще, и со стороны Запада, в частности, не мог не привести в 90-е годы XX века к откровенному игнорированию потребностей вооруженных сил и ОПК, т.е. именно политические оценки, ошибки и преступления правящей российской элиты являются главной причиной развала военной организации России к концу 90-х годов.

К сожалению, политические провалы и преступления, отразившиеся на военной политике России, не осознаны вполне до конца сегодня. К этому периоду можно отнести оценку, данную В. Сизовым: «Задача повышения эффективности военной политики является для России крайне актуальной, так как при использовании военной силы для обеспечения своих национальных интересов она может рассчитывать практически только на собственные ресурсы. Поэтому Россия заинтересована в обеспечении мирной обстановки вдоль своих границ. На западе и востоке у границ России располагаются два субъекта международных отношений с мощным военным потенциалом (НАТО и Китай), на юге – очаги потенциальных конфликтов на Кавказе и в Центральной Азии. Следовательно, военная реформа нуждается в целенаправленной политической и дипломатической поддержке, в том числе и через налаживание взаимовыгодного международного военного сотрудничества»².

К концу 90-х годов в целом закончился период «романтического отношения» правящей элиты России к обеспечению национальной безопасности и была начата (медленно и неуклюже) теоретическая разработка проблем обеспечения национальной безопасности и использования военной силы. К сожалению, поздно и не вполне адекватно, что показал крайне неудачный

¹ Тимофеев И. Российская идентичность. От Большой Европы к Большой Евразии / Эл. ресурс: «РСМД». 2016. 8 июня / http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=7900#top-content

² Сизов В.Ю. Военная политика и военная безопасность России. 2010. – № 2 / <http://www.rusus.ru/print.php?id=191>

первый вариант Концепции национальной безопасности Российской Федерации, утвержденный в 1997 г.¹, а также ряд последующих нормативных документов.

Тем не менее «процесс пошел». Новая, более реалистическая редакция Концепции национальной безопасности была утверждена Указом Президента страны от 17 декабря 2000 года². В дальнейшем были разработаны новые важные документы, определяющие конкретные направления деятельности по обеспечению безопасности России, составившие в своей совокупности взаимоувязанную систему взглядов на обеспечение национальной безопасности: «Военная доктрина Российской Федерации» (2000 г.), «Концепция внешней политики Российской Федерации» (2000 г.), «Доктрина информационной безопасности Российской Федерации» (2000 г.), «Морская доктрина Российской Федерации на период до 2020 года» (2001 г.), «Основы политики Российской Федерации в области авиационной деятельности на период до 2010 года» (2001 г.), «Основы политики Российской Федерации в области развития оборонно-промышленного комплекса на период до 2010 года и дальнейшую перспективу» (2001 г.) и ряд других. В результате активной и напряженной работы был создан минимальный необходимый и относительно обоснованный теоретический и политический фундамент для практической деятельности по обеспечению национальной безопасности России и ее военной политики в XXI веке³.

В указанных выше и последующих документах⁴ национальная безопасность России, защищенность жизненно важных интересов личности, общества и государства определяются, с одной стороны, местом и ролью России в постоянно развивающейся системе международных отношений, а с другой

¹ Концепция национальной безопасности Российской Федерации // Российская газета. — 1997. — 26 декабря.

² Концепция национальной безопасности Российской Федерации // Российская газета. — 2000. — 18 января.

³ Прогнозирование международной ситуации: угрозы безопасности и военная политика России / А.И. Подберезкина, К.П. Боришполец, А.А. Казанцев, В.П. Козин, А.А. Орлов. — М.: МГИМО-Университет, 2014. — 44 с.

⁴ См. подробнее: Проект долгосрочной стратегии национальной безопасности России с методологическими и методическими комментариями: аналит. доклад / [А.И. Подберезкин (рук. авт. кол.) и др.]. — М.: МГИМО-Университет, 2016. Июль. — С. 33–78.

– внутренней социально-экономической и общественно-политической обстановкой в стране. При этом факторы, оказывающие влияние на состояние безопасности страны, рассматриваются до сегодняшнего дня как неоднозначные, носящие в ряде случаев противоречивый характер¹.

За последнее десятилетие в российском обществе и правящей элите, коренным образом, изменился взгляд на источники угроз и опасностей для России. Долгое время в нашей стране под национальной безопасностью понималось только сохранение суверенитета и территориальной целостности государства, обеспечение его дееспособности перед лицом угрозы применения вооруженной силы со стороны других субъектов международных отношений. Отчасти это положение оставалось и позже, хотя акценты постоянно менялись – от игнорирования внешних опасностей до придания им приоритетного значения. В соответствии с изменением таких оценок на разных этапах периода «постоянного реформирования» военной политики² находились и мероприятия в этой области.

Под влиянием самых различных – факторов от «демократизации» до оценки МО и ВПО, внешняя угроза порой отходила на второй план не только в практической политике, но и в теории, что нашло свое отражение в концептуальных документах 2000–2010 годов. Позже произошла новая переоценка приоритетности внешних опасностей и военных угроз. Так, опыт применения в 2015–2016 годах российского оружия в Сирии стал предметом специального рассмотрения на совещании высшего руководства МО. Причем не только серийного ВиВСТ, но и будущего – от сухопутного, стрелкового и бронетанкового до ВКС нового поколения³.

Все эти «зигзаги», естественно, находили и нашли свое отражение в военной политике РФ в этот период. В целом важно понимать, что не только по своей сути, но и с точки зрения законодательства и нормативных поло-

¹ Государственная безопасность России: история и современность / под общ. ред. Р.Н. Байгузина. – М.: РОССПЭН, 2004. – С. 723.

² Подберезкин А.И. Стратегия национальной безопасности России в XXI веке. – М.: МГИМО-Университет, 2016. – С. 44–56.

³ Давлетишин Р. Эффективность применения российского оружия в Сирии требует особого анализа / Взгляд, 2016. 6 октября / <http://vz.ru/society/>

жений управления военная политика является следствием внешней и внутренней политики государства, что отражается в соответствующих ФЗ, Указах Президента РФ и постановлениях Правительства РФ. Она конкретизируется сегодня, прежде всего, в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, а также Военной доктрине, Морской доктрине, Федеральном бюджете России и целом ряде других, в т.ч. секретных документов¹.

Следует признать, что нередко эти нормативные документы и практическая политика оказываются не просто противоречивыми, но и откровенно вредными для обороноспособности страны. Как правило, это происходит (как в период руководства Минобороны РФ А. Сердюковым) из-за непрофессионализма. Так, именно в эти годы была фактически уничтожена военная наука, система технического обеспечения, медицинская служба и многое другое².

В настоящее время мы наблюдаем, что за последние 30 лет политика безопасности и военная политика России претерпели радикальные изменения, которые требуется оценить, как минимум, под разными углами зрения – политическим, экономическим, социальным и собственно военным. Отказ, в свое время, от баз за рубежом (на Кубе, во Вьетнаме, Египте и др. странах) очевидно, признается ошибкой, сделанной под влиянием политических и экономических соображений, но требующей исправления. Не случайно в 2016 году не только был подписан договор о базе ВВС в Хмеймим, но и намечается аналогичный договор в отношении базы ВМФ в Тарусе, а также рассматривается вопрос о возвращении базы на Кубе, во Вьетнаме и в Египте (Сиди-Баррани).

Особенно важное значение в условиях радикальных изменений в политике приобретают теоретические и методологические исследования базовых проблем безопасности и военной политики, без которых собственно ис-

¹ Подберезкин А.И. Стратегия национальной безопасности России в XXI веке. – М.: МГИМО-Университет, 2016. – С. 39–56.

² Маев С. Под знаменем ремонта / Эл. ресурс: «Оружие России», 2016. 3 октября / <http://www.arms-expo.ru/analytics/vooruzhennye-sily/sergey-maev-pod-znamenem-remonta/>

торическая и военно-техническая стороны во многом теряют свое практическое значение и актуальность. Ясно, что в 2016 году ВПО в мире перешла из состояния «напряженность» в состояние «конфликтность», которое характеризуется очень быстрыми и непредсказуемыми изменениями, которые нередко обладают инерцией и внутренней логикой, независящей уже нередко от политики, проводимой элитами. В истории человечества, в том числе и современной, было немало примеров, когда войны начинались «случайно», иногда по самым нелепым поводам: 100-дневная «футбольная» война Сальвадора и Гондураса; «пирожная война» 1838 года между Францией и Мессиной; «свиная война» 1859 года между США и Канадой и т.д. Сегодня такие поводы уже поставлены на поток – от спортивных соревнований до соревнований в политической риторике, что делает военный конфликт все более неизбежным.

3.3. Российская локальная человеческая цивилизация и евразийская интеграция

Общность культуры и истории, отмечал С. Хантингтон, способствует экономической интеграции и стремительному росту экономических связей. В качестве примера он приводит Китай, Тайвань, Гонконг, Сингапур и ряд других стран, которые уже после публикации работы С. Хантингтона вошли в китайскую «жемчужную сеть», включающую множество опорных пунктов в Пакистане, Шри-Ланке, государствах Персидского залива, Африки и стран Средиземноморья.

Похожий, но значительно более слабый процесс, наблюдается и вокруг России, ставшей «российским ядром» евразийской интеграции. Можно попытаться сегодня суммировать некоторые неэкономические предпосылки, основанные, прежде всего, на культурно-исторической общности и общих интересах безопасности России в Евразии.

Во-первых, представляется, что проблема единой системы ценностей как основы российской и любой ЛЧЦ и цивилизационной евразийской интеграции сегодня очевидно недооценивается. Прежде всего, в военно-политической области. Забывается, что в основе успешного примера европейской интеграции лежит фундамент общеевропейской системы ценностей, сложившийся в античную эпоху и христианский период развития, а также общие представления о европейской безопасности. Торгово-экономические аспекты и финансовая выгода – вторичны в этом процессе, что отнюдь не является сегодня общепринятой точкой зрения. Может быть, этим и объясняются некоторые проблемы евразийской интеграции, которые являются следствием именно недооценки общих систем ценностей для тех наций и ЛЧЦ, которые развиваются в Евразии сегодня.

Прежде всего, нельзя игнорировать то, что в течение многих столетий на огромном евразийском пространстве – от Центральной Европы до Сибири и Казахстана – такая общая система ценностей и безопасности формировалась. Прежде всего, потому, что большинство населявших эту территорию народов были некогда частью таких государственных формирований как Золотая Орда, Российская Империя и Советский Союз, а до этого и в

другие союзы. Исследованиями в этой области не занимались целенаправленно, хотя археологические, исторические, генетические и многие другие факты свидетельствуют о некой евразийской общности населявших Евразию народов.

Славяне и кипчакская ветвь тюркских народов – татары, башкиры, казахи, киргизы и другие – тесно интегрировались с русскими в единую культурно-историческую среду. К началу нынешнего века славяне заселили большую часть северо-восточной Евразии. Современные ученые насчитывают 16 славянских народов общей численностью более 300 миллионов человек (русских – более 133 миллионов), составляющих основу 14 государств, а общая численность тюрков – примерно 170 миллионов (из них тюрков-кипчаков – примерно 20%). Недавние исследования генетиков также подтверждают близость генотипов народов, проживающих от Сибири до Центральной Европы. Не случайно в книге Афанасия Никитина «Хождение за три моря» написанной на русском языке, многочисленные абзацы написаны на тюркском (татарском) языке.

Во-вторых, культурно-историческая общность также совпадает с геополитическим единым пространством Евразии, интересами безопасности проживавших и проживающих сегодня на этой территории народов. К сожалению, этот фактор сегодня также в полной мере недооценивается, когда говорят о евразийской интеграции. Если в основе современной европейской интеграции находится идея формирования общей системы ценностей, которая отодвигает на второй план даже национальные интересы стран Евросоюза, то общность ценностной системы и геополитического пространства Евразии, а тем более пространства безопасности, пока что не стали приоритетом интеграционного процесса в Евразии.

Между тем, объективно общий «центр безопасности» в Евразии уже формируется. Его развитие подталкивают две набирающие силу тенденции: стремление США создать максимально большое количество очагов нестабильности в Евразии – от Ю.-В. Азии до Ближнего Востока – как гарантию сохранения своих военно-политических позиций и развитие региональных

связей не только в области экономики, но и в области безопасности, подталкивающее к формированию региональных институтов обеспечения безопасности на основе сотрудничества незападных ЛЧЦ.

В-третьих, необходимо признать, что два интеграционных процесса, идущих в Евразии, – в Евросоюзе и на постсоветском пространстве – принципиально не отличаются друг от друга и вполне совместимы. Они не должны противопоставляться друг другу и могут быть при желании объединены в единый процесс, в котором участвуют все евразийские государства от Лиссабона до Владивостока. Проблема в разнице политических подходов, а не системах ценностей, которые пока что искусственно противопоставляются друг–другу, разнице в способах обеспечения безопасности в отдельных регионах Евразии.

Вместе с тем реализация общей для всей Евразии концепции безопасности становится все менее реальной из-за стратегического курса, избранного западной ЛЧЦ на конфронтацию с другими ЛЧЦ Евразии. Это обстоятельство, вероятно, будет доминировать при формировании МО в XXI веке.

Но это, же обстоятельство позволяет предположить, что систему безопасности Евразии можно будет формировать и без участия западной ЛЧЦ силами российской, исламской, китайской, индийской и буддийской ЛЧЦ, т.е. коалицией ЛЧЦ, имеющей объективно антизападный оборонительный характер.

В-четвертых, для развития евразийской военно-политической интеграции на постсоветском пространстве ключевое значение имеют опережающие темпы развития восточных регионов России и транспортной инфраструктуры. Регион АТР превратился в новый мировой центр силы, в котором всё больше концентрируется мощь мировой экономики и торговли. Доступ к странам этого региона для стран Евросоюза, Белоруссии, Казахстана и представителей исламской ЛЧЦ будет во многом определяться степенью развития транспортной инфраструктуры России. И здесь, так же, огромное значение имеет общность исторических и культурных корней постсоветских государств: не только отсутствие языковых барьеров, общие традиции образования и воспитания, опыт освоения восточных регионов и строительство железных дорог, портов, аэродромов, но и создание в течение столетий

интеграционных и кооперационных связей в промышленности, – все это говорит о фундаментальной культурно-исторической общей интеграционной основе. Достаточно напомнить о сверхтяжелых карьерных самосвалах, производящихся в Белоруссии, которые могут обеспечить потребности всех ЛЧЦ.

В-пятых, сегодня, очевидно, что в мире форсированными темпами идут два интеграционных процесса по созданию Трансатлантического и Транстихоокеанского партнерства (ТАП и ТТП), из которых сознательно исключены не только постсоветские государства, но и другие страны и ЛЧЦ. По сути дела, речь идет не столько об экономической интеграции части стран Евразии и АТР, сколько о борьбе за политический контроль над Евразией. В этих условиях просто сожалеть о распаде ОВД и СССР – бессмысленно. Нужно формировать геополитику будущего, понимая, что этот процесс будет встречать яростное противодействие, ибо речь идет о контроле над Евразией и, в конечном счете, о контроле над миром.

Такой контроль подразумевает, прежде всего, продвижение ценностной системы своей ЛЧЦ и союзных ЛЧЦ, в том числе и с помощью военной силы, навязывания другим странам норм и стандартов поведения, которые относятся к ценностям иной цивилизации. Политическая борьба за Евразию всё больше приобретает формы культурно-ценностного, цивилизационного противоборства. Победа в такой борьбе будет означать потерю не только суверенитета и контроля над территорией и природными ресурсами (что сегодня вполне осознается), но и, главное, потерю национальной идентичности, разрушение системы национальных ценностей, т.е. уничтожение нации.

В этих условиях «альтернативная» евразийская интеграция ЛЧЦ означает не больше и не меньше как политику сохранения суверенитета и национальной идентичности этих ЛЧЦ перед угрозой внешней агрессии. Неверный политический выбор неизбежно приведет к размыванию национальной системы ценностей и самоидентификации.

В-шестых, в этой связи принципиально важно определиться со стратегией евразийской интеграции российской ЛЧЦ, в основе которой должна лежать не только торгово-экономическая выгода, но, прежде всего, сохра-

нение общей системы ценностей и культурно-исторического наследия народов Евразии, включая тех, которые входят в другие ЛЧЦ, обеспечение безопасности и суверенитета этих государств. Собственно, гуманитарная, информационная и образовательная составляющие интеграционного процесса в странах Евразии (на которые обращают большое внимание в странах Евросоюза) должны стать государственным и общественным приоритетом.

Общие интересы безопасности исторические и культурные корни, общие ценности должны сознательно культивироваться на постсоветском пространстве, а не уничтожаться. Не секрет, что нередко мы наблюдаем сознательно направляемые процессы по «переписыванию истории», искажению современной политики союзных государств. Мы должны иметь не только общую историю, но и общее будущее, общие цели и общие ценности, которые базируются на общих корнях и наследии. Мы должны предложить общую цивилизационную, экономическую и социальную модель развития, которая была бы привлекательна и конкурентоспособна по сравнению с американской и западноевропейской. Другими словами, мы должны предложить, прежде всего, привлекательную систему взглядов, т.е. евразийскую идеологию, которая стала бы основой интеграционной политики – внешней, военной, экономической, социальной.

В относительно отдаленной перспективе 20–25 лет соотношение мировых сил и ЛЧЦ может существенно меняться. Это имеет прямое отношение к российской ЛЧЦ и конкретно России.

Тенденции динамики мировой экономики¹

Показатели	1950	1960	1970	1980	1990	2000	2000 к 1950
Численность населения, млн чел.	2507	3050	3700	4400	5235	6000	239
Среднегодовые темпы прироста, % к предыдущему периоду		1,8	2,1	1,4	0,6	0,6	50
Число занятых, млн чел.	1088	1328	1594	1883	2148	2490	229
% к численности населения		44	43	43	41	41	95

¹ Кузык Б.Н., Яковец Ю.В. Интегральный макропрогноз инновационно-технологической и структурной динамики экономики России на период до 2030 года / Б. Н. Кузык, Ю. В. Яковец; авт. вступ. ст. А. Д. Некипелов. – М.: Институт экономических стратегий, 2006. – С. 64.

Производительность труда, ВВП в ценах и по ППС 2000 г. на одного занятого, тыс. долл.	6,9	9,3	12,1	14,4	16,8	18,7	271
% к предыдущему периоду		134	130	119	117	111	–
Мировой ВВП в ценах и по ППС 2000 г., млрд долл.	7555	12 305	19 270	27 105	36 055	46 580	643
Среднегодовые темпы прироста, %		9,0	4,6	3,5	2,9	2,6	113
Товарный экспорт в ценах и по ППС 2000 г., млрд долл.	775	1280	2435	3935	5985	9040	1166
% к ВВП	10,0	10,5	12,0	14,5	16,5	19,5	190

Источник: Мировая экономика. Глобальные тенденции за 100 лет. – М.: Экономистъ. 2003. – С. 497, 503, 529, 539, 596.

Как видно из приведенных данных, за 50 лет основные показатели человеческой цивилизации изменились на 200–1000%, т.е. на порядки, что радикально меняет всю картину мира. По мере ускорения развития экономики и общества в XXI веке, можно ожидать, что к 2050 году эти показатели также изменятся на 100–300%. При этом для разных ЛЧЦ и стран они будут существенно отличаться друг от друга.

Сохранение и развитие национальной идентичности, суверенитета и независимости обеспечивается сегодня, прежде всего, быстрыми темпами развития НЧК и его институтов в рамках отдельных цивилизаций, которые формируют не только общее историческое, культурное и духовное наследие, но и общее представление о будущем. Раздел на «мы» и «они» происходит не только в прошлом и настоящем, но и в будущем. Та цивилизация или нация, которая сможет представить наиболее привлекательное общее будущее, та и становится ядром, концентрирующим вокруг себя нации, государства и народности. Таким образом, успех экономической интеграции (значение которой сегодня абсолютизируется среди участников евразийского процесса) предопределяются темпами развития НЧК и общей системы ценностей в этих странах, основанных на культуре, истории и представлениях об общем будущем.

Развивающийся конфликт между цивилизациями, неизбежно вынуждает отдельные страны делать выбор в пользу той или иной идентичности и ЛЧЦ, ограничивая в той или иной степени национальный суверенитет. Это

очень наглядно видно на примере современной Европы, где не только «новые европейские государства», но и традиционные страны Европы – от Италии и Великобритании до Германии – вынуждены часто выбирать между национальной и общеевропейской системой ценностей, суверенитетом и универсализмом.

Следует откровенно признать, что идеология развития «российского ядра» ЛЧЦ должна стать основой процесса формирования евразийской цивилизации и интеграции, более того, не только политико-идеологическим фундаментом внешнеполитической стратегии России, но и даже ее нормативной Стратегией национальной безопасности, внешнеполитической доктриной! Прежде всего, потому, что сформированная в России система ценностей, история Евразии демонстрировали на протяжении столетий не только свою устойчивость и универсальность, но и способность учитывать и бережно относиться к национальным системам ценностей, а также противостоять чужим ценностным системам. Это принципиально важно в эпоху, когда цивилизационно-ценностные противоречия становятся основными в отношениях между государствами, вытесняя нередко даже экономические и военные.

В основе этой идеологии и политики развития «российского ядра» ЛЧЦ должна находиться установка на опережающее развитие национального человеческого капитала – как количественное, так и качественное. К настоящему времени наблюдается обратная тенденция, когда темпы развития российского НЧК по всем основным показателям стагнируют. В частности, динамика демографического развития российского центра силы существенно отстает от общемировых тенденций, в особенности, если речь идет о наиболее важных, дееспособных, возрастных категориях, например, мужчинах в возрасте 20–60 лет.

«В советский период наблюдается рост этого показателя с 1964 по 1980-й годы. После 1980 года идет снижение, убыстрившееся после 1985 года. Но если отбросить эти детали, мы имеем средний уровень с 1959 по 1991 гг. равный 306. Именно столько мужчин из 1000 не доживало до пенсии в РСФСР.

После 1991 года этот показатель растет резко вверх до показателя 480 человек из 1000 (почти половина!) в 1994 году с падением к 1998 году и новым резким ростом в весь первый срок В. Путина до 2005 года. Всего средний показатель с 1991 по 2010 гг. равен 421 человеку из 1000. Нужно понимать, что эта цифра растекается на все возрасты от 20 до 60 лет.

Исходя из получившихся цифр «306» и «421», произведен подсчет сверхсмертности мужчин за период 1992–2010 гг. Если принять за данность неизменность среднего советского показателя в 306 из 1000, то выйдет, что сверхсмертность мужчин от 20 до 60 лет за период с 1992 года в России составила 4 млн 787 тыс. То есть почти 5 млн здоровых, крепких мужчин не дожило до пенсии в условиях правления либералов в России. Очевидно, что эта цифра занижена, если учесть общемировой фактор снижения данного показателя и фактор снижения этого показателя именно для России на основании прогноза 1980–1990 гг. Прогноз показан на графике черной линией.

Если считать от него, то цифру в 4,8 млн можно смело умножать в 1,6–1,8 раза.

Если кому-то эти цифры кажутся нереальными, то они могут ознакомиться с аналогичными данными, которые дает прогноз ООН для периода 2010–2015 годов для возрастов 15–60 лет для разных регионов мира. Так, согласно этим прогнозам европейский подросток 15 лет имеет шанс не дожить до 60 лет равным 183. Африканский – 323. Российский, 20-летний молодой человек – 363»¹.

Говоря о значении творческих личностей в развитии цивилизаций, необходимо подчеркнуть, что количество и качество этого социального слоя креативного класса должно стать главной заботой власти и общества, а стимулирование развития институтов НЧК – наиболее приоритетной задачей. Как справедливо заметил А. Тойнби «Рост цивилизаций – дело рук творческих личностей или творческих меньшинств. ... Творческие личности при любых условиях составляют в обществе меньшинство, но именно это меньшинство и вдыхает в социальную систему новую жизнь»². Именно выполнение этих двух условий может обеспечить опережающее развитие российской ЛЧЦ.

Российская локальная цивилизация кроме того обладает уникальной способностью ненасильственного распространения и проникновения по всем азимутам, что очень важно в условиях резко возросшей роли стран АТР и Центральной Азии. Напомним в этой связи, что «евразийская центрифуга» тысячелетиями «выталкивала» народы с востока на запад евразийского континента. И только русский народ двигался с запада на восток и юго-восток. Всей своей историей он доказал способность к развитию и бережному отношению чужого национального наследия и системы ценностей.

¹ Донская М. Какова вероятность дожить до пенсии в России? 2016. 21 февраля / <http://ivan-ushenin.com/?p=416>

² Тойнби А. Теория локальных цивилизаций. Сборник. – М. 1996. – С. 184.

3.4. Прогноз развития военной организации «российского ядра» локальной человеческой цивилизации¹

Эффективное противоборство российской ЛЧЦ с западной ЛЧЦ возможно при реализации двух основных условий:

- опережающем социально-экономическом, демографическом и культурном развитии «российского ядра» НЧК и его институтов;
- трансформации системы управления государством в систему управления всей российской ЛЧЦ, прежде всего, общества, нации и их институтов.

Любое планирование мероприятий в области национальной безопасности строится на развитии ресурсов и способов управления ими. В нашем случае наиболее важный, влиятельный и быстро развивающийся ресурс это НЧК и его институты.

В свое время наиболее авторитетный исследователь феномена НЧК Р. Флорида оценивал потенциал творческого класса («креативного класса») России – главного носителя НЧК – до 30%, хотя в «обычных» странах эта доля составляет 5%–10%. Это означает, что главный ресурс развития у нас уже есть: его надо, во-первых, научиться использовать, а, во-вторых, наращивать.

Противодействие негативным последствиям развития международной и военно-политической обстановки в будущем предполагает изначально наличие у России, во-первых, эффективной политики, которая формируется и реализуется, во-вторых, соответствующими некими институтами государства. Важно подчеркнуть, что неблагоприятные внешние условия и очевидное несоответствие в соотношении сил со стороны России и Запада в XXI веке требуют от ее правящей элиты проведения не просто эффективной, а очень эффективной политики и обладание эффективными механизмами ее проведения, способными компенсировать это объективно существующее неблагоприятное развитие МО и ВПО. Что возможно при сочетании таких факторов, как научный подход, политическое и военное искусство, патриотизм и нравственность, а также создания принципиально новой системы

¹ Подберезкин А.И. Боришполец К.П., Подберезкина О.А. Евразия и Россия. – М.: МГИМО-Университет, 2014.

государственного управления, когда военная организация государства будет включать в себя не только вооруженные силы (а также вооруженные формирования МВД, Нацгвардии и МЧС), но и все компоненты общества и нации, включая институты гражданского общества, бизнес, союзников за рубежом и возможных партнеров.

В настоящее время приходится констатировать – ни эффективной политики, ни таких эффективных органов по ее управлению в России не существует. Это является не только следствием уничтожения и дезорганизации государственных, политических и общественных институтов в предыдущие десятилетия, но и их медленным восстановлением, постоянными реорганизациями, другими ошибками в области государственного и военного управления, а, главное, отсутствием долгосрочной стратегии национального развития и соответствующих национальных институтов ее реализации. Как совершенно справедливо заметил советник Президента РФ С. Глазьев, «... наша страна должна исходить из жестких реалий международной конкуренции и соответствующих вызовов безопасности. Россия сможет их преодолеть, если обретет собственную стратегию, ориентированную на традиционный для себя евразийский регион...»¹

Другой принципиальной причиной недостаточно эффективной политики и механизмов ее реализации является то, что и политика, и институты должны в современный период выйти за рамки только государства, охватив все общество и нацию. Более того, вовлечь в свою орбиту все «русское ядро» российской цивилизации, как в ближнем, так и в дальнем зарубежье, а не только существующие государственные институты. Прежде, когда основными субъектами формирования ВПО являлись государства, военная организация такого государства отражала потребность эффективного управления собственно военными структурами, а иногда и ополчением, партизанскими формированиями.

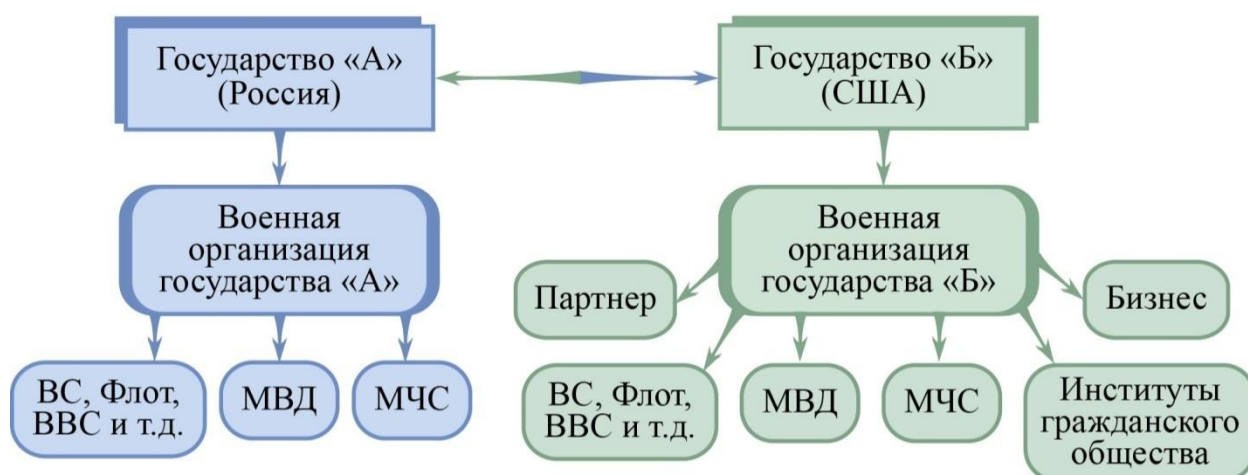
В настоящее время, когда основными субъектами формирования ВПО стали ЛЧЦ, возникла потребность в создании такой военной организации, которая могла бы выполнять эти функции, включая не только инструменты управления другими государствами, но и негосударственными структурами (актерами), а также влиять на развитие глобальных процессов и тенденций,

¹ Подберезкин А.И. *Боришполец К.П., Подберезкина О.А.* Евразия и Россия. – М.: МГИМО-Университет, 2014.

и человеческого капитала. На самой примитивной схеме эти изменения можно показать следующим образом.

Сравнение военных организаций субъектов МО - государств в XX веке и субъектов МО - локальных человеческих цивилизаций в XXI веке

Военные организации государств - субъектов МО в XX веке

Военные организации ЛЧЦ - субъектов МО в XXI веке

Как видно военная организация ЛЧЦ шире по составу участников и «глубине» проникновения в отношения с другими ЛЧЦ и субъектами МО. Это объективно резко усиливает значение политических, силовых и иных невоенных факторов, а также «глубину» проникновения в невоенные аспекты противоборства (например, религиозно-нравственные и пр. идеологические области). Собственно, военные средства и способы их использования в XXI веке остаются в арсенале инструментов политики, но только одной из частей. Причем далеко не, всегда самой эффективной. Это означает,

в конечном счете, что современная военная организация России должна модернизироваться самым радикальным образом, при котором количество ее невоенных силовых функций качественно вырастет.

Предлагаемые изменения в методике анализа и стратегического прогноза развития ВПО и развитии военной организации коренным образом меняют не только саму методику анализа и прогноза ВПО–СО, войн и конфликтов, но и управление государством и всей военной организацией России, что требует, естественно, соответствующей дискуссии.

Неизбежное военно-силовое противостояние российской и западной ЛЧЦ, которое фактически уже началось в 2014-2016 годах, потребует эффективного управления ресурсами всей российской ЛЧЦ, а не только (как сегодня) государственными ресурсами России. Это объединение всех ресурсов и управления российской ЛЧЦ ее союзников – такое же обязательное условие выживания, как и у западной ЛЧЦ, о чем справедливо говорил С. Хантингтон еще более 20 лет назад. Некоторые подвижки, полученные в этой области в последние годы с точки зрения евразийской интеграции и военно-технической кооперации, не имеют решающего значения.

К сожалению, ни для российской правящей элиты, ни для правящих элит близких нам государств и партнеров по ШОС и ОДКБ этот совет пока что не оказался нужным. Более того, борьба значительной части российской правящей элиты, по сути, против своей ЛЧЦ привела к тому, что внутри страны и за ее государственными границами позиции «российского ядра» только слабели. Успехи в Сирии и на Украине не компенсируют отсутствия военно-политической коалиции в Евразии, способной противостоять западной ЛЧЦ.

Охватить мысленно всю картину взаимозависимости развития локальных цивилизаций и наций, взаимовлияния различных факторов и их значение для развития ВПО на континенте – задача огромной сложности даже для гениальных руководителей, которая в современную эпоху может быть облегчена развитием информатики и ростом качества отдельных экспертов. Один из вариантов предлагался ЦВПИ¹. Но и в этом случае требуется особая подготовка, профессиональные (политические, экономические, военные,

¹ См. подробнее: Шмелев П.М., Подберезкин А.И., Еремченко Е. Н. [и др.] / Информационно-аналитическая система стратегического противодействия угрозам национальной безопасности: аналитич. доклад. – М.: МГИМО-Университет, 2014.

правовые и иные) знания. Так, в частности, для развития институтов всей военной организации государства, контроля за их функционированием и необходимыми политико-организационными шагами требуется ориентироваться, как минимум, не только в компетенциях всех этих институтов государства, но и в задачах, решаемых в интересах всей нации и даже всей российской локальной цивилизации.

Эти компетенции определяются в настоящее время существующей структурой военной организации страны, сложившейся во многом стихийно к определенному времени, а также отчасти появившимися «вдруг» новыми задачами, стоящими перед ними (например, в Сирии). Так, в результате «революционных» изменений в России все организации и институты, входящие в военную организацию России, претерпели стихийные радикальные изменения, которые далеко не всегда контролировались политическим руководством, а тем более не были изначально сформулированы с точки зрения интересов локальной цивилизации и нации. Не только тогда, но и теперь приоритетными считаются вопросы обеспечения безопасности, личности и общества, а не нации и ЛЧЦ, что в очередной раз зафиксировано в документах Совета Безопасности конца 2016 года.¹

Ситуацию осложняют бесконечные организационные реформы и реорганизации. Некоторые институты государства (можно сказать, даже их большинство) постоянно находятся в режиме реорганизации, который затрагивает бюрократический, в лучшем случае, а в худшем – государственно-институциональный уровень. И это относится не только к Минобрания, Минэкономики, МО или ГШ ВС РФ, но и Совету Федерации, Государственной Думе, Совету Безопасности и т.д. достаточно сказать, что за 20 лет правила формирования ФС менялись почти 10 раз.

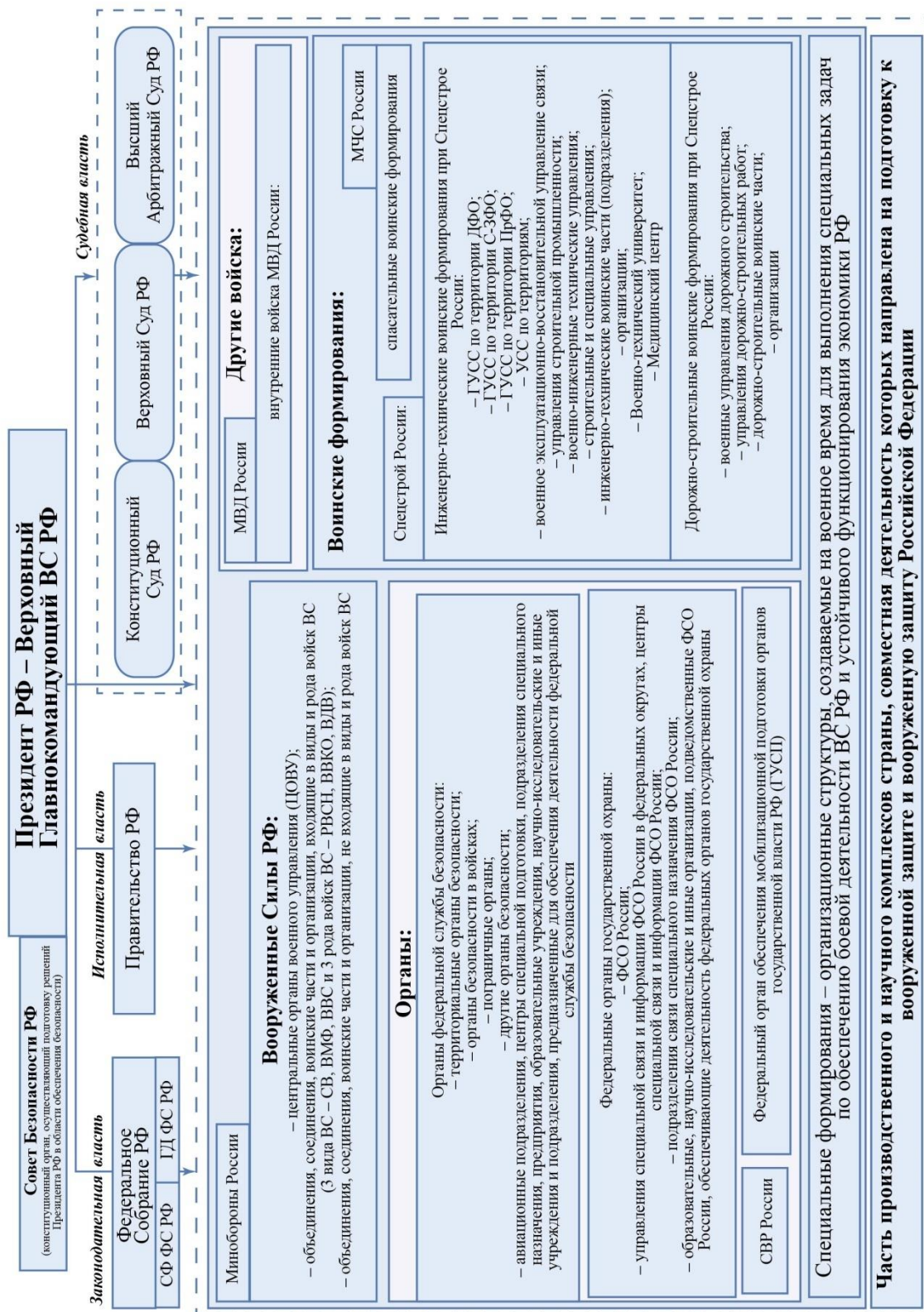
К сожалению, многие ключевые участники военной организации страны и процесса оценки ВПО не обладают даже минимумом знаний в этой области. Причем речь идет не, только о «политических назначенцах», но и их заместителях, высших руководителей министерств и ведомств и экспертах. Эту традицию «заложил» еще М. Горбачев, но она особенно развилась

¹ См., например: Путин В.В. Указ Президента Российской Федерации «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации». №646 от 2016, 5 декабря.

в период правления Б. Ельцина и сохранилась до сих пор. Профессиональный и нравственный уровень и компетенция политиков и чиновников за последние 25 лет резко снизилась, понятийное мышление исчезло, а образование, в т.ч. базовое, стало намного хуже. Нравственные качества, прежде всего, связанные с коррупцией, – существенно ниже любого допустимого предела, когда решения принимаются, не исходя из национальных, а часто из личных или групповых интересов. Эта ситуация с военной организацией страны – очевидная угроза для качества принимаемых правящей элитой решений, изначально предполагающая многочисленные ошибки, даже преступления. Субъективизм и непрофессионализм принимаемых решений в настоящее время угрожает самой функциональной способности этих государственных институтов.

Современная военная организация России не является военной организацией нации, а тем более ЛЧЦ. Эта организация некоторых государственных (преимущественно силовых) институтов, игнорирующая интересы и ресурсы нации и ЛЧЦ. В самом общем виде набор государственных институтов, входящих сегодня в военную организацию страны и представляющих её структуру, выглядит следующим образом (повторим, что она не включает новые элементы, уже существующие и быстро развивающиеся, например, в военной организации США):

СТРУКТУРА ВОЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Как видно из простого анализа предложенной схемы, на которой показана военная организации России, (где теоретически должны быть сконцентрированы все ресурсы для анализа и прогноза ВПО), все перечисленные институты достаточно длительное время находились и по-прежнему находятся в кризисном состоянии. Достаточно примера существующего кризисного положения в Министерстве обороны после А. Сердюкова. Впрочем, как и всего общества, которое с трудом выходит из кризиса 90-х, переползая из одного мини-кризиса XXI века в другой.

Сегодня можно говорить о том, что лишь в небольшой части сохранился достаточный уровень профессиональной подготовки и способности адекватно оценивать реальную ситуацию в мире. Что является отражением общей ситуации в стране. Так, по признанию исследователя понятийного мышления Т. Чеснаковой, уровень лиц, обладающих таким мышлением, к настоящему времени снизился до 20%. Между тем хорошо известно, что чем выше стоит человек в социальной иерархии, тем дороже цена его неспособности к понятийному мышлению (а именно: способности определить суть явления, увидеть причину, спрогнозировать развитие, а также создать целостную картину), т.е. цена его интерпретаций и решений. Именно такая ситуация складывается в органах, отвечающих за обеспечение эффективности работы военной организации России. Если же речь идет об оценке МО, то ее самая важная – политическая – часть, похоже, остается уделом адекватных компетенций единиц, в лучшем случае – десятков лиц из всей военной организации страны.

Эта субъективная проблема качества оценки, анализа и прогноза МО, безусловно, требует своего решения уже в самом ближайшем будущем. Невозможно заниматься военным планированием, тратить миллиарды долларов на безопасность и оборону, не понимая против кого, зачем и сколько нужно ВиВТ.

Совершенно естественно, что руководство России должно выбрать один из наиболее вероятных сценариев развития ВПО, который может в тот или иной период времени трансформироваться в конкретный сценарий СО. Это необходимо, как минимум, для основ социально-экономического прогноза и планирования, которые должны оценивать необходимость затрачиваемых

¹ Белоконов С. П. Обоснование основных направлений строительства и развития военной организации Российской Федерации на долгосрочный период. Презентация. М. 2013. – С. 2.

национальных ресурсов. Очевидно, например, что бюджетное планирование достаточно жестко ограничено (госрасходы – порядка 20% от ВВП, а военные расходы – 4,5% ВВП. Для того, чтобы оно отвечало требованиям национальной безопасности, это планирование должно адекватно учитывать прогноз возможных реальных угроз, которые, в свою очередь, вытекают из того или иного конкретного сценария развития ВПО. В частности, анализ, проделанный в Центре военно-политических исследований МГИМО в 2013–2016 годы, показал, что наиболее вероятным сценарием развития ВПО является группа вариантов одного и того же силового сценария, а именно:

Наиболее вероятный сценарий развития отношений евразийской и западной локальных цивилизаций в XXI в.

Субъекты сценариев МО и ВПО (США и РФ)	Соединенные Штаты Америки				
	Группы и подгруппы сценариев МО	Группы и подгруппы сценариев развития ВПО	настоящее время	прогноз до 2035 г.	прогноз до 2050 г.
Российская Федерация	Группа позитивных сценариев развития МО (ГПСПР МО)	Сценарии формирования военно-политического союзов Сценарии создания политических коалиции Сценарии военно-политического сотрудничества в мире в отдельных регионах	+1	+1	+1
	Группа негативных сценариев развития МО (ГНСПР МО)	Сценарий формирования враждебной коалиции Сценарий геополитической, экономической и военной изоляции и инфраструктур	+3 +4	+5 +5	+5 +5
	Группа нейтральных сценариев развития МО (ГНСР МО)	Сценарий создания «облачного противника в СНГ» Сценарий военной провокации в СНГ		+3 +4	+4
	Группа позитивных сценариев развития МО (ГПСПР МО)	Сценарий фактической военно-политической изоляции Сценарий противодействия любой активности РФ в ВТС и военно-политической области			

ЦВПИ МГИМО (У) МИД России

Таким образом, конечные характеристики стратегической обстановки зависят во многом не только от состояния ВПО, а также состояния МО и трендов в развитии ЧЦ (т.е. носят вполне объективный и закономерный характер, позволяющий делать адекватный анализ, но и долгосрочный прогноз), но и субъективных факторов – прежде всего, способности правящей элиты адекватно оценить МО, спрогнозировать ее развитие и спланировать

меры по нейтрализации возможных угроз. Успешный анализ МО и стратегический прогноз зависит от умения исследовать объективные тенденции и факторы самого широкого спектра, т.е. системного анализа, – а не только традиционного анализа военной обстановки, а также субъективных факторов, влияющих на формирование одного из сценариев развития ВПО. Так, адекватный анализ ВПО на Украине осенью 2014 года, прежде всего, как минимум, предполагал:

- анализ взаимоотношений различных локальных цивилизаций, прежде всего, российской и западной, состояния и особенностей международной обстановки, в особенности, позиций России, США, ЕС и даже других стран-членов ООН и ОБСЕ;

- анализ мировой и региональной ВПО, в особенности в Европе, взаимоотношений внутри ЕС и НАТО, а также позиции РФ и ОДКБ;

- анализ внутривнутриполитической обстановки на Украине после выборов в Верховную Раду, социально-экономическую и финансовую ситуацию в стране;

- анализ ситуации в юго-восточных регионах Украины в ее самом широком социально-политическом и экономическом контексте.

- наконец, анализ ВПО на Украине предполагал исследование собственно военных потенциалов – количество и качество ВС, ВиВТ, их моральный дух, эффективность управления и т.д.

Как видно из перечисленных задач, собственно анализ военных аспектов СО на Украине занимает относительно небольшое, даже второстепенное место. Ясно, что и дальнейший прогноз развития СО на Украине в наименьшей степени будет зависеть собственно от военных факторов, а в большой – от стратегии западной ЛЧЦ. Ясно и другое. Перспективы эволюции развития ВПО на Украине будут во многом предопределены будущим российско-американских отношений, а в более широком плане, – будущим уровнем взаимоотношений и характером противоборства двух локальных цивилизаций: западной и восточной.

Наконец, ясно и то, что стратегией такого противоборства является уже не продолжающаяся «холодная война», а реальное системное силовое противоборство, которое в последние десятилетия приобрело форму сетецентрической войны. Характер этой войны, к сожалению, не только до конца не изучен в России, но и сам факт ее наличия не признается большинством

правлящей элиты. Еще меньше изучены средства и способы ее ведения, которые, собственно говоря, и формируют современную ВПО и СО. Поэтому необходимо, во-первых, признать сам факт ведущейся сетецентрической войны против России, что поведет к осознанной разработке средств и способов участия в ней, мобилизации общества, элиты и экономики. Во-вторых, признание этого факта будет означать необходимость завершения начатых и новых организационно-политических и экономических мероприятий – от завершения реформы военной организации страны до принятия соответствующих стратегий и планов в области социально-экономического развития и стратегического планирования.

Заключение. Выводы и предложения

В начале нового столетия основным субъектом влияния на формирование международной обстановки в Евразии, стали локальные человеческие цивилизации, которые представляют собой сложившиеся к настоящему времени политические, культурно-исторические и экономические коалиции нескольких субъектов и акторов, объединенных общей системой ценностей и совпадающими интересами во главе с крупным и влиятельным субъектом МО – страной-лидером этой общности.

Главной тенденцией развития международной обстановки в первой половине XXI века в Евразии будет усиление противоборства локальных человеческих цивилизаций, которое в возрастающей степени будет опираться на силовые инструменты политики, включая комплексное использование военной силы. Основные локальные человеческие цивилизации Евразии – западная ЛЧЦ (во главе с США), китайская, индийская, исламская и российская – имеют часто пересекающиеся и не совпадающие интересы в Евразии, которые по мере усиления новых центров силы, возникших на базе ЛЧЦ, будут стремиться защитить их, прежде всего, силовыми средствами.

ЛЧЦ будут в долгосрочной перспективе, в возрастающей степени, противопоставляться друг другу в Евразии по мере усиления китайской, индийской и исламской ЛЧЦ, на базе которых будут созданы и окрепнут военно-политические и финансово-экономические коалиции по аналогии с существующей широкой коалицией западной ЛЧЦ и зарождающейся коалицией российской ЛЧЦ. Прежде всего, потому, что Евразия станет центром пересечения глобальных интересов, ведущих ЛЧЦ и столкновения их систем ценностей.

Инициатором и главным действующим лицом такого нарастающего противоборства будет западная ЛЧЦ, которая в начале XXI века уже сосредоточила основные мировые ресурсы влияния и контроля, а также сформировала лидирующую «универсальную» систему ценностей и соответствующие им нормы международного права, которые готова защищать силовыми средствами политики. Стремление сохранить этот контроль в условиях усиления других ЛЧЦ и соответствующих центров силы военно-силовыми средствами будет лежать в основе стратегии западной ЛЧЦ в первой половине XXI века, которую с определенной степенью условности можно

назвать стратегией «Военно-силового противоборства западной ЛЧЦ» против других ЛЧЦ. В центре такой стратегии будет находиться «стратегия принуждения» («the power to coerce») - система силовых (включая военные) средств и способов политики, направленных на принуждение правящих элит оппонентов к выполнению требований, норм и правил западной ЛЧЦ.

Система всех средств и способов принуждения западной ЛЧЦ объединена в политику «новой публичной дипломатии», которая представляет собой синтез всех политических, экономических, информационных и иных силовых средств западной ЛЧЦ. Эта политика в Евразии представляет собой очевидную угрозу другим ЛЧЦ, включая, естественно, российскую. В том числе и потому, что требует очень быстрой и гибкой реакции со стороны России. Прежде всего, с точки разработки принципиально новых средств и способов противодействия такой силовой политике, «синтезирующей» военные и невоенные политические средства, и способы принуждения.

Эти самые общие выводы относительно состояния и перспектив развития МО в мире и в Евразии в долгосрочной перспективе требуют конкретизации применительно к специфике влияния собственно ЛЧЦ, а также относительно возможных рекомендаций для государственных и общественных институтов, а именно:

1. Необходимо признать, что высокая точность современного анализа и долгосрочного прогноза развития МО в мире и в Евразии будет находиться, в том числе под влиянием следующих основных факторов и тенденций, так или иначе связанных и вытекающих из закономерностей развития отношений между ЛЧЦ, что предполагает необходимость учёта при формировании стратегических прогнозов и планировании:

– важно учитывать при прогнозах и планировании внешнеполитической деятельности в мире и в Евразии развитие иерархической взаимосвязи и разноскоростной динамики развития сценариев самого разного уровня – от сценария развития всей человеческой цивилизации и взаимоотношений, отдельных ЛЧЦ до влияния всех четырех основных групп и факторов, - формирующих современную МО и ВПО в мире и в Евразии:

- а) основных субъектов формирования МО, прежде всего, ЛЧЦ;
- б) главных негосударственных акторов, формирующих МО;

- в) основных тенденций в развитии человеческой цивилизации;
- г) особенностей развития национального человеческого капитала и его институтов отдельных ЛЧЦ.

– при долгосрочном прогнозировании и планировании необходимо учитывать системную взаимозависимость между различными сценариями и их вариантами развития как «по вертикали», так и «по горизонтали» между сценариями развития ЛЧЦ и МО, а также вытекающими из них сценариями развития военно-политической и стратегической обстановки, а также вероятными особенностями войн и военных конфликтов в мире и в Евразии;

– стратегическое прогнозирование и планирование государственной политики в самых разных областях (социально-экономической, финансовой, научно-технической, культурной и образовательной) и на самых разных уровнях (федеральном, региональном, местном) должно включать в себя обязательный учёт и планирование целей на цивилизационном уровне, который должен быть наиболее приоритетным и исходить из зависимости государственного суверенитета от качества национальной идентичности;

– необходимо признать и учитывать в работе тот факт, что эффективное долгосрочное национальное и государственное прогнозирование и планирование без разработки и существования идеологической базы, как общепризнанной системы ценностей и интересов ЛЧЦ, невозможно.

2. С 90-х годов XX века основные противоречия между традиционными субъектами МО государствами – были перенесены с идеологического и экономического уровня на цивилизационный, точнее на системы ценностей ЛЧЦ и их закрепление в системе интересов, и международных правовых норм. Это было замечено целым рядом ведущих политологов и некоторыми политиками, но не стало пока что в центре политического, общественного и научного внимания по конъюнктурным политическим мотивам: Западу, какое-то время не требовалось акцентировать внимание на его победе в холодной войне, а России не выгодно было признавать свое поражение.

Другие ЛЧЦ и нации были настолько слабы, что не стали еще полноценными субъектами мировой политики, что со временем изменилось: на мировую политическую арену стали выходить вполне влиятельные экономически и демографически новые центры силы, которые формировались на

базе ценностей ЛЧЦ – китайской, исламской, индийской. Такой вывод справедлив, прежде всего, для Евразии, где интересы и системы ценностей, наиболее развитых ЛЧЦ вошли в непосредственное соприкосновение и конфликт.

События в мире и особенно в Евразии в последние 25–30 лет развивались именно по нарастающему конфликтному сценарию в связи с тем, что абсолютное господство западной ЛЧЦ во главе с США надо было не только закрепить политически и юридически, но и подготовить западную ЛЧЦ к будущей борьбе с новыми центрами силы, которые (как хорошо понимали уже в то время на Западе) неизбежно возникнут в качестве следствия быстрого развития, как минимум, некоторых ведущих ЛЧЦ.

Такой сценарий необходимо принимать во внимание, когда разрабатываются концептуальные и программные документы внешней и военной политики (Концепции внешней политики, Военной доктрины и пр.), а также при разработке новой редакции Стратегии национальной безопасности Российской Федерации и отдельных документов, имеющих в том числе социально-экономический и иной характер.

3. Необходимо иметь ввиду, что в основе политики западной ЛЧЦ в мире и в Евразии в настоящее время и, вероятно, в долгосрочной перспективе будут лежать два базовых принципа, которые должны обеспечить стремление сохранить контроль над созданными в XX веке военно-политическими и финансово-экономическими системами в мире западной ЛЧЦ, с одной стороны, в условиях неизбежного усиления отдельных ЛЧЦ и превращения их в конкурирующие центры силы, с другой. При этом такая цель должна быть обеспечена при соблюдении следующих принципов:

- создания еще более широкой коалиции западной ЛЧЦ под эгидой и контролем США, в которую должны войти на разных условиях более 60 государств и наций, в т.ч. традиционно не относящихся к Западу (например, Саудовская Аравия);
- сохранением и развитием технологического и военно-технического превосходства и возможности системного использования силы принуждения.

Именно эти базовые принципы являются фундаментом для формирования стратегии западной ЛЧЦ и наиболее вероятных сценариев развития МО в Евразии в XXI веке, и их возможных вариантов.

4. В краткосрочной и среднесрочной перспективе наиболее вероятным сценарием развития МО в XXI веке в мире и в Евразии является сценарий глобального «Военно-силового противоборства западной ЛЧЦ» с другими ЛЧЦ, прежде всего, российской и китайской, на евразийском ТВД от северной Европы до Ю.-В. Азии.

Этот базовый силовой сценарий в Евразии означает и практически будет означать не только в среднесрочной, но и долгосрочной перспективе, что:

- ослабление мощи и господства западной локальной цивилизации будет достаточно быстро сопровождаться ростом военного и иного насилия в мировой политике с ее стороны, которое практически уже началось с самого начала нового века в Евразии. Все основные войны и конфликты последних десятилетий состоялись и идут в Евразии, но еще большее число их может быть в будущем, по мере усиления политики западной ЛЧЦ по дестабилизации ситуации на континенте. Этот факт необходимо учитывать при планировании внешнеполитических мероприятий и разработке новых силовых (но не военных) средств внешней политики, прежде всего, в информационной области, а также в сфере противодействия экстремистским и террористическим организациям;

- приходится констатировать, что в Евразии военная сила неизбежно вернется в качестве определяющего фактора лидерства западной ЛЧЦ и ликвидации остатков самостоятельности других ЛЧЦ в мировой политике. Она станет тем катализатором силовой политики западной ЛЧЦ, который должен привести к ее усилению во всех областях и регионах, прежде всего в регионах Евразии;

- в условиях роста значения военной силы в политике западной ЛЧЦ в Евразии необходимо максимально активизировать евразийскую военно-политическую интеграцию, особенно в области ВКО и, в частности, ускорить

создание объединенной ВКО стран-участниц ОДКБ, которую следует рассматривать как необходимое условие сохранения российской евразийской ЛЧЦ и развития Евразийского экономического и военно-политического союза;

– усиление процесса многополярности в будущем не позволит сократить количество конфликтов идентичности и противостояния внутри отдельных локальных цивилизаций. При этом масштаб и интенсивность столкновений между отдельными локальными цивилизациями и внутри ЛЧЦ вероятно увеличится.

5. Отношения между ЛЧЦ и формируемыми на их основе коалициями и центрами силы будут решительным образом влиять на то, по какому из конкретных вариантов сценария «Военно-силового противоборства между ЛЧЦ» будет развиваться МО и ВПО в Евразии. Исходя из оценок, существующих в настоящее время, таких вариантов одного и того же сценария может быть несколько, как минимум, три. Они могут отличаться друг от друга в некоторых деталях, прежде всего пропорциями использования военной силы, среди других силовых инструментов политики. Условно, деление базового военно-силового сценария на его конкретные варианты в Евразии в среднесрочной и долгосрочной перспективе можно представить следующим образом, учитывая, что его реализация уже начата.

**Базовый сценарий «Военно-силового противоборства между ЛЧЦ»
до 2050 года и его наиболее вероятные варианты реализации**

Во-первых, это вариант, при котором западная ЛЧЦ захочет воспользоваться, в самые короткие сроки, своим коалиционным, военно-техническим и экономическим превосходством, чтобы преимущественно военными средствами обеспечить консервацию существующего статус-кво в мире и остановить процесс изменения соотношения сил и существующих норм не в пользу Запада. («Вариант № 1»).

Такой вариант сценария «Военно-силового противоборства между ЛЧЦ» означал бы начало полномасштабных военных действий не только с ведущими представителями исламской ЛЧЦ, но и с российской, а в перспективе и с китайской ЛЧЦ. Но, прежде всего, речь идет о политике дестабилизации ряда стран и регионов, создания «ситуации хаоса» в Евразии, когда влияние западной ЛЧЦ будет решающим. Классические примеры – Украина, Ливия, Египет, Сирия, Афганистан и Ирак, - но не исключается, что дестабилизация искусственно будет простимулирована и по границам российской и китайской ЛЧЦ.

С самых разных точек зрения, но, прежде всего, с точки зрения военных рисков и экономических затрат, этот вариант представляется наиболее рискованным и поэтому наименее вероятным, наиболее опасным и экономически дорогим. Велики также и другие издержки. Поэтому такой вариант силового сценария развития не исключается, более того, продолжает разрабатываться в качестве средства политико-психологического давления стратегии «силового принуждения» в рамках политики «новой публичной дипломатии».

Во-вторых, это вариант, реализуемый в настоящее время («Вариант № 2»), при котором военная сила играет роль «усилителя» других средств силовой политики, обеспечивая им дополнительную эффективность. Этот вариант требует не просто сохранения военно-технического превосходства, но и увеличения его в отдельных областях (например, ВТО и ПРО) и на отдельных ТВД, прежде всего, в Европе и Ю.-В. Азии.

Наконец, **в-третьих**, это вариант базового сценария, который, как представляется, имеет наибольшую перспективу в представлении западной ЛЧЦ («Вариант № 3»). Этот вариант предполагает усиление силового потенциала западной ЛЧЦ за счет наращивания невоенных силовых средств и способов

достижения политических целей, получивший название «новой публичной дипломатии». Речь идет, прежде всего, об опережающем развитии информационных, социальных и иных технологий, ориентированных на продвижение ценностей и норм западной ЛЧЦ и оказывающих решительное давление на правящие элиты противостоящих ЛЧЦ.

6. Стратегическое сдерживание, являющееся основой стратегии национальной безопасности России в настоящее время, должно быть скорректировано в направлении большей приоритетности защиты системы ценностей ЛЧЦ, безопасности ее национальной элиты и общества и суверенитета «российского ядра» ЛЧЦ. В этой связи можно сделать некоторые конкретные предложения в методику анализа и долгосрочного прогноза развития МО и ВПО в мире и в Евразии, вытекающие из новой роли и значения ЛЧЦ в XXI веке:

6.1. Необходимо оперативно внести изменения в методику оценки и стратегического прогноза угроз национальной безопасности России, исходя из переноса акцентов политического и военного противоборства от традиционных субъектов МО – наций и государств – в направлении учета факторов опережающего развития противостояния между ЛЧЦ. В частности:

- соотношение сил между различными субъектами МО и ВПО должно оцениваться и прогнозироваться, прежде всего, с учетом соотношения сил между противоборствующими и другими ЛЧЦ. В частности, приоритетное значение имеет сравнение и сопоставление военных сил между лидерами ЛЧЦ или их «ядрами», например, США и Китая, чему было посвящено, например, недавнее исследование РЭНД-корпорации¹;

- необходимо внести коррективы в некоторые основные положения военного искусства, исходя из новой роли и значения ЛЧЦ, как основ для коалиций и фундамента новых центров силы;

- важно пересмотреть основные цели и задачи военного и силового противоборства ЛЧЦ и вытекающие из них угрозы безопасности России;

¹ The U.S.-China Military Scorecard: Forces, Geography, and the Evolving Balance of Power, 1996–2017. – RAND, California, 2015.

– исключительно важное значение имеет анализ и прогноз средств противоборства между ЛЧЦ с учетом нарастающего значения силовых (но не военных) инструментов политики.

6.2. Необходимо уточнить методику оценки военно-политического характера внешних военных угроз с точки зрения преобладания цивилизационных угроз, нейтрализация которых не может быть обеспечена использованием только военной силы. Так, в бывшей Югославии и Сербии, прежде всего в Косово и других районах страны, уничтожены церкви, приходы, школы и др. институты православно-славянской цивилизации. Аналогичная ситуация наблюдается в Сирии, Ираке и даже на Украине, где с помощью военных средств уничтожаются цивилизационные основы общества: религия, образование, культура, традиции.

6.3. Необходимо пересмотреть методику оценки потенциальных угроз национальной безопасности России, выделив в качестве наиболее приоритетных, угрозу опережающему развитию национального человеческого капитала, как в демографической, так и в социально-экономической и интеллектуальной области, а также его институтам (университетам, НКО и пр.).

В настоящее время НЧК и его институты рассматриваются в стратегии национальной безопасности России преимущественно с социально-экономической точки зрения, а институты – как средство укрепления или ослабления политической стабильности. Между тем именно НЧК и его институты в случае реализации «Варианта № 3» будут играть роль своего рода «абсолютного оружия».

Примечательно, что и в случае развития базового сценария по «Варианту № 1» или «Варианту № 2» роль НЧК и его институтов будет стремительно расти и станет в короткие сроки определяющей, например, для определения эффективности ВиВСТ или ВС той или иной ЛЧЦ.

6.4. Необходимо расширить спектр внешних военных угроз стратегического характера, включив в них:

- угрозы отставания в темпах технологического, демографического и социально-экономического развития России;
- угрозы дальнейшей утраты позиций российского НЧК среди мировых показателей;

– отставание в темпах, количестве и качестве развития институтов развития НЧК.

6.5. Динамичное развитие ЛЧЦ в XXI веке отразилось на методике определения внешних военных конфликтов с учетом РФ и ее союзников до 2040 года. На наш взгляд, основным и, может быть, единственным, но главным ТВД станет Евразия по всему периметру границ России – от Арктики до границ с Монголией и регионом Дальнего Востока.

На каждом из отдельных участков этого евразийского ТВД будут лидировать отдельные представители западной ЛЧЦ, которым во втором эшелоне будут оказывать полную поддержку США и другие союзники по западной ЛЧЦ. На западном направлении это будут Германия и Польша, на юго-западном – Румыния, на южном – Турция и коалиция проамериканских арабских режимов, наконец, на восточном – Япония, Австралия, Новая Зеландия и США.

6.6. С точки зрения прогнозирования влияния противоборства ЛЧЦ на военно-политический характер возможных внешних военных конфликтов с участием РФ до 2040 года, следует иметь ввиду, что такой характер будет определяться:

– будущим характером политики западной ЛЧЦ, доминирующим вариантом базового сценария развития МО, ее целями относительно России и ее союзников. Представляется маловероятным, что характер западной ЛЧЦ и базовый сценарий противоборства будут радикально изменены до 2040 года. Речь может идти о важных, но частных изменениях между отдельными вариантами реализации базового сценария. В нашем случае – «Вариантом № 1», «Вариантом № 2» и «Вариантом № 3», но вполне возможно и появление «гибридного» варианта этого сценария. Так, резкое обострение МО и отношений между ЛЧЦ (как, например, это произошло в 2001 году между западной и частью исламской ЛЧЦ) может привести к доминированию наиболее радикального «Варианта № 1»;

– особенностью возможных войн, военных конфликтов, а также формируемой уже в настоящее время ВПО и СО. Этот вывод имеет важное значение в связи с неизбежными «технологическими прорывами», которые мо-

гут привести к резким изменениям в боевой эффективности не только отдельных систем, но и видов ВиВСТ. Так, возможное появление гиперзвукового ВТО или новых типов РЭБ может существенно повлиять на стратегическое искусство, а резкое повышение прицельной дальности (до 3 км), точности и мощности стрелкового оружия уже в ближайшие годы – к новой тактике на поле боя.

На наш взгляд, военные конфликты западной ЛЧЦ с российской ЛЧЦ будут с высокой степенью вероятности иметь:

- глобальный пространственный характер, ограниченный «по суше» Евразией, но не ограниченный воздушно-космическим и информационным пространством;

- стремлением использовать против РФ всю мощь и полный состав коалиции западной ЛЧЦ, т.е. порядка 50-ти государств, контролируемых США;

- стратегией эскалации силовых средств, когда собственно военная сила служит обеспечением эффективности использования других средств новой публичной дипломатии – от образования и официальной дипломатии, до создания и поддержки экстремистских и террористических групп.

- массовым применением новых социальных и информационных технологий, дезинформации и специальных средств против представителей правящих элит, и институтов развития НЧК.

6.7. С точки зрения противоборства ЛЧЦ, представляется необходимым внести коррективы в методику прогнозирования стратегического характера возможных внешних военных угроз РФ и ее союзникам до 2040 года в следующих областях;

- необходимости развития тактики и оперативного искусства, т.е. возвращения к классической формуле военного искусства – от тактических побед к стратегическому выигрышу, от которой во многом отошли с появлением стратегического ЯО и наработки которых не развивались с конца 80-х годов XX в. Военные действия между ЛЧЦ крайне маловероятно будут вестись сразу же на уровне СНВ из-за крайней степени риска. Военный конфликт будет развиваться по эскалации от применения невоенных силовых средств, через использование экстремистских групп и «пятой колонны»,

массового применения ВТО и создания «облачного противника» с применением ЧВК;

– стратегический характер внешних военных конфликтов с развитием ЛЧЦ будет определяться, прежде всего, интересами и ценностями этих ЛЧЦ, которые защищают и продвигают правящие элиты и институты развития НЧК. Прежде всего, западной ЛЧЦ. Соответственно главными стратегическими целями в военных конфликтах до 2040 года станут правящие элиты противостоящих ЛЧЦ, их институты гражданского общества и управления. Это – главные объекты для силового воздействия (военного и невоенного) западной ЛЧЦ в России и странах-союзниках;

– необходимо учитывать, что в XXI веке будет возрастать «обратное» (реверсное) влияние конкретной СО на ВПО и МО.

6.8. Развитие противоборства между ЛЧЦ в XXI веке требует переоценки методики прогнозирования вариантов ведения войн и отдельных военных конфликтов в целом, которые в будущем будут иметь:

– **системный характер**, т.е. использовать весь арсенал не только военных, но и гражданских средств и способов насилия, а также информационных и социальных технологий. Собственно, война и военные конфликты перестанут быть «чисто» военным явлением. Как уже показывает реальность сегодняшнего дня, отдельная война или конфликт становятся, прежде всего, цивилизационным конфликтом.

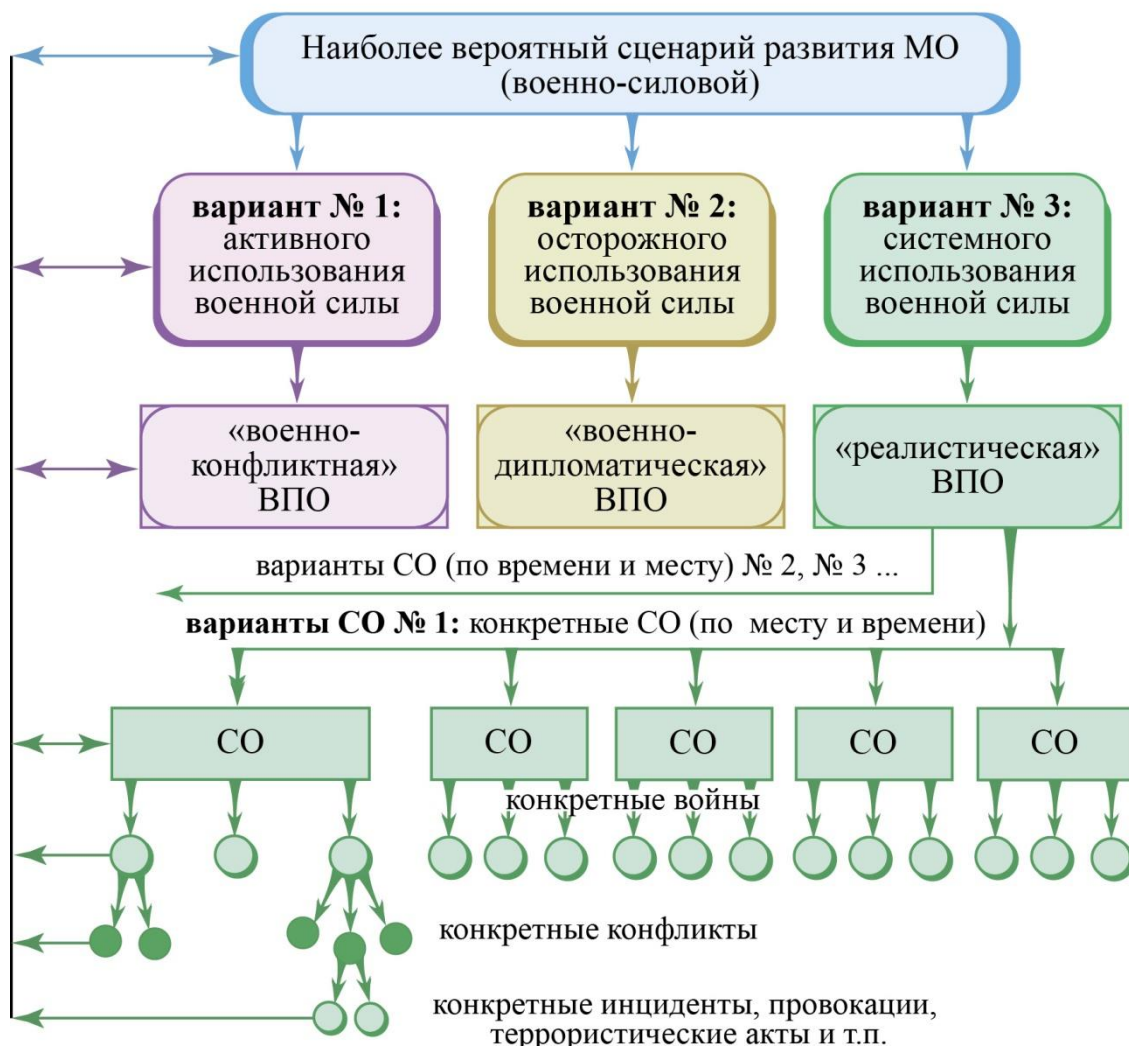
Примечательно, что эта тенденция быстро развивается и применительно к внутренним войнам и конфликтам, которые могут возникнуть или быть инициированы извне на цивилизационной (национальной, религиозной и пр.) основе;

– **сетевцентрический характер**, когда системное использование насилия предполагается против многих объектов, включая персонально лиц, отвечающих за управление государством и ВС.

7. Противоборство ЛЧЦ в XXI веке вносит существенные изменения в формирование конкретных вариантов СО, характер и особенности войн и военных конфликтов. В этой связи предлагается рассматривать их, прежде всего, в иерархии развития отношений между ЛЧЦ, которые выражаются в

тех или иных сценариях и их вариантах МО и ВПО, позволяющих выделить их конкретные особенности.

Иерархия развития СО, войн и конфликтов в XXI века

Из предлагаемого рисунка видно, что основные характерные черты и особенности будущих войн, конфликтов и инцидентов формируются, прежде всего, под влиянием отношений между ЛЧЦ, которые, в свою очередь, формируют тот или иной сценарий (и его варианты) развития МО и ВПО.

Нельзя, однако, игнорировать и обратное влияние – когда СО и даже отдельные конфликты и инциденты влияют на формирование ВПО и даже МО. Можно привести два примера, иллюстрирующих эту мысль.

Так, военный конфликт на востоке Украины в 2014–2016 годах резко ухудшил МО и ВПО в Европе и во всем мире, хотя нельзя говорить, что он стал единственным и даже главным фактором, повлиявшим на развитие МО и ВПО.

Другой пример, более частный: сбитый в Сирии бомбардировщик ВС РФ – вряд ли можно отнести к категории военного конфликта. Это – военный инцидент, быстро переросший в политико-дипломатический конфликт России и Турции.

Таким образом, методика анализа и прогноза возможных и вероятных вариантов будущих войн и конфликтов должна исходить, прежде всего, из анализа и прогноза развития сценариев (и их вариантов) развития МО, ВПО, а также вероятных конкретных сценариев СО, войн, конфликтов и инцидентов, которые сами могут также влиять на формирование МО и ВПО.

Сказанное также означает, что при анализе и прогнозе будущего характера войн и конфликтов необходимо учитывать перспективы развития ЛЧЦ, вероятные сценарии развития МО (и их варианты), а также другие невоенные факторы.

8. Развитие различных сценариев (и их вариантов) взаимоотношений ЛЧЦ в XXI веке, реализуемых в тех или иных сценариях (и их вариантах) МО и, как следствие, ВПО, создает не только основу для анализа и прогноза будущих войн и конфликтов, но и фундамент для анализа и прогноза способов их ведения по направлениям развития кризисных ситуаций.

Динамичное развитие ЛЧЦ в XXI веке ведет к революционным изменениям в средствах ведения войн и осуществления всей силовой политики, а также способах их ведения, что уже на самой ранней стадии анализа позволяет сделать важные методологические выводы:

а) способы ведения вооруженной борьбы в XXI веке меняются радикально, революционно, требуя пересмотра традиционных положений военного искусства. Учитывая революционные изменения в информатике, средствах связи и управления, можно сказать, что в XXI веке произошла революция в области военного искусства, которая пока что не нашла до конца своего осмысления. Так, если прежде система управления войсками допускала управление из главного штаба соединениями и отдельными частями,

то уже в ближайшем будущем это будет возможно применительно к отделению и даже отдельному военнослужащему.

На место центрального управления в массовом порядке приходит сетевое управление из разных центров в режиме on-line, а также высокая степень сочетаемости военных, политических, экономических и иных решений;

б) следует признать, что разработка новых способов ведения войн и конфликтов (как и все социальные теории) в настоящее время отстает от разработки средств и технологий, т.е. новые материальные и информационные, военные и иные возможности значительно опережают знание о том, как их применяют. Это означает, что особенное внимание требуется уделить развитию военного искусства на качественно новой теоретической и методологической основе;

в) среди новых способов ведения войн особенное значение приобретают силовые, но невоенные способы борьбы, прежде всего, информационной, социальной и кибернетической.

9. Прогноз развития военно-силового противоборства ЛЧЦ предполагает, что особое значение имеет прогноз исхода этого военного конфликта и его последствий. Любая война преследует конечные политические цели, которые прежде, как правило, носили ограниченный характер и предполагали возможности достижения компромисса, удовлетворяющего обе стороны. Даже капитуляция, без всяких условий, Германии и Японии в 1945 году не предполагала уничтожения этих государств, а тем более наций.

Противоборство ЛЧЦ существенно изменило эту ситуацию. Теперь победа в противоборстве между ЛЧЦ предполагает:

- признание норм и правил, созданных той или иной ЛЧЦ на базе их системы ценностей и интересов, в качестве единственных и универсальных;
- потерю национальной идентичности и государственного суверенитета;
- смену правящих элит на такие элиты, которые смогут эффективно выполнять установки, сформулированные победившей ЛЧЦ.

Таким образом, военный конфликт между ЛЧЦ, а тем более война не предполагают компромисса изначально, а переговорный процесс предпола-

гает только политическую победу. В такой войне преследуются самые решительные цели, а значит, используются самые эффективные средства и способы ведения военных и иных действий. Бескомпромиссность таких войн дополняется усилением их антигуманной направленности по отношению к мирным жителям, которые чаще и в больших масштабах становятся жертвами таких войн и конфликтов.

10. Предложения в методику прогнозирования состава сил, их расстановки и положения, формулируются исходя из анализа и прогноза возможного развития конкретной ВПО и СО в мире и в регионах, но уже ясно, что такая методика должна исходить из ряда положений, характеризующих особенности развития ЛЧЦ в XXI веке, а именно:

– **состав сил** включает потенциально весь набор сил и средств государств, наций и акторов коалиции, в основе которой находится та или иная ЛЧЦ. В том или ином конфликте может участвовать только часть (иногда небольшая) сил ЛЧЦ. Как это было, например, с операциями «международной коалиции» в Югославии, Афганистане, Ираке или Сирии. Но именно столько, сколько это необходимо для данной войны или операции.

Глобальный конфликт, а тем более война между ЛЧЦ, предполагает глобальный охват и использование всех ресурсов ЛЧЦ. Причем не только военных, но и гражданских;

– **расстановка сил** ЛЧЦ происходит еще до начала военного конфликта или войны, так как требует не только создание соответствующих ВиВСТ, но и инфраструктуры заранее, что существенно повышает их боевую эффективность. Учитывая, что конфликт между западной ЛЧЦ и другими ЛЧЦ в Евразии может происходить на начальной стадии вдоль периметра границ РФ–ОДКБ и КНР, то следует неизбежный вывод о стремлении западной ЛЧЦ создать соответствующую инфраструктуру, а также разместить тяжелую ВиВСТ вдоль этих границ. Размещение систем ПРО в Польше и Румынии, частей тяжелой техники вдоль границ с РФ в 2016 году, – примеры таких действий.

Исходное положение вооруженных сил ЛЧЦ оценивается исходя из сценария развития ВПО «Военно-силового противоборства ЛЧЦ».

Список использованной литературы:

1. *Августин*. О Граде Божьем. Соч. Минск: Харвест, 2000.
2. *Акаев А.А. и Садовничий В.А.* О новой методологии долгосрочного циклического прогнозирования развития мировой системы и России.
3. *Алешин Б.С.* Вступительное слово / *Алексашин А.А., Гарбук С.В., Губинский А.М.* Российский оборонно-промышленный комплекс: история, современное состояние, перспективы. М.: МГУ, 2011.
4. *Белоконь С. П.* Обоснование основных направлений строительства и развития военной организации Российской Федерации на долгосрочный период. Презентация. М. 2013.
5. *Бжезинский З.* Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы. М.: Международные отношения, 2010.
6. Государственная безопасность России: история и современность / под общ. ред. Р.Н. Байгузина. – М.: РОССПЭН, 2004.
7. Государственные программы вооружения Российской Федерации: проблемы исполнения и потенциал оптимизации. ЦАСС, 2015.
8. *Дегтерев Д.* Количественные методы в международных исследованиях // Международные процессы, 2015. Т. 13. № 2.
9. Долгосрочное прогнозирование международных отношений: сборник статей /под ред. А.И Подберёзкина. МГИМО-Университет, 2016.-307, (1) с.
10. *Зеркалов Д.В.* США. НАТО. ЕС. Эскалация войн / <http://www.zerkalov.org/files/sha-187.pdf>. С. 703.
11. *Зиновьева Е.* Цифровая дипломатия, международная безопасность и возможности для России / Индекс безопасности № 1 (104), Т. 19. С. 213 / <http://www.pircenter.org/media/content/files/10/13559069820.pdf>
12. Институт энергетических исследований российской академии наук. Аналитический центр при правительстве Российской Федерации. Прогноз развития энергетики мира и России до 2040 года. М.: 2014 / <http://ac.gov.ru/files/publication/a/2194.pdf>.
13. История международных отношений: в трех томах: Учебник / Под ред. А. В. Торкунова, М. М. Наринского. М.: Аспект Пресс, 2012.
14. *Капица Л.М.* Индикаторы мирового развития. – М.: МГИМО-Университет, 2016.
15. *Кокошин А.А.* Выдающийся отечественный военный теоретик и военачальник А.А. Свечин. М.: МГУ, 2013.
16. Концепция национальной безопасности Российской Федерации // Российская газета. 1997. 26 декабря.
17. *Кофман М.* War On The Rocks / Гибридная война России и другие темные искусства. 2016. 26 марта /

- <http://sputnikipogrom.com/translated/52682/dark-russian-arts/#.V5EHcdSLRiw>
18. Кто генерирует «пессимизм» в России в период мобилизации на войну: доклад разведки Канады / Эл. ресурс: EurAsia Daily. 2016. 17 июня / <http://eadaily.com/ru/>
 19. Кузык Б.Н., Яковец Ю.В. Интегральный макропрогноз инновационно-технологической и структурной динамики экономики России на период до 2030 года / Б.Н. Кузык, Ю.В. Яковец; авт. вступ. ст. А.Д. Некипелов. – М.: Институт экономических стратегий, 2006.
 20. Лисовская Е. США выделили 3,4 млрд на «сдерживание» России // Эл. Ресурс: «Госновости». 2016, 24 декабря/<http://gosnovosti.com/2016/12>
 21. Маев С. Под знаменем ремонта / Эл. ресурс: «Оружие России», 2016. 3 октября / <http://www.arms-expo.ru/analytics/vooruzhennyye-sily/sergey-maev-pod-znamenem-remonta/>
 22. Макконнелл Б. Сетевое общество и роль государства // Россия в глобальной политике. 2016. Март–апрель. № 2.
 23. Медведев В. В загнивающей Америке готовится грандиозный технологический прорыв, который определит будущее человечества / Эл. ресурс: NewRezume. 2016. 5 июля / <http://newrezume.org/news>
 24. Миртисен / <http://s30556663155.mirtesen.ru/blog/43638702710/Lokalnyie-tsivilizatsii>
 25. Мухаметшина Е. Основными противниками жители России считают США, Украину и Турцию // Ведомости. 2016. 3 июня.
 26. Нариньяни А.С. Математика XXI – радикальная смена парадигмы. Модель, а не алгоритм // Вопросы философии. 2011. 22 февраля / <http://vphil.ru>
 27. Петухов Ю.Д. Евразийская империя скифов. М.: Вече, 2008.
 28. Пипия К.Д. Идентификационные портреты россиян (на данных The ISSP и Левада-Центра) / Мониторинг общественного мнения: Май–июнь 2016. № 3 (133). / http://wciom.ru/fileadmin/file/monitoring/2016/133/2016_133_03_Pipia.pdf
 29. Подберезкин А. И. Вероятный сценарий развития международной обстановки после 2021 года. – М.: МГИМО–Университет, 2015.
 30. Подберезкин А. И. Военные угрозы России. – М.: МГИМО-Университет, 2014.
 31. Подберезкин А. И. Евразийская воздушно-космическая оборона. - М.: МГИМО-Университет, 2014 г.
 32. Подберёзкин А.И. Стратегия национальной безопасности России в XXI веке. - М.: МГИМО-Университет, 2016 г.
 33. Подберезкин А.И. Боришполец К.П., Подберезкина О.А. Евразия и Россия. – М.: МГИМО-Университет, 2014.

34. *Подберезкин А.И.* Военные угрозы России. М.: МГИМО-Университет, 2014.
35. *Подберезкин А.И.* и др. Долгосрочное прогнозирование развития международной обстановки: аналитич. доклад. – М.: МГИМО-Университет, 2014.
36. *Подберезкин А.И.* Национальный человеческий капитал. В 5 т. Т. 1. М.: МГИМО-Университет, 2011.
37. *Подберезкин А.И.* Национальный человеческий капитал. В 5 т. Т. 2. М.: МГИМО-Университет, 2012.
38. *Подберезкин А.И.* Национальный человеческий капитал. В 5 т. Т. 3. М.: МГИМО-Университет, 2011.
39. *Подберезкин А.И.* Стратегия национальной безопасности России в XXI веке. М.: МГИМО-Университет, 2016.
40. *Подберезкин А.И.* Третья мировая война против России: введение к исследованию. М.: МГИМО-Университет, 2015.
41. *Подберезкин А.И., Мунтян М.А., Харкевич М.В.* Долгосрочное прогнозирование сценариев развития военно-политической обстановки: аналитич. доклад. М.: МГИМО-Университет, 2014.
42. *Подберезкин А.И., Соколенко В.Г., Цырендоржиев С.Р.* Современная международная обстановка: цивилизации, идеологии, элиты. – М.: МГИМО-Университет, 2015. – 464 с.
43. *Подберезкин А.И., Харкевич М.В.* Мир и война в XXI веке: опыт долгосрочного прогнозирования развития международных отношений. – М.: МГИМО-Университет, 2015. – 581 с.
44. *Попов И.М.* Война — это мир: невоенные аспекты обеспечения безопасности государства / Доклад: МГИМО-Университет, 2014. Апрель.
45. Прогнозирование международной ситуации: угрозы безопасности и военная политика России / А.И. Подберезкин, К.П. Боришполец, А.А. Казанцев, В.П. Козин, А.А. Орлов. – М.: МГИМО-Университет, 2014. – 44 с.
46. Проект долгосрочной стратегии национальной безопасности России с методологическими и методическими комментариями: аналит. доклад / [А.И. Подберезкин (рук. авт. кол.) и др.]. – М.: МГИМО-Университет, 2016. Июль. – 86 с.
47. *Путин В.В.* Послание Президента Федеральному Собранию. 2016, 1 декабря.
48. *Путин В.В.* Указ Президента Российской Федерации «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации». №646 от 2016, 5 декабря.
49. *Путин В.В.* Указ Президента Российской Федерации «О мерах по реализации внешнеполитического курса Российской Федерации». 7 мая 2012 г. №605

50. *Путин В.В.* Указ Президента Российской Федерации «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации». 2016, 5 декабря, №646, Ст.10—12.
51. *Путин В.В.* Указ Президента Российской Федерации «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации. 2016, 30 ноября, №640, Ст.14-15.
52. *Путин В.В.* Указ Президента РФ №683 от 31 декабря 2015 г. «О стратегии национальной безопасности Российской Федерации».
53. *Путин В.В.* Указ Президента Российской Федерации «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации». 2016, 1 декабря, №642, Ст.11.
54. Россия и мир в 2020 году: Контуры тревожного будущего. - М.: Эксмо, 2015, с.26.
55. *Сафронов И., Сапожков О.* Битва при бюджете // Коммерсант, 2016. 4 июля.
56. *Сизов В.Ю.* Военная политика и военная безопасность России. 2010. – № 2 / <http://www.rusus.ru/print.php?id=191>
57. *Симония Н.А.* Эволюция восточных обществ: синтез традиционного и современного / отв. ред. Л.И. Рейснер. М.: Восточная лит-ра, 1984.
58. *Слука Н.* Большой стране – большие проекты / ВВП, 2015. № 5(94).
59. *Созинов П.А.* Направления развития системы воздушно-космической обороны Российской Федерации / доклад. – М.: МГИМО-Университет, 2014.
60. Сотрудничество и соперничество в Евразии (материалы Шестой российско-японской конференции) г. Москва. 2009. 16 сентября. М.: МГИМО-Университет, 2009. С. 29–30.
61. Стратегическое прогнозирование международных отношений: кол. монография / под ред. А.И. Подберезкина, М.В. Александрова. М.: МГИМО-Университет, 2016.
62. *Султанов Ш.З.* Стратегическое сознание и мировая революция. М.: Книжный мир, 2016.
63. *Тимофеев И.* Российская идентичность. От Большой Европы к Большой Евразии / Эл. ресурс: «РСМД». 2016. 8 июня / http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=7900#top-content
64. *Тойнби А.* Теория локальных цивилизаций. Сборник. М. 1996.
65. *Фролов А.* Опасности на горизонте // Россия в глобальной политике, 2016. Январь–февраль.
66. *Хамзатов М.М.* «Облачный противник»: новая угроза международной безопасности / Доклад на конференции «Современные аспекты международной безопасности». М.: МГИМО-Университет, 2014.
67. *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций [пер. с англ. Т. Велимеева]. М.: АСТ, 2016.

68. *Харкевич М.В.* Политическое усиление государства через его онтологическое ослабление // Полис. Политические исследования. 2012. № 5. С. 122-129.
69. *Хрусталева М.А.* Анализ международных ситуаций и политическая экспертиза. М.: Аспект Пресс, 2015.
70. *Цветкова Н.А.* Программы Web 2.0 в публичной дипломатии США / США и Канада: экономика, политика, культура, № 3, 2011.
71. *Чимаров С.Ю.* К вопросу о сетцентрическом формате гибридной войны XXI века // Управленческое консультирование. 2016. № 2. С. 98.
72. *Шмелев П.М., Подберезкин А.И., Еремченко Е. Н.* [и др.] / Информационно-аналитическая система стратегического противодействия угрозам национальной безопасности: аналитич. доклад. М.: МГИМО-Университет, 2014.
73. *Шумов В.В.* Модель безопасности государства / Управление большими системами. Выпуск 58. 2015. Ноябрь.
74. *Bhonsle R.* US Defence Secretary Carter Visit: A Test of India's Multi-Alignment Foreign Policy. 2016, April, 8 / www.security-risks.com
75. Conflict Barometer. 2012 / Heidelberg Institute for International Conflict. 2013. P. 2.
76. *Friedman G.* The Next 100 Years: A Forecast for the 21st Century / Doubleday, 2009. – P. 21 / eKnigi.org
77. *Huntington S.P.* The Clash of Civilizations? // Foreign Affairs, 1993. Summer / <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/1993-06-01/clash-civilizations>
78. IT Strategic Plan: Fiscal Years 2011–2013 – Digital Diplomacy / <http://www.state.gov/m/irm/rls/148572.htm>
79. Joint Operating Environment (JOE) 2035. The Joint Force in a Contested and Disordered World. 14 July. 2016.
80. National Security Strategy. – Wash.: The White House. February. 2015.
81. Strategic Trends Programme Global Strategic Trends – Out to 2045. Fifth Edition. London, Ministry of Defence. 2015. P. 3.
82. Strategic Trends Programme Global Strategic Trends – Out to 2045. Fifth Edition. London, Ministry of Defence. 2015. P. XXIV.
83. The National Military Strategy of the United States of America / Wash. : GPO, June. 2015.
84. The U.S.-China Military Scorecard: Forces, Geography, and the Evolving Balance of Power, 1996–2017. – RAND, California, 2015.
85. World Military Balance 2016 исследовательского института International Institute for Security Studies (IISS).